

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
EUROPIAN HERITAGE FOUNDATION

STUDIES
IN MEDIEVAL AND EARLY
AND MODERN SOCIAL HISTORY
AND CULTURE

Published since 1996

Volume 10

Edited by *G. E. Lebedeva*

S.-Petersburg
2013

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФОНД «ЕВРОПЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНИХ ВЕКОВ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Издается с 1996 года

Выпуск 10

Межвузовский сборник

Под редакцией *Г. Е. Лебедевой*

Санкт-Петербург
2013

УДК 94(100):008
ББК 63.3(0)4/51
П78

УДК 930(47).084.6; ББК 63

Редколлегия сборника: *Г. Е. Лебедева* (отв. редактор),
А. Ю. Прокопьев, *С. Е. Федоров*, *В. А. Якубский*,
Е. А. Мехмадиев (отв. секретарь)

Г. Е. Лебедева, *В. А. Якубский*

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета*

ПЕРВЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И КАФЕДРА МЕДИЕВИСТИКИ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Тема настоящей работы посвящена событиям 1930-х — начала 1940-х гг. и связана с одним из драматичных эпизодов истории советской медиевистики в этот тяжелый и переходный период ее становления и развития. В центре внимания статьи — судьба учебника по истории Средних веков, подготовленного сотрудниками кафедры истории Средних веков Ленинградского университета в конце 30-х гг. Так уж получилось, что в 30-е гг. советской исторической науке придется практически чуть ли не заново открывать для себя историю западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, во многом по-своему ее интерпретируя. Пожалуй, соотнесение с делами советской эпохи в какой-то мере помогает оценить место и роль ранней отечественной медиевистики.

Процесс этого, так сказать, «вторичного открытия», сам по себе непростой, сопряженный со своими приобретениями и своими (тоже немалыми) издержками, протекал, как знаем, в сложной — мягко говоря — обстановке¹. Достаточно упомянуть о том, что постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г., восстанавливавшее в правах гражданскую историю, пришлось на тот же год, что и убийство С. М. Кирова, повлекшее за собой последствия, которые не обошли стороной и наших историков. Эти два столь различных по своему характеру события разделяет по времени всего лишь каких-то полгода. Да и до 1 декабря 1934 г. ситуация в стране не слишком благоприятствовала спокойным медиевистическим студиям.

Надо ли объяснять, что объявленное весной 1934 г. восстановление гражданской истории в правах было куда легче провозгласить, чем осуще-

П78 Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 10. — СПб.: 2013. — 152 с.

В оформлении обложки использованы репродукции:
Семья императора Максимилиана II
(Джузеппе Арчимбольдо 1527–1593, замок Амбрас, Инсбрук);
Портрет императора Рудольфа II в виде бога Вертумна
(Джузеппе Арчимбольдо, 1527–1593)

ББК 63.3(0)4/51

ствить на деле. За прошедшие со времен революции полтора десятилетия была почти до основания развалена неплохо функционировавшая в дореволюционную пору система высшего исторического образования, и теперь во многом приходилось начинать с нуля. Сделать это было тем труднее, что была свежа память об «академическом» деле, травле Д. М. Петрушевского и других эпизодах недавнего прошлого.

Помимо всего прочего, возрождаемая университетская подготовка историков сразу же столкнулась с такой немаловажной проблемой, как отсутствие учебников — в частности, пособий по истории средних веков и раннего нового времени. Здесь положение было, без преувеличения, катастрофическим.

Старых, дореволюционных изданий студентам — а порой и преподавателям — было практически не найти. Много погубило в годы разрухи, многое пропало из библиотек в ходе чуть ли не регулярно проводимых там изъятий. Да и если какие-то экземпляры литографированных или типографским способом изданных лекционных курсов чудом и уцелели, то их содержание никак не соответствовало духу советской высшей школы.

Учебные же пособия, увидевшие свет в послереволюционные полтора десятилетия, в расчет не шли, хотя книжек такого рода выходило немало. Но пособиям М. П. Баскина, Н. Н. Розенталя и других не доставало систематичности в изложении материала, да и подход к предмету бывал слишком односторонним и вульгарным — чуть ли не все там вращалось вокруг классовой борьбы и торгового капитала. Для изучения гражданской истории, как стали у нас выражаться после партийно-правительственных постановлений 1934 г., эти издания определенно не годились. К тому же, их авторы сплошь и рядом оказывались повинными в троцкизме и прочих идейно-политических грехах. Уже был развенчан — по счастью для него, посмертно — М. Н. Покровский...

Короче говоря, была понятна насущная необходимость по возможности скорее подготовить университетские учебники, которые бы должным образом учитывали происходивший в науке и в преподавании радикальный пересмотр позиций, касающихся Средневековья. А пересмотр этот, стоит подчеркнуть, затрагивал понимание самой сути рассматриваемых явлений, что наглядно проявилось в предпринятой историками по указаниям сверху корректировке периодизации всемирного исторического процесса.

Позволим себе напомнить о некоторых тогдашних делах. Марксистский, другими словами — формационный подход к истории диктовал, как всем известно, концентрацию внимания историков на закономерной

смене основных господствующих форм социальных отношений, на революционном характере переходов от одной формации к другой. В теории все это выглядело достаточно логично, но конкретизация абстрактных формул, приложение их к реальным событиям наталкивались на серьезные трудности. А вдобавок ко всему как раз в рассматриваемые годы партийно-государственное руководство выступило с несколько экстравагантными историософическими идеями.

В феврале 1933 г., незадолго до реабилитации гражданской истории, сам И. В. Сталин счел нужным, выступая на Первом съезде колхозников-ударников, довольно популярно изложить слушателям свое представление о межформационных переходах. Вождь провозгласил собравшимся, что в свое время «революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации трудящихся». Соответственно фигурировала там и «революция рабов», оборвавшая господство рабовладельцев. Причем генеральный секретарь говорил об этом не впервые: скажем, еще в 1927 г., в конспекте статьи «Международный характер Октябрьской революции» он писал о «революциях рабов», «революциях крепостных».

Не мешает обратить внимание на употребляемую И. В. Сталиным терминологию. Выступая перед колхозниками-ударниками, т. е. перед аудиторией, довольно далекой от сложнейших исторических проблем, естественно было оперировать известными всем понятиями. Все-таки о крепостном праве, отмененном у нас всего каких-то семь десятилетий тому назад, слышали, разумеется, все — в отличие от таких сложнейших вещей, как смена феодализма капитализмом.

Так что, говоря на колхозном съезде о всемирно-историческом процессе, было бы естественно, ради понятности, оперировать материалом недавнего российского прошлого. Но, похоже, что сам оратор всерьез воспринимал российское крепостничество как некий классический образец, эталон феодального строя. А уж это, учитывая директивный характер любых высказываний Сталина, не могло не иметь прямых — и малоприятных — последствий для советской науки.

Людей, мало-мальски знакомых с историей, такие смелые утверждения либо смешили, либо пугали: если при большом желании еще можно было отыскать в истории что-то хотя бы отдаленно походившее на революцию рабов, то революцию крепостных никому обнаружить не удавалось. Однако это мало смущало апологетов «творческого марксизма».

Пропагандисты разного ранга, с готовностью подхватившие сталинскую идею, не замечали (или боялись замечать), что генсек несколько противоречил сам себе. Всего лишь за год до выступления перед

колхозниками-ударниками, в декабре 1931 г. Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом авторитетно изрек: «Отдельные крестьянские восстания — даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести...»

Производимая в соответствии с подобными новыми веяниями корректировка периодизации Всемирной истории сравнительно мало затрагивала начала Средневековья. В отношении перехода от Античности к Средним векам (или, используя марксистскую терминологию, от рабовладельческого способа производства к феодальному) заметных расхождений с традиционной датировкой не последовало. Разница была скорее в расстановке акцентов: центр тяжести переносится с варварских вторжений в Римскую империю на восстания рабов.

Зато верхняя грань Средневековья подверглась радикальной передвигке. Ни падение Константинополя, ни плавание Колумба олицетворять формационный перелом не были способны, а из тех революционных потрясений, с которыми можно было бы как-то связать наступление Нового времени, предпочтение было теперь отдано самому значительному из них — Великой французской буржуазной революции. В результате этого Средние века в обновленной периодизационной схеме оказались продленными на два — три столетия, до середины XVIII века.

Таким образом, советские специалисты по истории раннего Нового времени неожиданно для себя стали медиевистами. На возражения недовольных, что такая резкая передвигка периодизационного рубежа, кроме всего прочего, порывает с традицией, что это может затруднить взаимопонимание с иностранными коллегами, внимания не обращали. К слову сказать, к таким контактам начальство вообще относилось с подозрением, а в скором времени они станут и опасны для жизни — достаточно вспомнить «дело» В. Н. Бенешевича...

Все эти мелкие и крупные сложности, включая сюда и отсутствие учебников, сполна ощутили на себе ленинградские историки, — в том числе и воссозданная в соответствии с постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. кафедра истории Средних веков исторического факультета Ленинградского государственного университета.

Понятно, что подготовка учебников сразу же стала первоочередным делом. На первых порах такая задача даже казалась не слишком сложной. В Москве, Ленинграде, других университетских центрах к середине 30-х гг. все же оставалось не так уж мало опытных и знающих специалистов, готовых взяться за это дело. Уже в ближайшие недели после майского постановления предприняты были первые шаги.

Если говорить о Ленинграде, то там по указанию из Москвы за дело взялась Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), которая, к слову сказать, до майского постановления и воссоздания истфака была, пожалуй, главным прибежищем для поневоле расставшихся с Университетом ленинградских медиевистов.

Возглавивший работу над учебником по истории Средневековья директор Академии Э. Д. Гримм, историк-античник, в свое время — профессор Петербургского-Петроградского университета и его многолетний ректор, по старой памяти сразу же привлек к составлению учебника возвращенных теперь на университетскую кафедру профессоров И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рождественскую, а также А. Г. Вульфуса, Н. С. Цемпша и др.

Но работа с самого начала пошла вкось, а к концу года окончательно развалилась. Неудача попытки ГАИМК в какой-то мере объяснялась спешкой, и тем, что руководство Академии не умело найти общего языка с авторами, да и само толком не представляло себе, чего от них добивается. Сказалось и то, что методологические установки участников этого коллективного проекта были трудно совместимы с требованиями начальства. Э. Д. Гримм был профессионалом старой выучки, знающим и опытным ученым, но увлекающимся и весьма неуравновешенным человеком. Уверовав в догмы казенного марксизма, как его понимали в советскую пору, он требовал от авторов неукоснительного следования официальным установкам.

Скажем, от О. А. Добиаш-Рождественской, на долю которой достался раздел об истории крестовых походов, ожидали, насколько можно судить, избличения крестоносцев в духе ведущейся у нас пропаганды, тогда как исследовательница, храня верность традициям отечественной медиевистической школы начала XX века и превосходно зная материал, с пониманием, даже с известным сочувствием воспринимала идеалы крестоносного движения. К марксизму, надо сказать, Добиаш-Рождественская относилась весьма уважительно, но понимала учение Маркса на свой, можно сказать — на гуманистический лад.

У дирекции ГАИМК не нашлось взаимопонимания ни с И. М. Гревсом, ни с другими привлеченными к составлению учебника авторами. Короче говоря, знающие, опытные профессионалы — участники проекта считали ниже своего достоинства приспособляться, прикрываться спасительными цитатами из трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, адаптируясь к той вульгаризированной версии марксизма, которая тогда насаждалась в Советском Союзе. То есть в неудаче проекта ГАИМК в конечном счете проявила себя плохая совместимость академической традиции, сложившейся в пору открытия российской дореволюционной наукой истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, с теми

научными и этическими нормами, которые в 30-х гг. так настойчиво насаждались у нас. Задуманный вскоре после неудачи гриммовского предприятия профессором О. Л. Вайнштейном под крылом все той же Академии истории материальной культуры, коллективный трехтомник по истории средних веков тоже не состоялся. Становилось все очевиднее, что не обойтись без серьезной подготовительной работы.

Одним из этапов такой работы явился выпуск ленинградскими университетскими медиевистами в 1938 г. лекционного курса умершего за год до того профессора П. П. Щеголева. Не будет большим преувеличением сказать, что эти «Очерки истории Западной Европы XVI–XVII вв.»² в значительной мере явились плодом коллективного труда. В их основу были положены стенограммы лекций, прочитанных Щеголевым в 1935/36 учебном году в Ленинградском институте философии, литературы и истории (каковой в конце 20-х гг. отпочковался от университета, а после восстановления исторического факультета ЛГУ был вновь слит с ним). После смерти ученого сотрудники кафедры истории средних веков Ленинградского государственного университета, которую с осени 1935 г. возглавлял О. Л. Вайнштейн, немало поработали над текстом, устраняя погрешности и стилистического и содержательного характера и особенно заботясь о том, чтобы не осталось следов от увлечения лектора идеями Покровского.

Как деликатно предупреждало предисловие к книге, редакторы не только уточняли формулировки, но и прибегали «к дополнениям, вставкам целых фраз и т. п.».

Книга, увидевшая свет в 1938 г., помимо прочего, любопытна тем, что являла собой своего рода промежуточную, переходную форму между учебниками старого, традиционного типа и учебниками, так сказать, советского образца. Обращает на себя внимание, что «Очерки» еще обошлись без становящихся тогда непременно, чуть ли не обязательными сталинских цитат. Многочисленные отсылки к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса были в книге, как правило, к месту — хотя все же, скажем, подкрепление авторитетом Маркса элементарной, общеизвестной информации о том, что после плавания Васко да Гамы расширилась торговля европейцев с Индией (см. с. 38), выглядело по меньшей мере странно. Вместе с тем в книге Щеголева все еще присутствовали ссылки делового, позитивного, так сказать, характера на труды В. Зомбарта, К. Каутского, Дж. Фиске — подобная практика, как известно, вскоре напрочь исчезнет со страниц наших учебников.

Положение с учебной литературой беспокоило, разумеется, не только ленинградских медиевистов. В Москве, где было больше специалистов и

были заметно шире кадровые, организационные и прочие возможности, дело подготовки вузовского учебника по истории Средних веков сравнительно быстро сдвинулось с мертвой точки.

Там под эгидой академического Института истории интенсивно шла работа над двухтомником. В его редакционный триумvirат, наряду с Е. А. Косминским, возглавлявшим кафедру истории средних веков Московского университета, и А. Д. Удальцовым, заведовавшим сектором истории средних веков в Институте истории, вошел также ленинградец О. Л. Вайнштейн, на долю которого, помимо редакторской работы, выпало написание трех глав, посвященных средневековой культуре.

Работа шла интенсивно, и первый том официальной, допущенной всесоюзным комитетом по делам высшей школы при Совнарком в качестве вузовского учебника, «Истории средних веков», выйдет в Москве на исходе 1938 г., почти одновременно с «Очерками» П. П. Щеголева. В следующем году увидел свет второй том (в нем участвовал еще один ленинградский медиевист — М. А. Гуковский, написавший заключительную главу о развитии техники и естествознания). А в начале 1941 г. появилось второе, заметно переработанное издание первого тома.

Учебник наглядно отразил тогдашнее состояние советской медиевистики, доказывая, что в разработке ряда проблем — особенно из социально-экономической сферы — достигнуты были успехи. Но давали себя знать и издержки. Вообще-то мелочью, но мелочью значимой, симптоматичной явится увлечение многих наших историков цитатами. Содержащиеся в учебнике оценки, да и сама информация были, где только возможно, подкреплены авторитетом классиков марксизма-ленинизма.

Предмет особой авторской гордости (впрочем трудно сказать, насколько искренней), составило, как явствует, в частности, из предисловия к переизданию первого тома «Истории средних веков», привлечение «Хронологических выписок» К. Маркса (т. е. конспектов, которые составлял Карл Маркс при чтении «Всемирной истории» Ф. К. Шлоссера и некоторых других исторических трудов). Если попробовать соотнести дореволюционные и послереволюционные медиевистические студии, то, разумеется, сложно себе вообразить, чтобы отечественные ученые XIX — начала XX века, с именами которых связано открытие истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, с увлечением стали цитировать, да еще и в больших дозах чьи-то неприятельные конспекты прочитанных книг. Между тем в советской медиевистике на рубеже 30-х и 40-х гг. к набору дежурных цитат из трудов четырех классиков марксизма-ленинизма добавили цитаты из так называемых «Хронологических выписок» Карла Маркса. Но это, пожалуй, проблема не столько исторической науки, сколько социальной психологии.

² Щеголев П. П. Очерки из истории Западной Европы XVI–XVII вв. Курс лекций. Л.: ОГИЗ, 1938.

Заканчивая этот беглый обзор, нельзя не сказать о том, что, если своего учебника по истории средних веков ленинградские медиевисты тогда так и не смогли создать, то не приходится упускать из виду, что здесь успешно шла работа над пособиями по таким важным — и сложным — предметам медиевистического цикла, как историография, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины.

Информация о статье:

Авторы:

Лебедева Галина Евгеньевна, д.и.н., проф., зав. кафедрой истории Средних веков. СПбГУ, lebedeva.lebedeva-galina2014@yandex.ru, 328-94-47 (6412)

Якубский Владимир Александрович, д.и.н., проф., кафедра истории славянских и балканских стран. СПбГУ, yakubsky@yandex.ru, 328-94-47 (6419)

Заголовок: Первый университетский учебник по истории Средних веков и кафедра медиевистики Ленинградского университета.

Резюме: Статья рассматривает один из аспектов становления советской медиевистики в сложный и трагичный период 30-х гг., когда диктат марксистско-ленинской идеологии в области исторической науки заявил о себе в полную силу и непосредственно повлиял на судьбы отдельных ученых и направления исследовательского поиска в целом. В 1934 г. решением ЦК ВКП(б) были восстановлены исторические факультеты в вузах СССР, соответственно, особенно остро встал вопрос о подготовке новых кадров и методического обеспечения для преподавания различных учебных дисциплин в рамках исторического профиля, и среди них — издание учебника по средним векам. Этот учебник должен был быть выдержан в духе строгих канонов марксистско-ленинского учения, но в Ленинграде у профессоров старой дореволюционной школы возникли серьезные разногласия по идейным и содержательным вопросам с дирекцией Государственной академии материальной культуры (ГАИМК), первоначально взявшей на себя задачу написания подобного учебника. Поэтому учебник под названием «Очерки из истории Западной Европы в XVI–XVII вв.» был выпущен в 1938 г. преподавателями кафедры истории Средних веков Ленинградского университета. Формально изданный под авторством проф. П. П. Щеголева — сотрудника кафедры, чьи лекционные курсы легли в основу книги, учебник в действительности был плодом коллективной работы всех сотрудников кафедры, готовивших текст к печати и вносивших все необходимые корректуры и исправления. Можно сказать, что учебник представляет собой последний памятник более или менее относительного свободомыслия, поскольку в нем нет столь огромного количества ссылок на классиков марксизма-ленинизма по любым вопросам, характерного для изданий подобного рода в последующие периоды развития советской медиевистики.

Ключевые слова: 1934–1938 гг., Ленинградский государственный университет, советская медиевистика, марксистская идеология, учебник, П. П. Щеголев, О. Л. Вайнштейн, историография.

Список литературы:

Свешников, Антон Вадимович. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х гг. // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 86–112.

Щеголев, Павел Павлович. Очерки из истории Западной Европы XVI–XVII вв. Курс лекций. Л.: ОГИЗ, 1938. 489 с.

Information about the article:

Authors:

Lebedeva Galina Yevgen'evna, Doctor of History (PhD in History), Professor, the Chief of the Medieval history Department at Saint-Petersburg State University, lebedeva.lebedeva-galina2014@yandex.ru, 328-94-47 (6412).

Yakubsky Vladimir Aleksandrovich, Doctor of History (PhD in History), Professor of Slavic and Balkan studies Department at Saint-Petersburg State University, yakubsky@yandex.ru, 328-94-47 (6419).

Title: The first University handbook of Medieval history and Medieval history Department at Leningrad State University.

Summary: The present paper deals with the one aspect of forming a Soviet medieval studies in difficult and tragic times of 30th, when the pressure of Marxism and Leninism ideology became a more visible and sensible and this process immediately influenced on the fates of a single scholars and the trends of investigations as whole. In 1934 the branches (Faculties) of History within the Soviet Universities-system were restored by the order of The central committee of Soviet Communist Party, therefore the question on training of a new cadres and manuals for lecturing of a different disciplines in the framework of History section, and the edition of a handbook of Medieval history among these tasks, was clearly posted. This handbook should be implemented in a sharp Marxist style, but there was a serious clash of opinions between direction of State Academy of Material culture, who took initiative in handbook-writing primarily, and the professors of a pre-revolutionary generation in Leningrad. Therefore the handbook under the title of «Essays in history of West Europe in XVI–XVII A.D.» was published in 1938 by the lecturers of Medieval history Department at Leningrad State university. Formally it was edited under the authorship of P. P. Shchegolev, who was an associate of Department and whose lecture courses became a basis of a handbook, but really the manual was a result of collective work of all the Department's associates, prepared the text to printing and made all necessary improvements. We may assume, that the handbook represents a last trace of a certain freedom in Soviet social thought, as it not includes so many references to authors of Marxist theory by each point of treatment — the outstanding feature, that was so characterized for the further steps of Soviet Medieval studies.

Key words: 1934–1938, Leningrad State University, the Soviet Medieval studies, Marxist ideology, P. P. Shchegolev, O. L. Vainshtein, historiography.

References:

Sveshnikov, Anton Vadimovich. The Soviet Medieval studies within ideology strait in the end of 1930th–1940th, in *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2008. N 90. S. 86–112.

Shchegolev, Pavel Pavlovich. Ocherki iz istorii Zapadnoy Yevropy XVI–XVII vv. Kurs lektsiy. L.: OGIz, 1938. 489 s.

УДК 94(37).08; ББК 63.3(0)32

А. В. Банников, Г. А. Шмидт

СПАТНА ИЛИ GLADIUS? ПРИНЦИПЫ ОТРАЖЕНИЯ ВОЕННЫХ РЕАЛИЙ СОБСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ АММИАНОМ МАРЦЕЛЛИНОМ

Среди литературных источников по истории Римской империи второй половины IV в. «Деяния» (*Res Gestae*) Аммиана Марцеллина занимают особое место. Труд Аммиана, которого по праву называют последним великим историком Рима, доносит до нас уникальные сведения о самых различных сторонах позднеримской действительности. Вместе с тем, неопределенная жанровая принадлежность «Деяний», а также неодинаковая степень подробности содержащихся в них описаний различных исторических событий делают это произведение чрезвычайно сложным для интерпретации.

Сам Аммиан провозглашает главной целью служение истине и, подводя итог своему труду, считает, что сознательно не отступил от намеченного пути и не скрыл правду умолчанием, или ложью¹. Но так ли это было в действительности?

Как следует из указаний, оставленных Аммианом в тексте своего сочинения, прежде чем стать историком, он долгое время провел на военной службе². Поэтому неудивительно, что рассказы о боевых действиях и различных сторонах армейской жизни занимают в «Деяниях» очень важное место. И тем не менее, несмотря на военное прошлое Аммиана, среди исследователей до сих пор нет единого мнения о том, насколько достоверны эти сведения. Многие из того, что описано в *Res Gestae* заставляет ученых сомневаться в стремлении автора правдиво отразить действительность. Прежде всего, это касается военной терминологии. Аммиан постоянно упоминает о *легионах*, *нумерах*, *когортах*, *центуриях*,

¹ «...Opus veritatem professum numquam, ut arbitror, sciens silentio ausus corrumpere vel mendacio».

² Банников А. В., Шмидт Г. А. Miles et scriptor rerum: проблема достоверности сведений по военной истории у Аммиана Марцеллина // Натекс. Byzantina Ukrainensis. 2013. Т. 2. С. 28; 34–35.

© А. В. Банников, Г. А. Шмидт, 2013

манипулах, *турмах* и *ауксилиях*. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что часто он не делает между этими названиями различий и использует их совершенно произвольно.

Сложности терминологического характера касаются не только обозначений воинских подразделений. Аммиан нигде практически не использует названия современных ему видов вооружения. Он ничего не сообщает о *плюмбатах* или *манубалистах*, о которых хорошо знают его современники — анонимный автор трактата «О военных делах» (*De rebus bellicis*) и Вегетий. Аммиан ни разу не употребил термина *spatha* — современного ему названия меча, предпочитая использовать традиционное и уже утратившее свое специфическое значение слово *gladius*. Совершенно неуместным в тексте «Деяний» выглядят повторяющиеся упоминания о *litu* (*lituus*) — небольшом сигнальном горне, загнутом кверху в виде буквы «J»³. *Lituus* исчез из римской армии уже в период Поздней республики (I в. до н. э.). Тем не менее сам термин продолжал оставаться в ходу и в императорскую эпоху, но использовался, только в поэтических текстах⁴. Вегетий, описывая традиционные римские военные музыкальные инструменты, ничего не говорит о *litu*⁵, и это служит наглядной демонстрацией того, что подобный инструмент уже давно вышел из употребления.

Однако у Аммиана термин *lituus* встречается довольно часто⁶. Выражение *signo per lituos dato* («когда затрубили горны»), которое не единожды повторяется в «Деяниях», — обычное клише, означающее начало или прекращение военных действий⁷. Поэтому Аммиан может использовать его не только, когда ведет рассказ о римской армии, но также и, когда речь идет о противниках римлян⁸.

По мнению ряда исследователей, в описаниях многочисленных сражений в том числе и таких масштабных, как сражения при Аргенторате (357 г.)

³ Герцман Е. В. Музыка древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 245; Cascarino G. L'esercito Romano. Armamento e organizzazione. Vol. II: Da Augusto ai Severi. 2008. P. 189. Скорее всего, этот инструмент был заимствован римлянами у этрусков (Cascarino G. L'esercito... P. 189). Предполагается, что такие горны использовались в кавалерии, в то время как в пехоте сигналы подавались трубами (Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / пер. с англ. С. Лопуховой, С. Хромовой. М., 2001. С. 237; Gilbert F. Le soldat romain à la fin de la république et sous le Haut-Empire. Saint-Germain-du-Puy, 2004. P. 34; Cascarino G. L'esercito... P. 190).

⁴ Hor., Carm., II, 1, 18; Ovid., Fast., III, 217; Cascarino G. L'esercito... P. 190.

⁵ Veg., III, 5.

⁶ Amm., XIV, 7, 21; XVI, 10, 9; XIX, 2, 12; XIX, 11, 15; 6, 10; XXII, 2, 3; XXIII, 5, 15; 4, 1; XXVI, 10, 10; XXVIII, 1, 14; XXIX, 1, 14; XXXI, 7, 10; 13, 1.

⁷ Meucci R. Roman military Instruments and the Lituus // The Galpin Society Journal. 1989. Vol. 42, Aug. P. 88.

⁸ Amm., XXXI, 7, 10.

или Адрианополе (378 г.), и даже в рассказе об обороне Амиды, участником которой был сам Аммиан, нет исторической достоверности, и в основе их лежит желание автора «Деяний» подражать Гомеру или Вергилию⁹.

Не менее сомнительными представляются порой сообщения о воинских обычаях и традициях. Так, например, повествуя о событиях, последовавших за форсированием римлянами канала Наармальха и битвой с персами на его берегу, Аммиан пишет, что Юлиан решил наградить отличившихся солдат венками (*coronae*)¹⁰. Вместе с тем нам известно, что с эпохи Северов наградой за храбрость служили продвижение по службе и денежные подарки¹¹; поэтому упоминание венков выглядит очевидным анахронизмом¹². Странными представляются и детали, описанного Аммианом эпизода, поскольку наградой за выигранное сражение стали *морские (coronae navales), гражданские (coronae civicae) и лагерные (coronae castrenses)* венки¹³. Можно представить, что послужило причиной награждения солдат *гражданскими венками*, дававшимися за спасение римского гражданина, но совершенно неуместным в данной ситуации кажется упоминание о *coronae navales* — золотых венках с изображением корабельных роств, которыми награждались солдаты, проявившие храбрость в морских сражениях, или о *coronae castrenses* — золотых венках, которыми награждали солдат первыми врывшимися во вражеский лагерь: ни о морском сражении, ни о захвате персидского лагеря Аммиан не сообщает.

В другом месте Аммиан передает, что Юлиан, занимаясь строевой подготовкой, маршировал под звуки флейты (*fistula*)¹⁴. Однако ни в «Деяниях», ни в каком-либо ином источнике того же периода мы не находим сведений о том, что флейтисты своей игрой задавали ритм движения войскам. У нас вообще нет доказательств того, что римляне в какую бы то ни было эпоху использовали для военных целей этот музыкальный

⁹ O'Brien P. Ammianus Epicus: Virgilian Allusion in the «Res Gestae» // Phoenix. 2006. Vol. 60. N 3. P. 275.

¹⁰ Amm., XXIV, 6, 15.

¹¹ Feugère M. Les armes des Romains de la République à l'Antiquité tardive. Paris, 1993. P. 66.

¹² В наших источниках нет свидетельств, что после прихода к власти Септимия Севера сохранялась традиционная наградная система (Feugère M. Les armes... P. 63). Впрочем, М. Фожер полагает, что, раздаваемые Юлианом, награды (*dona militaria*) времен принцепата, которые уже давно не использовались в IV столетии, были всего лишь искусственной попыткой императора возродить отжившие традиции (Feugère M. Les armes... P. 66).

¹³ Amm., XXIV, 6, 15 «navalibus donavit coronis et civicis et castrensibus».

¹⁴ Amm., XVI, 5, 10 «...Exercere pro ludia disciplinae castrensis philosophus cogeretur ut princeps, artemque modulatus incedendi per pyrricham concinentibus disceret fistulis» («...Ему, философу, приходилось теперь как государю выполнять приемы военного учения и обучаться искусству маршировать на манер пиррихи под звуки флейт...») (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни).

инструмент. Показывая нам наступающую римскую армию, сам Аммиан, утверждает, что солдаты шли «в анапестическом такте под звуки песни»¹⁵, но не под игру флейт. Таким образом встает вполне закономерный вопрос: зачем Юлиан должен был обучаться тому, что не находило применения в современной ему армии?

Анализируя сообщения Аммиана о персидских боевых слонах, Ф. Рейнс приходит к выводу, что все эпизоды, в которых действуют эти животные, были рождены воображением Аммиана, желавшего создать в глазах своего читателя героический образ римской армии, стойко сражающейся с ужасными монстрами¹⁶. Для придания повествованию большего драматического эффекта, Аммиан будто бы умышленно сгущает краски и прибегает к топосам. «Сюжет страха перед слонами был одним из тех, к которым Аммиан [Amm., XIX, 2, 3], часто возвращался, и его фраза “ut tullimus saepe” (“как часто мы указывали”) здесь, видимо, намекает на то, что он уже разработал этот сюжет ранее, но в утерянной книге. Хотя прямое свидетельство Аммиана не может быть подвергнуто сомнению, его интерес к слонам также ясно отражает его риторические и стилистические особенности»¹⁷.

По мысли Ф. Рейнса, подлинная роль слонов в сасанидских армиях была совершенно не такой, какой она представлена в «Деяниях»: «На поле боя никогда не выходило большое количество “боевых слонов”, в противоположность многочисленным гужевым животным обозам. Более того, их появление в битвах нерегулярно и наиболее заметно во время больших военных приготовлений в Сасанидской империи, таких, как вторжение Юлиана в 363 г.»¹⁸.

Пытаясь доказать, что Аммиан отражал не происходившие в действительности события, а использовал литературные клише или прибегал к прямым заимствованиям из сочинений других историков, Ф. Рейнс останавливает свое внимание на описании персидских корнаков, к правой руке которых были привязаны ножи с длинными рукоятками. Согласно утверждению Аммиана, в случае, если животное приходило в бешенство,

¹⁵ Amm., XXIV, 6, 10 «Romani vibrantesque clipeos velut pedis anapaesti praecincentibus modulibus lenius procedebant».

¹⁶ Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности / пер. А. А. Черепановой; под ред. А. К. Нефёдкина // Para bellum. Военно-исторический журнал. 2008. № 29. С. 6.

¹⁷ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 15–16.

¹⁸ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 30. С. 49; М. Б. Чарльз, придерживается аналогичных взглядов на роль слонов в сасанидских армиях и считает, что эти животные играли у персов лишь символическую роль (Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps: Elephants and the Later Roman Empire // Iranica Antiqua. 2007. Vol. XLII. P. 340). Использование огромных зверей было в основном данью традиции: Сасаниды восстановили корпус слонов, существовавший при Ахеменидах, наследниками и хранителями обычаев которых они себя считали (Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant... P. 305).

переставало подчиняться приказам и кидалось на своих, корнак должен был умертвить его, вонзив ему в шею свое оружие¹⁹. По этому поводу Ф. Рейнс замечает следующее: «Аммиан определенно вспоминает хорошо известный пассаж Ливия [Liv., XXVII, 49, 1–2], рассказывающий о схожей уловке, примененной Гасдрубалом перед битвой при Метавре; параллелизм в лексике обоих пассажей намекает на то, что Аммиан сознательно подражает здесь Ливию. Конечно, так называемое “нововведение”, описываемое Аммианом, не повторяется в его рассказе и даже в каком-либо более позднем сочинении, относящемся к этим событиям»²⁰.

Сообщения об осадных механизмах и метательных машинах, приводимые Аммианом, дают основания усомниться в том, что историк хорошо разбирался в предмете, о котором рассказывал. Его описания чрезвычайно путаны и неясны. Наиболее странное из всех — описание гелепопы, или подвижной башни. «Сооружают ее таким образом, — пишет Аммиан, — сбивают огромный штурмовой щит из толстых досок, скрепленных длинными железными гвоздями; покрывают его воловьими кожами и плетеньем из свежесрубленной лозы и обкладывают сверху мокрой глиной, чтобы обезопасить от брандеров и метательных снарядов. С передней стороны насаживают отточенные тройные острия, примерно такие, какими живописцы рисуют или скульпторы высекают изображение молнии. Острия эти выковываются из железа, они очень массивны и сокрушают все, на что натолкнутся. Это мощное сооружение ставится на колеса, и солдаты, разместившись внутри в значительном числе, направляют его движение канатами. Напрягая все силы, они придвигают его к более слабым частям стен, и, если защитники не в состоянии дать отпор, то эта машина сокрушает стены и открывает широкие проломы»²¹.

Что это за нелепый аппарат, и каким образом предполагалось его использовать? О подобном сооружении нет сведений ни в одном другом источнике, и вряд ли оно когда-либо существовало в действительности. Характерно, что, повествуя об осаде римлянами персидской крепости Пирисаборы, Аммиан вновь говорит о постройке гелепопы²². Однако на этот раз из текста абсолютно ясно, что речь идет именно о подвижной башне в ее классическом варианте. У любого исследователя сразу же может возникнуть вопрос: мог ли профессиональный военный, каковым выставляет себя Аммиан, таким образом описать конструкцию машины, которая применялась уже в период войн диадохов?

¹⁹ Amm., XXV, 1, 15.

²⁰ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 18.

²¹ Amm., XXIII, 4, 8–9; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни.

²² Amm., XXIV, 2, 18; 19.

Не менее странным выглядит утверждение Аммиана, что *скорпион* в его время стали называть *онагром*²³. Оно наглядно демонстрирует, что сам термин *scorpio*, обозначавший катапульту небольших размеров²⁴, в IV столетии уже вышел из употребления. Этот факт подтверждается и Вегецием, который, правда, в отличие от Аммиана, вполне точно знает, к какому классу машин относились *скорпионы* и вполне правомерно сопоставляет их с современными ему *манубаллистами*²⁵.

Как можно объяснить все эти ошибки и неточности, встречающиеся у Аммиана? Почему опытный военный так часто описывал явления и предметы, давно уже не встречавшиеся в современной ему жизни и не упоминал о реалиях собственного времени?

Возможно, причину отмеченных ошибок нужно видеть в том, что правдивое отражение действительности было не единственной целью, которую преследовал Аммиан, принимаясь за свой, в прямом смысле слова, эпохальный труд. Завет, который он дает грядущим поколениям историков, «придать своей речи более высокий полет»²⁶, ставит перед учеными вполне правомерный вопрос, не было ли для Аммиана стремление приукрасить и обогатить язык препятствием для достижения главной цели — следовать истине — о чем всегда так охотно заявляли античные историки.

Не будем забывать, что за плечами Аммиана стояла многовековая традиция латинского историописания, в которой существовали определенные правила и каноны. Как показывают специальные исследования, Аммиан сознательно обращался к трудам великих римских историков, что нашло свое выражение в подражании им или прямых заимствованиях из их сочинений²⁷. Аммиан умышленно ориентировался на эту мощную традицию, делая собственные описания, по возможности, похожими на те, что встречались у Тацита, Ливия, Саллюстия и Цезаря. Именно поэтому он очень охотно использует технические термины и выражения, ставшие в позднеантичную эпоху архаизмами, но считавшиеся более уместными для использования их в литературной речи²⁸. Желание историка внедрять в свой текст «классическое наследие» привело к ярко выраженной бессистемности в изложении, что и вызывает недоумение у современных

²³ Ibid. XXIII, 4, 4.

²⁴ Cascarino G. L'esercito Romano... P. 279.

²⁵ «Scorpiones dicebant, quas nunc manuballistas vocant» (Veg., IV, 22).

²⁶ Amm., XXXI, 16, 9.

²⁷ Fornara C. W. Studies in Ammianus Marcellinus: II: Ammianus' Knowledge and Use of Greek and Latin Literature // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Vol. 41. N 4. P. 420–438.

²⁸ Le Bohec Y. L'armée Romaine sous le Bas-Empire. Paris, 2006. P. 12, 67.

специалистов²⁹. Это, как нам кажется, объясняет тот терминологический хаос, который мы наблюдаем у Аммиана, когда речь заходит об определении статуса различных подразделений.

Стремлением Аммиана архаизировать повествование, а, возможно, придать ему определенный поэтический оттенок, объясняются и неоднократные упоминания в тексте «Деяний» о *литу*. Проецируя реалии ушедшей эпохи на собственное время, Аммиан показывает Юлиана раздающим солдатам традиционные для римской армии периода Ранней империи боевые награды; но поскольку прежняя наградная была забыта уже более века назад, Аммиан с трудом представляет себе за какой подвиг вручался каждый из перечисленных им венков, отсюда неуместное появления в его рассказе *corona navalis* или *corona castrensis*³⁰.

Сообщение о том, что Юлиан учился маршировать под звуки флейты, напоминает об известном пассаже «Истории» Фукидида, в котором описывается, как спартанцы наступали в такт песни, исполняемой флейтистами³¹. Впоследствии он был пересказан Авлом Геллием: «Серьезнейший эллинский историк Фукидид говорит, что лакедемоняне, превосходнейшие воины, пользовались в битвах не звуками рогов или труб, но мелодиями флейт, притом вовсе не в силу какого-либо религиозного обряда и не ради священной церемонии, не для того также, чтобы возбуждать или воспламенять сердца, что производят рога или горны, напротив, для того, чтобы умерять их движения и делать их более правильными, что достигается мерною игрою на флейтах. Поэтому в схватках с неприятелем и в начале сражений лакедемоняне считали наиболее подходящим для сохранения жизни и поддержания храбрости удерживаться от неумеренной ярости более нежными звуками»³². Очевидно, Аммиан хотел показать, своему читателю, что Юлиан, подобно древним спартанцам, считал, что в бою было необходимо смирять свой пыл и сохранять холодный рассудок. Вероятным представляется также и то, что описание медленно наступающей в анапестическом такте под звуки песни римской армии появилось у Аммиана благодаря его знакомству (не исключено, что через посредство Авла Геллия) с рассказом Фукидида. Вставлен же этот эпизод был только из желания героизировать римлян, уподобив их непобедимым лакедемонянам.

²⁹ Банников А. В., Шмидт Г. А. Военная терминология у Аммиана Марцеллина: проблемы интерпретации // *Studia Historica*. 2012. Т. XII. С. 168.

³⁰ Можно, конечно, допустить, что в IV столетии эти венки вручались за совершенно другие заслуги, однако не существует каких-либо прямых или косвенных указаний на то, что в период Поздней империи солдат за что-либо награждали венками.

³¹ *Thuc.*, V, 70.

³² *Gel.*, I. 11.5; пер. А. Б. Егорова.

Гипотеза Ф. Рейнса, по нашему мнению, может быть принята лишь отчасти. Нет повода сомневаться в том, что слоны использовались персами в качестве боевых животных, поскольку до нас дошло слишком много свидетельств разнообразных источников, подтверждающих этот факт³³. Вместе с тем предположение, что автор «Деяний» прибегнул к прямому заимствованию из текста Тита Ливия заслуживает пристального внимания³⁴.

Введение в текст устаревшей терминологии, заимствованной из трудов знаменитых предшественников может объяснить почему у Аммиана возникло столько путаницы при описании боевых машин. В первую очередь это касается онагра. Само слово онагр (*ὄναγρος*, *onager*) — греческое название дикого осла, и именно в этом значении оно использовалось в римской литературе³⁵. Среди латиноязычных авторов только Аммиан Марцеллин и Вегеций обозначают им торсионную камнеметательную машину. Это позволяет сделать вывод, что в позднеримскую эпоху, греческое слово прочно вошло в военный лексикон. Но Аммиан, ориентированный на использование классических военных терминов, не мог найти у своих предшественников (Цезаря, Саллюстия, Ливия, Тацита и проч.) сведений о машинах, называвшихся онаграми. В трудах классических римских авторов упоминаются лишь катапульты, баллисты и скорпионы. Поскольку термин *scorpio* уже давно не употреблялся на практике, то Аммиан не представлял, машина какого типа обозначалась в прежние времена этим словом. Желая как можно полнее внедрить традиционную терминологию в ткань своего повествования, Аммиан придумывает вполне логичное объяснение, которое давало, прежде всего, ему самому, уверенность в том, что древний скорпион ничем не отличался от современного онагра: «Эта машина, — пишет Аммиан, — называется *tormentum*, так как напряжение достигается закручиванием (*torquere*), — скорпионом, потому что она имеет торчащее вверх жало; новейшее время дало ей еще название онагра, ибо дикие ослы, будучи преследуемы на охоте, брыкаясь назад, мечут такие камни, что пробивают ими грудь своих преследователей или, пробив кости черепа, размоzzают голову»³⁶.

³³ Банников А. В. Эпоха боевых слонов. СПб., 2012. С. 333–349; Банников А. В., Попов А. А. Боевые слоны в Античности и раннем Средневековье. СПб., 2013. С. 135–147.

³⁴ Впрочем, уже П. Д. Арманди, не выражал сомнений относительно того, что способ умерщвления пришедшего в ярость слона, описанный Ливием и Аммианом, у народов, использовавших этих опасных животных, существовал в самые отдаленные времена, объясняя это тем, что одинаковые угрозы порождают аналогичные методы борьбы с ними (Арманди П. Д. Военная история слонов с древнейших времен до изобретения огнестрельного оружия / пер. А. В. Банникова. СПб., 2011. С. 230, примеч. 171).

³⁵ *Mart., Epigr.*, XIII, 97; *Col.*, VI, 37.

³⁶ *Amm.*, XXIII, 4, 7; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни.

Трудно со всей однозначностью определить, чем в действительности была «гелепола», описанная Аммианом. На наш взгляд, подобное устройство — не более, чем теоретическая разработка, заимствованная из недодшедшего до нас трактата императора Юлиана, посвященного военной механике³⁷. Это еще один пример того, как Аммиан мог использовать материал своих источников. Была ли эта машина изначально названа «гелеполой» или же это название было дано ей Аммианом в силу его желания ввести в текст как можно больше традиционных терминов, сейчас сказать невозможно. Однако, как уже отмечалось выше, упоминание о *гелеполе* в традиционном смысле слова — осадной башне, известной со времен Диметрия Полиоркета — также присутствует в труде Аммиана в эпизоде штурма персидской крепости Пирисаборы³⁸. Наиболее вероятно, что это описание было сделано не самим Аммианом, а взято им из недодшедшего до нас исторического труда. В пользу данного предположения говорит тот факт, что Зосим, переписавший историю Евнапия, в рассказе о персидском походе Юлиана, останавливает свое внимание на тех же самых эпизодах, что и Аммиан (в том числе и на штурме Пирисаборы с использованием *гелеполы*), однако часто эти эпизоды в его «Новой истории» более подробны, чем в «Деяниях». Предполагается, что Аммиан и Евнапий, пользовались при описании персидского похода одним общим текстом, которым вполне мог быть *меморандум Оривазия*, упоминаемый в сохранившихся фрагментах Евнапия³⁹.

Так что же стояло за стремлением Аммиана Марцеллина как можно больше вводить в свое повествование устаревших терминов и понятий? Мы можем допустить, что Аммиан был связан традициями классического историописания и, адресуя свой труд прежде всего образованным римским сенаторам, для которых историческое произведение ассоциировалось, в первую очередь, с сочинениями Саллюстия, Цезаря, Ливия и Тацита, неотступно следовал всем правилам, продиктованным ему традицией. Это заставляло его накладывать ретушь сенатской истории на варварский лик своей эпохи. Стараясь во всем соответствовать образцам исторической прозы, Аммиан пытался использовать весь набор традиционных военных терминов. Подобно скульпторам эпохи барокко, ваявшим своих современников в античных

³⁷ *Sabbah G. L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Les sources littéraires // L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002) / Éd. par Y. Le Bohec et C. Wolf. Lyon, 2004. P. 31–42.*

³⁸ *Amm., XXIV, 2, 18; 19; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни.*

³⁹ Подробнее о меморандуме Оривазия см. *Liebeschuetz J. H. W. G. Pagan historiography and the decline of the Empire // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Fourth to Sixth Century A. D. / Ed. Gabriele Marasco. Leiden: Brill, 2003. P. 177–218.*

одеждах, Аммиан писал о современных ему военных реалиях теми словами, которые использовали его знаменитые предшественники.

Но возможно, желание создать текст, который бы имел как можно больше общего с трудами великих историков Рима, было не единственным, что наложило столь характерный отпечаток на стиль Аммиана. Не будем забывать, что рассказ о минувших событиях автор «Деяний» начал со времен Траяна. Следовательно, используя сочинения авторов конца I в. — III в., он поневоле должен был прибегать к употреблению терминов, точные значения которых были уже непонятны ему самому. Переходя к описанию событий, современником, а зачастую, и свидетелем которых ему довелось быть, Аммиан принужден был сохранять стиль и лексический набор, первой части своего произведения. Это желание избежать терминологического разрыва между двумя различными историческими периодами привело, в конечном итоге, к наслоению реалий прошлого на события настоящего.

Информация о статье:

Авторы:

Банников Андрей Валерьевич, к. и. н., доц., Исторический факультет СПбГУ, banav@mail.ru

Шмидт Глеб Александрович, Исторический факультет СПбГУ, schmidt.gleb@gmail.com

Заголовок: Spatha или gladius? Принципы отражения военных реалий собственного времени Аммианом Марцеллином.

Резюме: Исторический труд Аммиана Марцеллина, традиционно считается самым ценным источником по истории Римской империи второй половины IV в. Однако детальное рассмотрение сообщений Аммиана, затрагивающих военные сюжеты, заставляет усомниться в том, что автор «Деяний» описывал действительное положение вещей. Произвольное употребление традиционных для римской военной системы терминов, большое количество анахронизмов и сбивчивое описание боевых машин приводят к мысли о том, что Аммиан далеко не всегда корректно отражал то, чему он стал свидетелем во время военной службы, или узнал из своих источников. Подробный историко-филологический анализ каждого спорного эпизода позволяет выявить причины, повлиявшие на методы работы Аммиана, который как представляется, ориентировался на сочинения классических римских историков. Поэтому, несмотря на то, что к IV в. многие из использовавшихся ранее терминов либо вышли из употребления, либо изменили свое значение, Аммиан часто вводит их в свой текст для того, чтобы приблизить его по форме к произведениям Саллюстия, Цезаря, Ливия и Тацита. Именно по той причине, что Аммиану важно не значение термина (которое он мог и не знать), а само его присутствие в создаваемом им тексте, в «Деяниях» постоянно встречаются упоминания о реалиях, чуждых IV в., а понятия, имевшие некогда четкое значение, употребляются произвольно.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, *lituus*, *гелепола*, *онагр*, *скорпион*, *fistula*.

Список литературы:

- Арманди, Пьер Дамьяно. Военная история слонов с древнейших времен до изобретения огнестрельного оружия / пер. А. В. Банникова. СПб., 2011. 384 с.
- Банников, Андрей Валерьевич. Эпоха боевых слонов. СПб., 2012. 480 с.
- Банников, Андрей Валерьевич, Попов Артем Анатольевич. Боевые слоны в Античности и раннем Средневековье. СПб., 2013. 168 с.
- Банников, Андрей Валерьевич, Шмидт Глеб Александрович. Военная терминология у Аммиана Марцеллина: проблемы интерпретации // *Studia Historica*. 2012. Т. 12. С. 168–173.
- Банников, Андрей Валерьевич, Шмидт Глеб Александрович. Miles et scriptor regum: проблема достоверности сведений по военной истории у Аммиана Марцеллина // *Натекс. Byzantina Ucrainensis*. 2013. Т. 2. С. 27–47.
- Герцман, Евгений Владимирович. Музыка древней Греции и Рима. СПб., 1995. 336 с.
- Коннолли, Питер. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / пер. с англ. С. Лопуховой, С. Хромовой. М., 2001. 320 с.
- Cascarino, Giuseppe. L'esercito Romano. Armamento e organizzazione. Vol. II: Da Augusto ai Severi. Rimini, 2008. 350 p.
- Charles, Michael B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps: Elephants and the Later Roman Empire // *Iranica Antiqua*. 2007. Vol. XLII. P. 301–346.
- Feugère, Michel. Les armes des Romains de la République à l'Antiquité tardive. Paris, 1993. 296 с.
- Fornara, Charles W. Studies in Ammianus Marcellinus: II: Ammianus' Knowledge and Use of Greek and Latin Literature // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1992. Vol. 41. N 4. P. 420–438.
- Gilbert, François. Le soldat romain à la fin de la république et sous le Haut-Empire. Saint-Germain-du-Puy, 2004. 192 p.
- Le Bohec, Yann. L'armée Romaine sous le Bas-Empire. Paris: Picard, 2006. 256 p.
- Liebeschuetz, John Hugo Wolfgang Gideon. Pagan historiography and the decline of the Empire // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Forth to Sixth Century A.D.* / Ed. Gabriele Marasco. Leiden: Brill, 2003. P. 177–218.
- Meucci, Renato. Roman military Instruments and the Lituus // *The Galpin Society Journal*. 1989. Vol. 42, Aug. P. 85–97.
- O'Brien, Peter. Ammianus Epicus: Virgilian Allusion in the «Res Gestae» // *Phoenix*. 2006. Vol. 60. P. 274–303.
- Sabbah, Guy. L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Les sources littéraires // *L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002)* / Éd. par Y. Le Bohec et C. Wolf. Lyon, 2004. P. 31–42.

Information about the article:

Authors:

Bannikov Andrey Valer'evich, PhD (in History), Associate Professor, Faculty of History at Saint-Petersburg State University, banav@mail.ru.

Shmidt Gleb Aleksandrovich, Faculty of History at Saint-Petersburg State University, schmidt.gleb@gmail.com.

Title: Spatha or gladius? The principles of reflection of military data of his own time by Ammianus Marcellinus.

Summary: The historical work of Ammianus Marcellinus is considered to be the most important source for the history of the late IVth century. The scrupulous analysis of its information on warfare makes the researchers throw doubts about Ammianus' accuracy: Ammianus was inaccurate in usage of military terminology, incoherent in description of machines. One can suppose thereupon that Res Gestae isn't such a reliable source as it considered to be. Nevertheless the careful examination of each questionable episode reveals that Ammianus tried to use military terminology of Caesar, Tacitus and Livius. The use of word was much more important for Ammianus than its meaning. The historian tended to write about the contemporary realities using the termini which have been employed by his great predecessors.

Key words: Ammianus Marcellinus, lituus, helepolis, onager, scorpio, fistula.

References:

- Armandi, P'èr Dam'jano. Voennaya istoriya slonov s drevneishikh vremen do izobreteniya ognestrel'nogo oruzhiya / per. A. V. Bannikova. SPb., 2011. 384 s.
- Bannikov, Andrei Valer'evich. Epokha boevykh slonov. SPb., 2012. 480 s.
- Bannikov, Andrei Valer'evich, Popov Artem Anatol'evich. Boevye slony v Antichnosti i Rannem Srednevekov'e. SPb., 2013. 168 s.
- Bannikov, Andrei Valer'evich, Shmidt Gleb Aleksandrovich. Voennaya terminologiya u Ammiana Martsellina: problemy interpretatsii, in *Studia Historica*. 2012. Т. 12. S. 168–173.
- Gertsman, Evgeniy Valer'evich. Musyka Drevnei Gretsii i Rima. SPb., 1995. 336 s.
- Konolli, Piter. Gretsia i Rim. Entsiklopediya voennoi istorii. / per. s angl. S. Lopukhovi, S. Khromovoi. M., 2001. 320 s.
- Cascarino, Giuseppe. L'esercito Romano. Armamento e organizzazione. Vol. II: Da Augusto ai Severi. Rimini, 2008. 350 p.
- Charles, Michael B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps: Elephants and the Later Roman Empire, in *Iranica Antiqua*. 2007. Vol. XLII. P. 301–346.
- Feugère, Michel. Les armes des Romains de la République à l'Antiquité tardive. Paris, 1993. 296 с.
- Fornara, Charles W. Studies in Ammianus Marcellinus: II: Ammianus' Knowledge and Use of Greek and Latin Literature, in *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1992. Vol. 41. N 4. P. 420–438.
- Gilbert, François. Le soldat romain à la fin de la république et sous le Haut-Empire. Saint-Germain-du-Puy, 2004. 192 p.
- Le Bohec, Yann. L'armée Romaine sous le Bas-Empire. Paris: Picard, 2006. 256 p.
- Liebeschuetz, John Hugo Wolfgang Gideon. Pagan historiography and the decline of the Empire, in *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Forth to Sixth Century A.D.* / Ed. Gabriele Marasco. Leiden: Brill, 2003. P. 177–218.
- Meucci, Renato. Roman military Instruments and the Lituus, in *The Galpin Society Journal*. 1989. Vol. 42, Aug. P. 85–97.
- O'Brien, Peter. Ammianus Epicus: Virgilian Allusion in the «Res Gestae», in *Phoenix*. 2006. Vol. 60. P. 274–303.
- Sabbah, Guy. L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Les sources littéraires, in *L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002)* / Éd. par Y. Le Bohec et C. Wolf. Lyon, 2004. P. 31–42.

УДК 94(37).08; ББК 63.3(0)32

Е. А. Мехмадиев

**НАДПИСЬ ФЛАВИЯ МЕМОРИЯ
И ЛЕГИОН *LANCIARII SENIORES*:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
SENIORES-IUNIORES В ПОЗДНЕРИМСКОЙ АРМИИ**

**1. Эпитафия из Арелата (Арль, Нарбоннская Галлия)
и Флавий Меморий: проблемы интерпретации и датировки**

В 1887 г. французский исследователь-антиковед К. Жюллиан перепечатал из XII тома монументального сборника *Corpus inscriptionum Latinarum* латинскую надгробную эпитафию, содержащую подробные сведения об административной и военной карьере офицера позднеримской армии Флавия Мемория. Эта надпись упоминает сразу несколько привилегированных легионов, составлявших основу позднеримской военной организации, и позволяет ответить на вопросы о происхождении и причинах формирования некоторых войсковых соединений и рангов полевой (экспедиционной) армии *comitatenses* в IV в. Цитируем в связи с этим только те строки надписи, которые послужили предметом нашего исследования (CIL XII 673 = ILCV 295 a-b = D 2788: *Bene pausanti in pace Fl(avio) Memorio v(iro) p(erfectissimo)... prae(positus) lanciari(i)s se[nioribus] an(nos) III comes rip(a)e an(num) I com(es) Mauret(aniae) Ting(itanae) an(nos) III*).

К. Жюллиан в своем детальном очерке, посвященном этой эпитафии (по сути, первое на тот момент специальное исследование, рассматривающее проблемы хронологии и содержания надписи Флавия Мемория), подчеркнул, что датировка монумента из Арля неизбежно падает на период до 364 г., когда на западноримский престол взошел император Валентиниан I, поскольку, по мнению исследователя, Флавий Меморий, на последнем этапе своей службы занимавший должность комита Мавритании Тинги-

танской, носил почетное звание *vir perfectissimus*, в то время как в результате административных реформ Валентиниана I все чиновники-комиты, как гражданские, так и военные, получили более привилегированный придворный ранг *vir clarissimus*¹.

В данном случае вплоть до середины 70-х гг. XX в. долгая исследовательская традиция с легкой руки К. Жюллиана настойчиво продолжала рассматривать надпись Флавия Мемория как памятник строго довалентиниановой эпохи, акцентируя внимание именно на вопросах титулатуры этого персонажа и особенностях правового статуса его провинциальной комитивы. Достаточно, как нам кажется, привести ссылки на работы О. Зеека, в 1900 г. вслед за своим французским коллегой *a priori* отметившего, что монумент из Арля не мог быть воздвигнут позднее середины IV в.² и Т. Дрю-Бира, в жесткой полемике с Д. Хоффманном доказывавшего, что при Валентиниане I (примерно к 370 г.) военные комиты и дуксы (командующие пограничными гарнизонами) были наделены званием *clarissimi*³.

Сам Д. Хоффманн в своей фундаментальной диссертации по позднеримской мобильной армии в 1969 г. подчеркивал, что титул *vir perfectissimus* в эпитафии Флавия Мемория следует признать скорее странным анахронизмом, необычным для источника столь технически точного, как военная эпитафия⁴. Тем не менее можно сказать, что старые схемы и модели интерпретации эпиграфических памятников довлеют и над представителями современного поколения исследователей — совсем недавно, в 2004 г., К. Цукерман в соавторстве с Т. Дрю-Биром попытались доказать, что Флавий Меморий командовал войсковым подразделением (легионом) *Lanciarrii seniores*, фигурирующим в надписи, предположительно в период 361–363 гг., и более того, именно в это время, по их мнению, произошло разделение единого прежде легиона *Lanciarrii* («Копьеносцы») на две половины с дополнительными наименованиями *seniores* и *iuniores*. Исследователи не сомневаются в изначальной (!) принадлежности отряда *Lanciarrii seniores*, равно как и его младшей половины, к кадровому составу восточноримской полевой армии, не принимая во внимание совершенно очевидный факт — эпитафия самого

¹ Jullian C. La carrière d'un soldat au quatrième siècle // Bulletin Épigraphique de la Gaule. 1884. Vol. 4. N 1. P. 2.

² Seeck O. Comites // RE. Bd. IV. Stuttgart, 1900. Sp. 670.

³ Drew-Bear Th. A Fourth-Century Latin Soldier's Epitaph at Nakolea // HSCPh. 1977. Vol. 81. P. 274.

⁴ Hoffmann D. Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Düsseldorf, 1969. Bd. I. S. 314–315.

Флавия Мемория была сооружена в Галлии, т.е. в пределах Западной половины империи⁵.

Следует подчеркнуть, что указанная временная привязка вполне удачно служит для К. Цукермана подтверждением его же собственной теории о причинах разделения легионов позднеримской армии на половины *seniores–iuniores* — в то время как Д. Хоффманн настаивал на одномоментном удвоении (по сути, раздроблении) примерно 48–50 войсковых соединений в 364 г. в результате соглашения двух братьев-императоров Валентиниана I (Западная половина империи, части *seniores*) и Валента (Восточная половина, формации *iuniores*), распределивших между собой эти войсковые группы, К. Цукерман, напротив, полагал, что реформа растянулась на несколько десятилетий IV в. и представляла собой естественный процесс выделения из старых частей (*seniores*) новых легионов, состоявших из молодых рекрутов (*iuniores*)⁶. Группы юниоров, согласно этой гипотезе, получали статус самостоятельных войсковых подразделений и тем самым обеспечивали бесперебойную преемственность кадров в позднеримской армии.

2. Придворные ранги *vir perfectissimus* и *clarissimus*: динамика позднеримской комитивы

Как нам кажется, решительным аргументом против позиции К. Цукермана может служить греческий папирус из египетских Фив, датированный 369 г. и давно введенный в научный оборот еще хрестоматией У. Вилькена. Текст документа представляет собой инструкцию, выданную чиновником в ранге *comes per Orientem* Гаем Валерием Евсевием на имя так называемых «рипариев» (гарнизонов береговой пограничной стражи) с предписанием четко следить за транспортировкой рекрутов из Александрии в сирийскую Антиохию, при этом в случае дезертирства новобранцев каждый из солдат этих караульных постов обязан был в возмещение ущерба найти самого беглеца или предоставить государству нового рекрута (WChr, no. 469, s. 554:

⁵ Drew-Bear Th., Zuckerman C. Gradatim cuncta decora. Les officiers sortis du rang sous les successeurs de Constantin // L'armée Romaine de Dioclétien à Valentinien Ier. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002) / Ed. Y. Le Bohec et W. Catherine. Lyon, 2004. P. 422–423. Автор выражает благодарность и признательность коллеге, к.и.н., доценту кафедры истории Средних веков СПбГУ А. В. Банникову за любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалами лионского конгресса и статьей К. Цукермана, опубликованной в этом сборнике.

⁶ Zuckerman C. L'Armée // Le Monde Byzantine. Vol. I. L'Empire romain d'Orient / Ed. S. Morisson. Paris, 2006². P. 170; Hoffmann D. Das spätrömische Bewegungsheer... S. 118, 125, 129, 387, 389, 390–392, 395–396, 400–401. Во многом К. Цукерман высказывает идеи, сходные с более ранней работой голландского исследователя М. Никози: Nicasie M. J. The Roman army from the reign of Diocletian until the battle of Adrianopel. Amsterdam, 1998. P. 28, 30.

ῥιπαρίοις κατὰ πόλιν ἀπο Θηβαίδος ἕως Ἀντιοχίας. / τοὺς νεολέκτους... ἰδίῳ κινδύνῳ / παραπέμψατε... ὡς εἰ τις διαφύγοι... / ἀναγκ[α]σθῆ[σ]ται δὲ αὐτόν τε ἐκείνον ἢ αὐτ' ἐκείνου ἕτερον παραστῆσαι⁷.

В данном случае из приведенного выше текста видно, что на протяжении долгого пути «от Фиваиды в Антиохию» (ἀπὸ Θηβαίδος ἕως Ἀντιοχίας) государство поручало целой серии караульных постов и сторожевых пикетов (ῥιπαρίοις) бдительно следить за передвижениями рекрутов (τοὺς νεολέκτους), судя по общему смыслу инструкции, не отличавшихся особым желанием служить в армии (ὡς εἴ τις διαφύγοι — «если кто-либо попытается бежать»). Несомненно, эта заградительная линия, на которую были отвлечены значительные войсковые силы, существенно снижала боевую эффективность пограничных гарнизонов, поскольку служившие в них солдаты были обременены необходимостью сопровождения (παραπέμψατε) рекрутов вплоть до следующего пункта их назначения⁸.

⁷ В определении личности и должности Евсевия следуем аргументации Р. Ремондона, связавшим обозначенный циркуляр с латинской посвяжительной надписью D 8947, которая упоминает одноименного «комита Востока» (*comes per Orientem*) Евсевия и императора Валентиниана I (*Aeternum Imperatorem / virtute ac pietate / praestantem / Fl(avium) Valentinianum / perpetuum Augustum / Gaius Valerius Eusebius / v(ir) c(larissimus) com(es) ord(inis) primi ac per Orient(em)*). Исследователь поместил дедикацию в четкие временные рамки 364–372 гг., поскольку в 372 г. Валентиниан I причислил комита Востока к рангу *illustris*, тогда как обладатель этой должности Евсевий в надписи носил еще звание *clarissimus*. Remondou R. Problèmes militaires en Égypte et dans l'Empire à la fin du IVe siècle // RH. 1955. Vol. 213. Fasc. 1. P. 22–23, 27–29. В этом смысле совершенно очевидно, что предписание Евсевия было направлено из Антиохии и отражало по своему содержанию военный контекст конца 60-х гг., когда восточноримское правительство предприняло энергичные меры по сосредоточению в Сирии крупных войсковых масс с целью предстоящего вторжения в Персию.

⁸ Об особенностях семантики технических терминов *ῥιπαρίοι* = *riparienses* на Востоке империи см.: Springer M. Riparii — Ribuarier — Rheinfranken nebst einigen Bemerkungen zum Geographen von Ravenna // Die Franken und die Alemannen / D. Geuenich (Hrsg.). Berlin-N.Y., 1998. S. 215–216. В данном случае М. Шпрингер предпринял попытку доказать, что лексикон египетских папирусов IV в., и в том числе цитированной выше инструкции WChr 469, подразумевал по своему содержанию не пограничные войсковые подразделения в строю смысле слова, размещенные в гарнизонах по берегам рек, но только непрофессиональные полицейские отряды, конвоировавшие преступников и рекрутов и в связи с этим расквартированные во всех городах и населенных пунктах Египта и Передней Азии. Подобная точка зрения представляется нам крайне спорной, поскольку автор определенно абсолютизирует значение папирологического материала из Египта, действительно свидетельствующего о преобладании у рипариев полицейских функций, тогда как в других регионах и, прежде всего, в ближневосточных провинциях, наименование *ῥιπαρίοι* = *riparienses* могло применяться только по отношению к соединениям пограничной армии. Более подробно о социальной роли и положении рипариев в обществе позднеримского — ранневизантийского Египта см.: Torallas Tovar S. Los *riparii* en los papiros del Egipto tardoantiguo. // Aquila Legionis. 2001. Vol. 1. P. 123–151.

Папирус из Фиваиды заставляет поставить под сомнение правильность тезисов К. Цукермана — постоянные выделения групп рекрутов из старых соединений неизбежно должны были сопровождаться территориальным перемещением новых подразделений в другие места дислокации для пополнения кадрового состава провинций, испытывавших дефицит в военных силах. Цитированный выше документ подсказывает, что в масштабах всей империи (*Notitia Dignitatum* неизменно перечисляет войска *seniores-iuniores* в совершенно разных регионах, значительно удаленных друг от друга) подобная практика привела бы только к тотальному и бесконтрольному дезертирству и полному развалу системы комплектования и снабжения армии. Следовательно, мы должны поставить вопрос о других критериях оценки феномена *seniores-iuniores* формаций в позднеримской военной организации.

К. Жюллиан, О. Зеек, Т. Дрю-Бир и К. Цукерман жестко и однозначно делили развитие позднеримской придворной титулатуры на периоды до и после административных реформ Валентиниана I, учредившего в начале 70-х гг. IV в. новую иерархию званий и рангов. В оценке законодательной политики этого императора старая историографическая традиция во многом преувеличивала степень «милитаризации» общества первой половины 70-х гг., подчеркивая, что Валентиниан I, стремившийся ослабить роль и влияние Сената в системе государственного управления, активно назначал на ведущие должности административного аппарата представителей военного сословия (в основном своих бывших сослуживцев из Паннонии) и приравнивал положение командного состава армии к статусу гражданских чиновников сенаторского происхождения, повышая титулы и звания дуксов и комитов — одним из аспектов противостояния с Сенатом, по мысли А. Альфельди, и было наделение офицерского корпуса рангом *clarissimi*⁹.

⁹ *Alföldy A. A conflict of ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford, 1952. P. 57–59.* М.Т.У. Арнгейм в этом смысле приводит данные о включении бывших военных в состав сенаторского сословия и даже предельно четко утверждает, что в период правления Валентиниана I «количество знати на высших государственных постах стремительно упало до низшей точки» со времен Константина Великого — *Arnheim M.T.W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P. 94–95.* Более подробную разработку общего социально-политического контекста, в котором развивался конфликт Валентиниана и Сената, см.: *Schuurmans G. Valentinien I et le Sénat Romain // L'Antiquité Classique. 1949. Vol. 18. Fasc. 1. P. 25–38, особенно — P. 37–38.* Автор высказывает идею, что период до 368 г. характеризовался относительным спокойствием и согласием в отношениях Сената и императора, после же 368 г. во внутренней политике Августа наступил решительный перелом, и вина за прекращение «сотрудничества властей», по мнению К. Шуурмана, «лежала прежде всего на самом Сенате». Тем не менее Е. П. Глушанин придерживался мнения, что Валентиниан I

Более взвешенная оценка феномена «милитаризации» империи в эпоху Валентиниана I, как нам кажется, возможна при условии анализа императорского законодательства без искусственной привязки к какому-либо идеологическому контексту — в этом смысле содержание конституции, изданной 5 июля 372 г., как нельзя лучше дает ответ на вопрос о характере административной реформы Валентиниана. Закон предписывает воинам, получившим за свою отличную службу «в заморских провинциях» ранг комита первого ранга (*qui contemplatione meritorum ducto intra provincias transmarinas strenuissime milite primi ordinis comitivam fuerint consecuti*), «стоять впереди» (*praestent*) проконсулов (*qui proconsulatus insignibus adornantur*), но вместе с тем призывает «из этого уважения подчиняться мужам самых высоких званий» (*ea reverentia altissimarum dignitatum viris subiungantur* — СTh. VI. 14. 1). Для всего предшествующего поколения исследователей этот закон служил неоспоримым аргументом в пользу повышения политической роли военной знати при дворе Августа, поскольку тем самым, по положению в официальной административной иерархии, Валентиниан I поставил офицеров в ранге комита выше проконсулов — чиновников исключительно гражданского назначения.

Но, как показал недавно в своей обстоятельной монографии С. Шмидт-Хефнер, подобная интерпретация предельно далека от действительности — по его мнению, конституция 372 г. представляла собой не более чем «протокольный регламент», определявший *право первенства* в аудиенции у префекта Рима и очередность самой процедуры приема между *вышедшими в отставку* носителями почетных титулов *comes primi ordinis* и *magister militum*. Как полагает исследователь, комиты первого ранга, указанные в тексте закона, были бывшими военными офицерами, ранее командовавшими войсками армии Феодосия Старшего (тогда еще находившегося в звании комита военных дел) во время его экспедиции в Британию — именно с этой провинцией С. Шмидт-

опирался в своей кадровой политике не на этнические мотивы: число выходцев из Паннонии в среде высшей гражданской и военной знати было невелико, скорее наоборот, ближайшее окружение императора состояло из лиц, когда-то вступивших в конфликт с его предшественником Юлианом: *Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991. С. 71.* Сходные идеи можно встретить и в относительно новой литературе, например, в статье К. Олариу, подчеркнувшего, что даже на военном совете в Никее, избравшем Валентиниана, присутствовали всего два офицера паннонского происхождения, занимавшие не столь важные ранги и звания — в этом смысле у нас действительно нет оснований говорить о наличии какой-либо «паннонской фракции» при дворе императора: *Olariu C. Datanian, Valentinian and the Rise of the Pannonian Faction // Historia. 2005. Bd. 54. Hft. 3. P. 352.*

Хефнер отождествляет выражение *intra provincias transmarinas* в тексте императорского указа¹⁰.

Безусловно, С. Шмидт-Хефнер прав в определении юридической природы этого закона — конституция 372 г. действительно была своеобразной «книгой церемоний», подробно расписывавшей последовательность и очередность аудиенций различных чиновников у префекта города Рима, поскольку и сам текст указа адресован именно этому персонажу позднеримского бюрократического механизма (*Ampelio praefecto Urbi*).

Но принципиальные возражения у нас вызывает тезис о размещении солдат, наделенных комитивой, в Британии, отделенной от континентальной Галлии узким и небольшим проливом, но не морем, что вряд ли позволяет отождествить остров туманного Альбиона с «заморскими провинциями» указанной конституции. Как совершенно справедливо подчеркнул Р. Шарф, поскольку закон Валентиниана I был направлен на имя префекта Рима, подчинявшегося префекту Италии, под наименованием «заморские провинции» можно понимать только территорию римской Северной Африки, которая в правовом и административном смысле входила в состав центральной италийской префектуры¹¹. В данном случае в пределах североафриканских провинций эпиграфическими материалами действительно было засвидетельствовано наличие сразу двух комитов с рангом *vir clarissimus*, при этом одна из посвячительных надписей хронологически принадлежит к периоду 375–378 гг., т. е. отражает состояние административного аппарата управления в первые годы после смерти Валентиниана I (375 г.): CIL VIII 10937 = 20566 — *Fla(vius) Victorianus v(ir) c(larissimus) prim(i) ordinis comes Africae* (375–378 гг.); *Fl(avio) Hygino v(iro) c(larissimo) comiti / praesidi p(rovinciae) M(auretaniae) C(aesariensis)* — CIL II 2210 = CIL II²/7 276 = D 6116 = ILCV 85.

В данном случае подчеркнем, что для Западной половины империи строительная надпись CIL VIII 10 937 = 20 566 представляет собой первый по времени датированный памятник, удостоверяющий наличие у комитов титула *vir clarissimus*, но этот монумент был сооружен уже после смерти самого Валентиниана I (в преамбуле документа в порядке возрастного старшинства перечислены императоры-соправители Валент, Грациан и Валентиниан II, младший сын Валентиниана I),

¹⁰ Schmidt-Hofner S. Reagieren und Gestalten. Die Regierungsstil des spätrömischen Kaisers am Beispiel des Gesetzgebung Valentinians I. München, 2008. S. 109–111.

¹¹ Scharf R. Comitatus und comitiva primi ordinis. Stuttgart, 1994. S. 26–27.

следовательно, мы не можем однозначно утверждать о связи между реформами этого Августа и возвышением военной комитивы к званию *vir clarissimus*. Более того, и цитированный выше закон 372 г. совершенно не предполагал каких-либо реальных ранговых перемещений в административной иерархии империи, скорее наоборот, он лишь подчеркивал необходимость соблюдения придворного протокола среди бывших обладателей этих должностей.

Следовательно, у нас возникают вполне оправданные сомнения в правомерности тезиса о единой и планомерной реформе, затронувшей все провинции империи, как западные, так и восточные — имеющийся в нашем распоряжении эпиграфический материал позволяет прийти к совершенно иным выводам о динамике титулов *perfectissimus–clarissimus* во второй половине IV в. Прежде всего обратим внимание на пассаж произведения Афанасия Великого «История ариан», в котором Отец Церкви отмечает, что в 356 г. он был осажден в одной из церквей Александрии дуксом Египта Сирианом, при этом притеснитель приверженцев ортодоксальной веры в тексте Афанасия был предельно четко обозначен с титулом *vir clarissimus* (λαμπρότατος δούξ Συριανός — Athan. Hist. Ar. 81. 3)¹².

Д. Роке в своем блестящем очерке по истории позднеантичной Киренаики и Птолемаиды подчеркнул, что упоминание термина λαμπρότατος применительно к правовому статусу и должности Сириана в 356 г. «не в полной мере соответствует» (*correspond imparfaitement*) повышению ранга всех комитов и дуксов от *perfectissimus* к *clarissimus* — процессу, который, по утверждению Д. Роке, Аммиан Марцеллин приписывает деятельности императора Валентиниана I¹³. Но именно свидетельства Афанасия, как раз наоборот, «в полной мере» опровергают сведения Аммиана, который предельно однозначно утверждает, что ни один дукс при императоре Констанции не носил звание *clarissimus*, но довольствовался только титулом *perfectissimus* (*nec sub eo dux quisquam cum clarissimatu proventus est. erant enim, ut nos quoque meminimus, perfectissimi* — Amm. XXI. 16. 2).

Более того, целый ряд эпиграфических материалов указывает на тот факт, что наделение комитов и дуксов титулом *clarissimus* произошло в пределах Восточной половины империи намного раньше, чем в Западной. Для удобства сведем все данные в сравнительную таблицу, которая

¹² См. великолепную подборку папирологического материала, свидетельствующую о синонимичности двух терминов (λαμπρότατος = *clarissimus*) в позднеримском правовом и административно-техническом лексиконе: Mason H. J. Greek terms for Roman institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto, 1974. P. 65.

¹³ Roques D. Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. Paris, 1987. P. 233.

позволит определить, насколько далеко в плане содержания и хронологии отстояли друг от друга эти процессы в обеих половинах империи:

Титул *vir clarissimus* в Западной и Восточной Римской империи

Западноримские провинции	Восточноримские провинции
Верхняя Паннония, 364–367 гг. <i>cur[a]nte Augustiano / [[v(iro) c(larissimo) comite ord(inis)]] pr[is]mi et duce Val(eriae) limitis — CIL III 10596 = AE. 1941. 12 = RIU. Bd. 3, no. 770</i>	Исаврия, 356–360 гг. <i>Bassidius Lauricius v(ir) c(larissimus) com(es) et / praeses — CIL III 6733 = D 740</i>
Норик, 370 г. <i>viro clarissimo Equitio comite et / utriusquae militiae magistro — CIL III 5670a = D 774</i>	Скифия Нижняя, 369 г. <i>[- - - adiuuante Fl(avio)] [Ste]rcoario viro clarissimo duce — CIL III 6159 = 7494 = D 770 = IGLRom 233</i>
Проконсульская Африка, 375–378 гг. <i>CIL VIII 10937 = 20566 (текст см. выше)</i>	Арабия, 365/66 гг. <i>Μαξιμίνου τοῦ λαμπροτάτου δουκός — SEG. VII. 1164</i>
Бетика (юго-западная Испания), дата не определена. <i>CIL II 2210 = CIL IF/7 276 = D 6116 = ILCV 85 (текст см. выше)</i>	Арабия, 367–375 гг. <i>Maximini v(iri) c(larissimi) com(itis) et ducis — PPUAES III A, 229</i>

Представленная таблица, как нам кажется, вполне убедительно показывает, что в развитии и территориальном распространении титула *clarissimus* можно выделить существенные различия, которые, в свою очередь, были связаны с особенностями положения почетной комитивы в Западной и Восточной половинах империи. В восточноримских провинциях динамика клариссимата затронула балкано-дунайские регионы и ключевые участки ближневосточного лимеса, постоянно страдавшие от набегов германских племен и персов, тогда как география звания *clarissimus* в западноримских провинциях включала в себя только военные дукаты по верхнему течению Дуная (главным образом, земли Валерии и Верхней Паннонии).

Наделение командного состава этих областей титулом *clarissimus* совершенно не случайно, поскольку указанные территории занимали стратегически важное положение в оборонительной системе Поздней Римской империи — борьба с квадами и сарматами на паннонском лимесе, карательная экспедиция против готов, плацдармом для которой послужила Нижняя Скифия, противостояние рейдам арабской и пер-

сидской кавалерии — все это еще больше увеличивало позиции дуксов и комитов, командовавших войсками в названных провинциях, придавало им значение политической силы, и новые правители империи в лице братьев-императоров Валентиниана I и Валента вполне органично отразили в своем военном законодательстве перемены, произошедшие в организационной структуре позднеримской армии.

Другой вопрос, что преобразования рангов и званий в первую очередь были проведены в Восточной половине империи, более того — в некоторых наиболее сложных в военном отношении регионах, таких как Исаврия, наместники (президы) обладали титулом *clarissimus* уже в конце 50-х гг. IV в. И в то же время в западноримских провинциях аналогичная ситуация развивалась более медленными темпами, с отставанием примерно на 10 лет — первое достоверно засвидетельствованное упоминание о наличии клариссимата у западноримского провинциального наместника содержит цитированная выше надпись из Северной Африки CIL VIII 10937 = 20566, но этот документ отражает уже более позднюю эпоху, 375–378 гг. В отличие от североафриканской дедикации, строительный монумент CIL III 10596 = AE. 1941. 12 = RIU. Bd. 3, no. 770 не дает нам примеров протокольной точности, поскольку фраза *[[v(iro) c(larissimo) comite ord(inis)]]* представляет собой дополнение, предложенное А. Альфельди в 1941 г. для той части текста, которая наиболее пострадала от эрозии букв, следовательно, мы не можем с уверенностью утверждать, что дукс Валерии Августин уже в 364–367 гг. действительно обладал титулом *vir clarissimus*.

Более того, целая группа штемпелей (печатей) дукса Валерии Фригериды, обнаруженная в пределах Нижней Паннонии, указывает на наличие у этого офицера титула *v(ir) p(erfectissimus)*, что дает новые аргументы в пользу предложенной выше гипотезы (*FRIGERIDVS V P DVX — CIL III 3761b-f; FRIGERIDVS V P DVX AP VALEN — AE. 1953. 8c*). На основании аббревиатуры *VP A*. Мочи датировал указанные документы периодом до 368 г., полагая, что после этой даты все дуксы и комиты автоматически получили более привилегированный ранг *clarissimus* (со ссылкой на цитированную выше надпись из Нижней Скифии CIL III 6159 = 7494 = D 770 = IGLRom 233) — в этом смысле мнение исследователя серьезно опровергает старую версию А. Альфельди, отнесшего штемпели Фригериды к эпохе квадо-сарматского нашествия 374–375 гг.¹⁴

¹⁴ Mócsy A. Die spätrömische Schiffslände in *Contra Florentiam* // *Folia Archaeologica*. 1958. Vol. 10. S. 103; Alföldy A. Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonia. Berlin-Leipzig, 1924. Bd. I. S. 83.

Но во многом спорная позиция А. Мочи совершенно справедливо вызвала серьезные возражения со стороны Б. Лоринца — блестящий просопографический анализ военной карьеры Фригерида и других дуксов Валерии, выполненный на основе многочисленных эпитафических памятников, позволил исследователю установить, что Фригерид занимал свою должность с 369/70 по 373/74 гг., поскольку и сами штемпели этого командующего были обнаружены в крепости, построенной только в 372 г.¹⁵ Обозначенная хронология вновь падает на период начала 70-х гг., что вызывает сомнения в возможности наличия у всех дуксов и комитов к этому времени титула *clarissimus*.

И в то же время новые эпитафические документы из балкано-дунайских регионов наводят на мысль, что после 374 г. Фригерид обладал уже более привилегированным званием *vir clarissimus* — в 2000 г. К. Вахтель опубликовал штемпель, обнаруженный в Нижней Мезии (крепость *Iatrus*) и вновь упоминающий дукса Фригерида (*ALES FRIG DV = Frig(eridus) du[x]*). Исследователь правильно определил, что штемпель отражает период 375–377 гг., когда по приказу западноримского императора Грациана Фригерид действительно был направлен с паннонскими войсками в Нижнюю Мезию для противостояния атакам готов, прорвавших лимес в 376 г. — в этом смысле К. Вахтель подчеркнул, что и сама командная должность Фригерид претерпела существенное повышение от рядового дукса до *comes et dux* в ранге *vir clarissimus*¹⁶. Штемпель из нижней Мезии находит прямые соответствия и подтверждения в тексте Аммиана Марцеллина, сообщающего о предпринятой «дуксом» Фригеридом карательной экспедиции в Мезию против готов (*Frigeridum ducem, cum Pannonicis et transalpinis auxiliis adventantem* — Ам. XXXI. 7. 3), поэтому мы можем согласиться с К. Вахтелем и в том, что, скорее всего, Фригерид был назначен дуксом именно этой провинции, заменив отправленного в отставку и попавшего в опалу Феодосия Младшего, будущего восточноримского императора Феодосия I Великого.

Представленные выше эпитафические свидетельства убедительно доказывают, что в Западной Римской империи переход ранга почетной комитивы от *perfectissimus* к *clarissimus* был совершен только во второй половине 70-х гг., что не позволяет утверждать о жестком делении в развитии придворной титулатуры на период до и после 364 г. Перечисленные штемпели подсказывают, что и Флавий Меморий из эпитафии в Арле мог

¹⁵ *Lórinz B. Die Duces der Provinz Valeria unter Valentiniani I. (364–375) // Alba Regia. 1976. Vol. 15. S. 104.*

¹⁶ *Wachtel K. Frigeridus dux // Chiron. 2000. Bd. 30. S. 912.* Текст штемпиля и фотографию см. на S. 908–909.

выполнять функции наместника Мавритании Тингитанской в звании *vir perfectissimus* и после 364 г., но определенно до 375–378 гг., когда повышение придворного ранга уже состоялось.

3. Разделение легиона *Lanciarrii* и проблемы военной политики императора Констанция II

В связи с этим мы должны ответить на вопрос о времени и причинах разделения легиона *Lanciarrii* на половины *seniores-juveniores*. Прежде всего подчеркнем, что, скорее всего, в пределах Галлии, где была воздвигнута надпись Флавия Мемория, в первой половине IV в. независимый и самостоятельный корпус ланциариев никогда не дислоцировался — аргументом в пользу этого тезиса служит надгробная надпись из Рима, без сомнений, составленная в период до 312 г. и упоминающая подразделение ланциариев, солдаты которого на завершающем этапе своей карьеры несли службу в когортах претория (*D(is) M(anibus) / Val(erius) Tertius militi / co(ho)rti(s) X pr(a)etori(a)e... militabit... in/ter lanciarrios annis XI* — CIL VI 2759 = D 2045).

Представленная эпитафия не могла быть воздвигнута позже 312 г., поскольку в этом году император Константин I Великий нанес сокрушительное поражение своему военно-политическому противнику Максенцию и полностью расформировал преторианские когорты, составлявшие главную ударную силу армии Максенция. Мы можем предположить, что в 312 г. на стороне италийского узурпатора (Максенций незаконно провозгласил себя императором и с помощью преторианской гвардии захватил власть в Италии) против Константина выступили и ланциарии, до 312 г. размещавшиеся в Риме вместе с преторианцами¹⁷ и, как результат, прекратившие свое существование после решительной победы Константина.

Следовательно, тот корпус ланциариев («копьеносцев»), которым командовал Флавий Меморий, восходил по происхождению к другому

¹⁷ В этом смысле Д. Хоффманн рассматривает надписи, свидетельствующие о размещении ланциариев в Вечном городе, как памятники исключительно временного присутствия в Риме нескольких немногочисленных отрядов, переведенных из гвардии императора Диоклетиана. Исследователь полагает, что говорить о наличии в позднеримской армии легиона ланциариев можно только применительно в армии восточноримских провинций — в данном случае, по оценке Д. Хоффманна, гарнизон этого легиона располагался в малоазийской Никомедии, где находилась и ставка самого Диоклетиана, перемещение же в Рим соединенный ланциариев не привело к созданию независимого войскового корпуса, поскольку формации ланциариев вошли в состав преторианских когорт либо были распределены по ряду других легионов: *Hoffmann D. Das spätrömische Bewegungsheer... S. 221.* Мы принципиально не можем согласиться с этой точкой зрения, поскольку сам характер перечисления этапов военной карьеры солдата Валерия Терция из надписи CIL VI 2759 = D 2045 предполагает наличие упоминаний о разных и независимых друг от друга подразделениях, представлявших собой обособленные и самостоятельные легионы.

соединению, штаб-квартиру которого следует искать в восточноримских провинциях. В одном из малоизвестных агиографических текстов мы можем найти сведения о дислоцировании в пределах Иллирика (область, охватывавшая территории Паннонии, Далмации и Верхней Мезии) отряда ланциариев, в кадровый состав которого был зачислен молодой рекрут Урзицин, впоследствии дослужившийся до звания трибуна этого подразделения (τὸ μὲν γένος ἄγων ἐκ τῶν ἄνω Ἰλλυριῶν πόλεως Σιβέντου, καταλεγόμενος δὲ ἐκ νέας ἡλικίας ἐν τῷ τάγματι τῶν λογχοφόρων — Acta Ursicini, 1 // Acta Sanctorum, Aug. III, p. 159).

Достоверность сведений агиографического источника подтверждается и эпиграфическими материалами — опубликованная в 2010 г. латинская эпитафия из Бригецио (римская крепость в Верхней Паннонии) позволяет сделать вывод о дислоцировании в этом регионе подразделения ланциариев в период 293–305 гг., по наличию упоминаний в тексте надписи имен двух Августов (Диоклетиана и Максимиана Геркулия) и двух Цезарей (Констанция Хлора и Максимиана Галерия)¹⁸. Сведения этой дедикации хронологически совпадают и с временным контекстом, на фоне которого разворачивались события «Деяний Урзицина» (автор-составитель жития утверждает, что казнь молодого рекрута состоялась в 305 г., когда «Максимин (Максимин Галерий. — Е. М.) унаследовал власть над империей после Максимиана (Максимиана Геркулия. — Е. М.)» — Μαξιμίνοσ ὁ μετὰ Μαξιμιανὸν τὸ κράτος τῆς βασιλείας ἀναδεξάμενος — Acta Ursicini, 1 // Acta Sanctorum, Aug. III, p. 158).

Представленные факты свидетельствуют, что в конце III — начале IV в. в пределах так называемого «верхнего Иллирика», территориально соответствовавшего землям паннонских провинций, размещался войсковой корпус ланциариев («копеченосцев»), созданный Диоклетианом из наиболее опытных солдат различных пограничных легионов (см. знаменитую надпись СІІІ 6194 из города Троезмис в Нижней Мезии) и составивший основу так называемого «священного комитата» — императорской гвардии эпохи Тетрархии¹⁹. Мы полагаем, что этот привилегированный военный отряд, обладавший рангом легиона, продолжал пребывать в пределах Верхней Паннонии в полном кадровом составе вплоть до конца 50-х гг., когда он был разделен на две половины (*seniores* и *iuniores*) императором

¹⁸ ([I(ovi) O(ptimo)] M(aximo) / [pro sal]ute dd(ominorum) / [nn(ostrorum) D]iocletian[i] / [et] Maximian(i) AA/[uu]gg(ustorum) Co(n)stanti / [e]t Maximian[i] / nobiliss(imorum) Caes[arum]) / [- -] Vitalis tr[i]/bun(us) p(rae)p(ositus) lanci[a](riorum) — Lőrincz B., Kovacs P. Neue lateinische Inschriften aus Komitat Komárom-Esztergom I // ZPE. 2010. Bd. 174. S. 281.

¹⁹ Более подробно о структуре и механизмах формирования комитата эпохи Диоклетиана, а также формах его участия в военных кампаниях правителей-тетрархов см.: Berchem Denis van. L'armée de Dioclétien et la réforme constantinienne. Paris, 1952. P. 107–110.

Констанцием II, проводившим в 357–359 гг. тяжелые военные кампании против сарматов и квадов на участках паннонского лимеса.

В этом смысле Аммиан Марцеллин дает нам достаточно точную и подробную картину территориальных передвижений Констанция в Иллирике во время войн с сарматами. По словам римского историка, на завершающем этапе боевых действий, зимой 359 г., когда Констанций II выступил в карательный поход и направился в провинцию Валерию, пограничную с землями Нижней Паннонии, он приказал построить оборонительный вал вблизи римской крепости Аквинкум (совр. Будапешт) (*Valeriam uenit, partem quondam Pannoniae* — Amm. XIX. 11. 4; *proinde uallo prope Acimincum locato* — Amm. XIX. 11. 8).

Другими словами, география военных операций охватывала территории тех провинций, где в начале IV в. располагалась штаб-квартира корпуса ланциариев, поэтому мы можем предположить, что после удачного завершения сарматской кампании, когда император узнал о внезапном вторжении персов в Сирию, Констанций II разделил легион ланциариев на две половины в целях пополнения своей армии перед вынужденным возвращением в Константинополь²⁰. В этой связи подчеркнем, что половина с дополнительным наименованием *iuniores* вошла в состав полевых сил, проследовавших вместе с Констанцием через Фракию в восточноримскую столицу, в то время как отряд с титулом *seniores* был направлен в Галлию, где Цезарь Юлиан, будущий император Юлиан Отступник, еще сохранял верность Августу Констанцию и по его поручению вел ожесточенные войны с франками и аламаннами на рейнской границе²¹.

²⁰ В данном случае интересно, что именно этим коротким промежутком времени между весной и зимой 359 г. Ж. Руже датировал составление текста анонимного географического трактата *Expositio totius mundi*, одна из глав которого помещает в Паннонии резиденцию императора (*Expositio*, 57) — исследователь связал указанный пассаж с военно-политическим контекстом 359 г., когда Август Констанций II продолжал пребывать на дунайской границе, отражая рейды сарматов и квадов: *Expositio totius mundi et gentium* / Ed. par J. Rougé. Paris, 1966 (Sources Chrétienne, n. 124). P. 17, 19, 21.

²¹ Более ранний вариант отвода войск с дунайской границы в рамках военной реформы Константина (324–330 гг.), когда за счет кадрового состава старых пограничных гарнизонов была учреждена новая экспедиционная армия *comitatenses*, размещенная в Малой Азии, на наш взгляд, решительно может быть отброшен, поскольку преобразования Константина в оборонительной системе дунайских провинций сопровождалась либо прямым раздроблением единых прежде легионов на более мелкие соединения, либо переводом целых ал, когорт и вексиляций в Малую Азию, где они были наделены новыми военными рангами и включены в состав полевой армии. В данном случае планомерное разделение легионов на две половины с их последующим распределением по разным провинциям реформы 324–330 гг. не предполагали. Аргументы в пользу этого тезиса см.: Sarnowski T. 1) Bronzefunde aus dem Stabsgebäude in Novae und Altmitteldepots in den römischen Kastellen und Legionslagern // Germania. 1985. Bd. 63. Hft. 2. S. 540; 2) Die legio II Italica und der untere Donauabschnitt der Notitia Dignitatum // Germania. 1985. Bd. 63. Hft. 1. S. 118; Popescu E. Epigraphische Beiträge zur Organisation des skytischen Limes im 4.-6. Jahrhundert // Limes. Akten des XI Internationalen limeskongresses. Budapest, 1977. S. 444; Berchem Denis van. L'armée de Dioclétien... P. 96, 99.

Подтверждением сформулированному выше выводу могут служить две надписи, позволяющие определить, в каких именно регионах дислоцировалось подразделение *Lanciarum iuniores* после его перевода в пределы Восточной половины империи — первая из них упоминает о размещении в городе Ульметум провинции Нижняя Мезия укрепленного лагеря «младших ланциариев» (*Pedatura militum lanciarum/m iuniorum* — IGLRom. 211 = AE. 1922. 71), в то время как вторая эпитафия косвенно свидетельствует о последующем перемещении отряда *Lanciarum iuniores* в малоазийскую провинцию Ликаонию, где был сооружен надгробный памятник солдату Санбатю, принадлежавшему к кадровому составу этого легиона (Фла. Διογε/νία ἀνέστησ αὐτὸν τὸν τίτλον / τοῦτον τῶ γλυ/κυτάτῳ νεῖῶ / μου Σανβατίῳ / νουμέρου λα/γκιαρίων ἐν ἰωύρω[v] — МАМА. I. no. 167).

Несомненно, латинская надпись дает сведения о более раннем этапе истории отряда *Lanciarum iuniores* после его создания — Ульметум был первой постоянной ставкой «младших ланциариев», когда вместе с другими войсками по приказу Констанция II они проследовали в Нижнюю Мезию и были преобразованы в самостоятельный и полноценный легион. Перевод данного подразделения в Нижнюю Мезию, как нам кажется, в содержательном и хронологическом плане совпадает именно с военным контекстом 359 г. — завершив перегруппировку своих военных сил после сарматской кампании, Констанций II направил армию в Константинополь, наиболее быстрый и удобный путь к которому пролегал через земли этой провинции.

Более того, гарнизоны Нижней Мезии продолжали служить местом дислокации легиона *Lanciarum iuniores* и в начале V в. — восточный список *Notitia Dignitatum*, составленный, по мнению К. Цукермана, в 401 г.²², предельно четко регистрирует размещение подразделения *Lanciarum iuniores* в пределах префектуры Восточный Иллирик (ND. Or. IX. 38), в состав которой входила и Нижняя Мезия.

С другой стороны, учреждение нового, независимого и обособленного корпуса «младших ланциариев» сопровождалось выделением и формированием «старшей» половины этого войскового соединения — цитируемая выше надпись Флавия Мемория удостоверяет присутствие в Галлии легиона *Lanciarum seniores*, хронологический отсчет существования которого можно поместить в 359 г. Очевидно, Констанций II отправил «старшую» половину ланциариев на рейнскую границу в связи с тем, что еще с 356 г. на этом фронте под руководством Цезаря Юлиана развернулись крупномасштабные боевые действия против франков и аламаннов, про-

²² Zuckerman C. Comtes et ducs en Égypte autour de l'an 400 et la date de la *Notitia Dignitatum Orientis* // *Antiquité Tardive*. 1998. Vol. 6. P. 143-144, 146.

должавших беспокоить своими набегами галльские провинции и в 359 г. В этой связи следует подчеркнуть, что перевод легиона *Lanciarum seniores* в Галлию был последним по времени актом военной помощи Цезарю Юлиану со стороны императора Констанция, испытывавшего все большее недовольство возрастающими успехами Юлиана на рейнской границе.

С учетом всех изложенных выше материалов мы можем определить в качестве условного *terminus post quem* для датировки эпитафии Флавия Мемория 359 г., когда был создан легион *Lanciarum seniores*, командование над которым принадлежало Флавию предположительно в течение 3 лет, в то время как *terminus ante quem*, без сомнений, необходимо поместить в период 375-378 гг., когда была воздвигнута надпись, впервые упоминающая западноримского комита с титулом *vir clarissimus*, а не *perfectissimus*. В этом смысле упоминание ранга *perfectissimus* в эпитафии Флавия Мемория ни в коей мере не противоречит временному контексту административных реформ Валентиниана I, поскольку после 364 г. и вплоть до середины 70-х гг. IV в. комиты и провинциальные наместники продолжали фигурировать в эпиграфических источниках по Западной половине империи исключительно с титулом *vir perfectissimus*.

Информация о статье:

Автор: Мехмадиев Евгений Александрович, к.и.н., ассистент кафедры истории Средних веков СПбГУ, mehamadiev@gmail.com, 8-906-225-39-78.

Заголовок: Надпись Флавия Мемория и легион *Lanciarum seniores*: некоторые аспекты формирования подразделений *seniores-iuniores* в позднеримской армии.

Резюме: Проблема датировки позднеримских военных надписей включает в себя множество аспектов, связанных как с административной структурой, так и с государственным механизмом Поздней Римской империи. Латинская надгробная эпитафия из Арелата (Арля) CIL XII 673, дающая сведения о военной карьере офицера Флавия Мемория, своим содержанием затрагивает еще один немаловажный аспект — динамику придворных титулов и рангов в контексте политической истории империи в IV в. На основании упоминания в тексте надписи почетного звания *vir perfectissimus* вся исследовательская традиция от К. Жюллиана до К. Цукермана настойчиво и решительно датировала составление этого монумента периодом после 364 г., когда все офицеры в должности комита получили повышение по иерархической лестнице и были наделены более привилегированным рангом *vir clarissimus*. Сравнительный анализ эпиграфических материалов по комитам Восточной и Западной половин империи позволил автору прийти к выводу, что на Востоке империи комиты и дуксы получили титул *vir clarissimus* еще в конце 50-х гг. IV в., тогда как просопография командного состава западноримских провинций указывает на предоставление военным офицерам данного звания только

в середине 70-х гг., т. е. не ранее 375 г. В этом смысле сопоставление надписей с нарративными источниками показало, что Флавий Меморий мог обладать титулом *vir perfectissimus* вплоть до 375 г., а легион *Lanciarrii seniores*, которым Флавий командовал в течение трех лет, был учрежден в 359 г., следовательно, автор предлагает новую датировку эпитафии из Арля периодом от 359 до 375 г.

Ключевые слова: 359–375 гг., Поздняя Римская империя, эпитафии, Флавий Меморий, комит, полевая армия, придворные титулы, легион, копьеносцы, Констанции II.

Список литературы:

- Глушанин, Евгений Павлович. Военная знать ранней Византии. Барнаул: Алтайское книжн. изд-во, 1991. 226 с.
- Alföldy, András. A conflict of ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford: Clarendon Press, 1952. 151 p.
- Alföldy, András. Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonia. Bd. I. Berlin-Leipzig: Walter de Gruyter, 1924. 91 s.
- Arnheim, M.T.W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. 246 p.
- Berchem, Denis van. L'armée de Dioclétien et la réforme constantinienne. Paris: Imprimerie Nationale et P. Geuthner, 1952. 130 p.
- Drew-Bear, Thomas. A Fourth-Century Latin Soldier's Epitaph at Nakolea // HSCPh. 1977. Vol. 81. P. 257–275.
- Drew-Bear, Thomas, Zuckerman, Constantin. Gradatim cuncta decora. Les officiers sortis du rang sous les successeurs de Constantin // L'armée Romaine de Dioclétien à Valentinien Ier. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002) / Ed. Y. Le Bohec et W. Catherine. Lyon: De Boccard, 2004. P. 419–431.
- Expositio totius mundi et gentium. / Ed. par J. Rougé. Paris: Les Éditions du Cerf, 1966 (Sources Chrétiennes, n. 124). 382 p.
- Hoffmann, Dietrich. Das spätromische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Bd. I. Düsseldorf: Rheinland-Verlag, 1969. 531 s.
- Julian, Camille. La carrière d'un soldat au quatrième siècle // Bulletin Épigraphique de la Gaule. 1884. Vol. 4. N 1. P. 1–12.
- Lőrincz, Barnabas. Die Duces der Provinz Valeria unter Valentinian I (364–375) // Alba Regia. 1976. Vol. 15. S. 99–105.
- Lőrincz, Barnabas, Kovacs, Peter. Neue lateinische Inschriften aus Komitat Komárom-Esztergom I // ZPE. 2010. Bd. 174. S. 277–287.
- Mason, Hugh J. Greek terms for Roman institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto: Hakkert, 1974. 207 p.
- Mócsy, András. Die spätromische Schiffslände in *Contra Florentiam* // Folia Archaeologica. 1958. Vol. 10. S. 89–104.
- Nicasie, Martijn J. The Roman army from the reign of Diocletian until the battle of Adrianopol. Amsterdam: J. C. Gieben, 1998. 321 p.
- Olariu, C. Datianus, Valentinian and the Rise of the Pannonian Faction // Historia. 2005. Bd. 54. Hft. 3. P. 351–354.

Popescu, E. Epigraphische Beiträge zur Organisation des skytischen Limes im 4.-6. Jahrhundert // Limes. Akten des XI Internationalen limeskongresses. Budapest: Akademiai Kiado, 1977. S. 441–451.

Remondou, Roger. Problèmes militaires en Égypte et dans l'Empire à la fin du IVe siècle // RH. 1955. Vol. 213. Fasc. 1. P. 21–38.

Roques, Denis. Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. Paris: Presses du CNRS, 1987. 492 p.

Sarnowski, Tadeusz. Bronzefunde aus dem Stabsgebäude in Novae und Altmetalldepots in den römischen Kastellen und Legionslagern // Germania. 1985. Bd. 63. Hft. 2. S. 521–540.

Sarnowski, Tadeusz. Die legio II Italica und der untere Donauabschnitt der Notitia Dignitatum // Germania. 1985. Bd. 63. Hft. 1. S. 107–127.

Scharf, Ralf. Comites und comitiva primi ordinis. Stuttgart: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1994. 72 s.

Schmidt-Hofner, Sebastian. Reagieren und Gestalten. Die Regierungsstil des spätrömischen Kaisers am Beispiel des Gesetzgebung Valentinians I. München: Beck, 2008. 398 s.

Schuurmans, Constant. Valentinien I et le Sénat Romain // L'Antiquité Classique. 1949. Vol. 18. Fasc. 1. P. 25–38.

Seeck, Otto von. Comites // RE. Bd. IV. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1900. Sp. 622–679.

Springer, Matthias. Riparii — Ribuarier — Rheinfranken nebst einigen Bemerkungen zum Geographen von Ravenna // Die Franken und die Alemannen bis zur «Schlacht bei Zülpich» / Hrsg. von D. Geuenich. Berlin–N.Y.: De Gruyter., 1998. S. 200–269.

Torallas Tovar, Sofía. Los riparii en los papiros del Egipto tardoantiguo // Aquila Legionis. 2001. Vol. 1. P. 123–151.

Wachtel, K. Frigeridus dux // Chiron. 2000. Bd. 30. S. 905–914.

Zuckerman, Constantin. Comtes et ducs en Égypte autour de l'an 400 et la date de la Notitia Dignitatum Orientis // Antiquité Tardive. 1998. Vol. 6. P. 137–147.

Zuckerman, Constantin. L'Armée // Le Monde Byzantine. Vol. I. L'Empire romain d'Orient / Ed. S. Morisson. Paris: Presses universitaires de France, 2006². P. 143–182.

Information about the article:

Author: Mekhamadiev Evgeniy Aleksandrovich, PhD in History, assistant lecturer of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, mehamadiev@gmail.com, 8-906-225-39-78.

Title: Inscription of Flavius Memorius and the legion of *Lanciarrii seniores*: some aspects of forming *seniores-iuniores* units in Late Roman army.

Summary: The problem of dating of Late Roman military inscriptions includes many aspects, connected both with administrative structure and State mechanism of Late Roman Empire. The Latin epitaph from Arles CIL XII 673, providing evidences on military career of officer Flavius Memorius, touches by its content one more important

point — dynamics of court titles and ranks in context of political history of Empire in IV A.D. On the ground of honorary title *vir perfectissimus*, mentioned in this inscription, all previous literature insistently tempted to date the composition of this tombstone by the period before 364, when all officers in the grade of *comes* (count) brought a promotion within the hierarchy's order and were endowed by privileged rank of *vir clarissimus*. The comparative analysis of epigraphical data on counts of East and West halves of Empire allowed the author to conclude, that Eastern counts and dukes brought a *vir clarissimus* title yet in the end of 50th of IV A.D., while the prosopography of command offices in West Roman provinces clearly indicates, that this rank was granted to military officers only in the middle of 70th, that is not earlier than 375. In this sense the comparison of inscriptions with the narrative sources demonstrates, that Flavius Memorius might possess of *vir perfectissimus* rank up to 375, while the legion of *Lanciarrii seniores*, placed under command of Flavius Memorius during three years, was established in 359, consequently, the author proposes a new dating of Arles epitaph by period from 359 to 375.

Key words: 359–375, Late Roman Empire, epitaphs, Flavius Memorius, count, field army, court titles, legion, lance holders, Constantius II.

References:

- Glushanin, Evgeniy Pavlovich.* Voennaya znat' ranney Vizantii. Barnaul: Altayskoe knizhn. izd-vo, 1991. 226 p.
- Alföldy, András.* A conflict of ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford: Clarendon Press, 1952. 151 p.
- Alföldy, András.* Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonia. Bd. I. Berlin-Leipzig: Walter de Gruyter, 1924. 91 s.
- Arnheim, M.T.W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. 246 p.
- Berchem, Denis van.* L'armée de Dioclétien et la réforme constantinienne. Paris: Imprimerie Nationale et P. Geuthner, 1952. 130 p.
- Drew-Bear, Thomas.* A Fourth-Century Latin Soldier's Epitaph at Nakolea, in *HSCPh.* 1977. Vol. 81. P. 257–275.
- Drew-Bear, Thomas, Zuckerman, Constantin.* Gradatim cuncta decora. Les officiers sortis du rang sous les successeurs de Constantin, in *L'armée Romaine de Dioclétien à Valentinien Ier.* Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002) / Ed. Y. Le Bohec et W. Catherine. Lyon: De Boccard, 2004. P. 419–431.
- Expositio totius mundi et gentium / Ed. par J. Rougé. Paris: Les Éditions du Cerf, 1966 (Sources Chrétiennes, n. 124). 382 p.
- Hoffmann, Dietrich.* Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Bd. I. Düsseldorf: Rheinland-Verlag, 1969. 531 s.
- Jullian, Camille.* La carrière d'un soldat au quatrième siècle, in *Bulletin Épigraphique de la Gaule.* 1884. Vol. 4. N 1. P. 1–12.
- Lőrincz, Barnabas.* Die Duces der Provinz Valeria unter Valentiniani I (364–375), in *Alba Regia.* 1976. Vol. 15. S. 99–105.

- Lőrincz, Barnabas, Kovacs, Peter.* Neue lateinische Inschriften aus Komitat Komárom-Esztergom I, in *ZPE.* 2010. Bd. 174. S. 277–287.
- Mason, Hugh J.* Greek terms for Roman institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto: Hakkert, 1974. 207 p.
- Mócsy, András.* Die spätrömische Schiffslände in *Contra Florentiam*, in *Folia Archaeologica.* 1958. Vol. 10. S. 89–104.
- Nicasie, Martijn J.* The Roman army from the reign of Diocletian until the battle of Adrianopel. Amsterdam: J. C. Gieben, 1998. 321 p.
- Olariu, C.* Datianus, Valentinian and the Rise of the Pannonian Faction, in *Historia.* 2005. Bd. 54. Hft. 3. P. 351–354.
- Popescu, E.* Epigraphische Beiträge zur Organisation des skytischen Limes im 4.-6. Jahrhundert, in *Limes. Akten des XI Internationalen limeskongresses.* Budapest: Akademiai Kiado, 1977. S. 441–451.
- Remondon, Roger.* Problèmes militaires en Égypte et dans l'Empire à la fin du IVe siècle, in *RH.* 1955. Vol. 213. Fasc. 1. P. 21–38.
- Roques, Denis.* Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. Paris: Presses du CNRS, 1987. 492 p.
- Sarnowski, Tadeusz.* Bronzefunde aus dem Stabsgebäude in Novae und Altmetalldepots in den römischen Kastellen und Legionslagern, in *Germania.* 1985. Bd. 63. Hft. 2. S. 521–540.
- Sarnowski, Tadeusz.* Die legio II Italica und der untere Donauabschnitt der Notitia Dignitatum, in *Germania.* 1985. Bd. 63. Hft. 1. S. 107–127.
- Scharf, Ralf.* Comites und comitiva primi ordinis. Stuttgart: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1994. 72 s.
- Schmidt-Hofner, Sebastian.* Reagieren und Gestalten. Die Regierungsstil des spätrömischen Kaisers am Beispiel des Gesetzgebung Valentinians I. München: Beck, 2008. 398 s.
- Schuermans, Constant.* Valentinien I et le Sénat Romain, in *L'Antiquité Classique.* 1949. Vol. 18. Fasc. 1. P. 25–38.
- Seeck, Otto von.* Comites, in *RE.* Bd. IV. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1900. Sp. 622–679.
- Springer, Matthias.* Riparii — Ribuarier — Rheinfranken nebst einigen Bemerkungen zum Geographen von Ravenna, in *Die Franken und die Alemannen bis zur «Schlacht bei Zülpich»* / Hrsg. von D. Geuenich. Berlin–N.Y.: De Gruyter., 1998. S. 200–269.
- Torallas Tovar, Sofía.* Los riparii en los papiros del Egipto tardoantiguo, in *Aquila Legionis.* 2001. Vol. 1. P. 123–151.
- Wachtel, K.* Frigeridus dux, in *Chiron.* 2000. Bd. 30. S. 905–914.
- Zuckerman, Constantin.* Comtes et ducs en Égypte autour de l'an 400 et la date de la Notitia Dignitatum Orientis, in *Antiquité Tardive.* 1998. Vol. 6. P. 137–147.
- Zuckerman, Constantin.* L'Armée, in *Le Monde Byzantine.* Vol. I. L'Empire romain d'Orient / Ed. S. Morisson. Paris: Presses universitaires de France, 2006². P. 143–182.

Список условных сокращений

- AE — L'Année épigraphique. Paris, 1889–
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I–XVI. Berlin, 1863–1959.
 CTh — Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis. Vol. I, pars posterior / Ed. Th. Mommsen. Berolini, 1905.
 D — Dessau H. Inscriptiones Latinae Selectae. Vol. I–IV. Berolini, 1892–1916.
 HSCPh — Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge (Mass.), 1890–
 IGLRom — Popescu E. Inscricțiunile grecești și latine din sec. IV–XIII descoperite în România. Bucharest, 1976.
 ILCV — Diehl E. Inscriptiones Latinae Christianae Veteres. Bd. I–IV. Berlin, 1925–1967.
 MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. 1: Eastern Phrygia / Ed. W. M. Calder. Manchester, 1928.
 PPUAES IIIA — Syria. Publications of the Princeton University Archaeological Expeditions to Syria in 1904–1905 and 1909. Division III, Greek and Latin Inscriptions in Syria, Section A, Parts 1–7. Southern Syria / Ed. E. Littmann, D. Magie jr., D. R. Stuart. Leyden, 1907–1921.
 RE — Paulus Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / G. Wissowa, W. Kröll (Hrsg.). Bd. 1–83. Stuttgart, 1893–1975.
 RH — Revue historique. Paris, 1876–
 RIU — Die Römischen Inschriften Ungarns. Bd. III: Brigetio (Fortsetzung) und die Limesstrecke am Donauknie / Hrsg. L. Barkóczi und S. Soproni. Budapest, 1981.
 SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, 1923–
 WChr — Mitteis L., Wilcken U. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. Bd. I. Historischer Teil, II Hälfte: Chrestomathie. Leipzig-Berlin, 1912.
 ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn, 1967–

УДК 94(420).06; ББК 63.3(0)4 (4Вел)

А. А. Паламарчук, С. Е. Федоров, Л. П. Сергеева

ПАРАДОКСЫ И ТЕХНОЛОГИИ АНТИКВАРНОГО ДИСКУРСА
В ЯКОВИТСКОЙ АНГЛИИ*

Благодаря неизменному интересу современных исследователей к наследию английских антиквариев XVI–XVII веков, их значительный вклад в развитие исторической мысли раннего нового времени не вызывает сомнения¹. Сказанное относится в равной степени как к дальнейшему развитию в рамках антикварных студий основных жанровых особенностей историописания, масштабу выполненных ими исследований, методам критики исторических источников, так и к интеллектуально-психологическим установкам и ценностям антикварного дискурса в целом. Подмеченные специалистами особенности антикварного сознания сполна демонстрируют характерное для английских ученых этого круга стремление придать структуре исторического повествования определенные черты, индивидуализирующие вплетенные в него судьбы людей, конкретные факты и события. Нарочито прописанные курьезы в жизни мифических и реальных персонажей, развенчание сложившихся стереотипов в отношении регионального и более широко — национального прошлого, обескураживающее прочтение этимологии слов, терминов и понятий, лексикографические опыты — все это подчинилось у антиква-

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ 12-01 — 00366 2011-09-30 «От сословно-представительных к абсолютным монархиям: социальные и политические основы трансформации».

¹ English Historical Scholarship in Sixteenth and Seventeenth Centuries / Ed. by L. Fox. Oxford, 1956; Helgerson R. Forms of Nationhood: the Elizabethan Writing of England. Chicago, 1992; Parry G. The Trophies of Time: English Antiquaries of the Seventeenth Century. Oxford, New York, 1995; Shapiro B. A Culture of Fact. England, 1550–1720. Cambridge, 2003; Зверева В. В. Представление прошлого в трудах английских антикваров // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2003. С. 223–242; Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннеэпохальной Англии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 151–198; Федоров С. Е. Антикварное историописание: история и современность в яковитской Англии. СПб., 2007.

риев вполне определенной задаче. Историческое явление складывалась из своеобразия и неповторимости составлявших его элементов, значение отдельных слов и понятий — из множества определявших их постепенную эволюцию смыслов, обновленная национальная история — из составлявших ее богатую палитру региональных оттенков.

Создаваемые антиквариями тексты также были преисполнены авторской индивидуальности, отличались особой вовлеченностью повествователя в описываемые события. Опиравшиеся по-прежнему на авторитет предшественников, эти тексты уже не походили на традиционные, характерные для средневековой традиции компиляции. Используемый антиквариями материал из сочинений предшественников либо свободно излагался в характерной для заимствовавшего манере, либо там, где этого требовал принцип изложения, оформлялся в виде выделенной особым шрифтом цитаты с указанием автора или даже замыкался в кавычки. При этом перелагаемый или включаемый без изменений отрывок сопровождался необходимыми пояснениями и замечаниями рассказчика. Созданный таким образом текст был всегда узнаваем и неповторим: антикварии были обречены на индивидуальную славу или поругание, каждый из них нес персональную ответственность за созданное ими сочинение.

Индивидуальная неповторимость антикварных текстов, тем не менее, не исключала легко распознаваемые в них общие черты, объединявшие их создателей в единое интеллектуальное целое. Точность исторической реконструкции зависела не только от критического прочтения письменных свидетельств прошлого, объективного отношения к его материальным артефактам, но и от организации подчиненного задачам подобного рода исследования стилистического, лексического и даже грамматического пространства исторического повествования. Антикварное сознание требовало в интересах историописания первоначально «свернуть» реконструированные факты и события в текст со всеми присущими ему особенностями с тем, чтобы затем при каждом прочтении вербально организованная действительность могла «разворачиваться» перед или самим читателем и тем самым приобретать необходимые черты реальной действительности.

«Сворачивание» и повторное «разворачивание»² действительности в свою очередь подчинялось в сознании антиквариев вполне определенной

² Федоров С. Е. 1) Honor Redivivus: Риторика представлений современников о стюартовской аристократии // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. Вып. 4. 1998. С. 16–25; 2) О некоторых особенностях представлений об аристократии в Англии раннего Нового времени // Проблемы социальной истории и культуры Средневековья и раннего Нового времени / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2000. С. 160–179.

цели. Ее исходным концептом, как представляется, оказывалось присущее организованным таким образом студиям неизменное стремление использовать характерные для общества раннего нового времени «процедуры» поддержания и воспроизведения исторической памяти³. Опираясь в своей реконструкции и изложении фактов на древние, средневековые, а также введенные в оборот их современниками исторические ресурсы, антикварии ориентировались не только на запросы их влиятельных патронов, но интеллектуальные и политические потребности образованной элиты британского общества раннего нового времени. Провозглашаемый каждым из них объективный подход к свидетельствам прошлого, при всей его несомненной значимости, все-таки определялся потребностями времени. В этом смысле доминирующие общественные идеалы определяли как стратегию «сворачивания» действительности в антикварных текстах, так и допустимые механизмы ее «разворачивания» уже за пределами их вербального пространства.

Динамика такого «развертывания» подразумевала, что созданный антикварием текст первоначально воскрешает в сознании современника известные образы и ассоциации, затем соотносящиеся с ними факты и события, потом — определенные переживания и только далее — возможные умозаключения. Стремясь контролировать отдельные фазы такой процедуры, антикварии тщательно выверяли структуру и содержание создаваемых ими текстов: общая картина прошлого должна была покоиться на известных образах и вызывать определенные ассоциации. Известность и узнаваемость образов, хотя и допускала некоторую свободу в определении соответствующих их восприятию фактов и событий, ограничивалась господствующими стереотипами. Целостность образов и предопределенных таким образом ассоциаций гарантировала возможные оттенки их восприятия и — что самое главное — предопределяла потенциальные ракурсы умозаключений. Текст, его форма и способы организации становились важнейшими рычагами, управлявшими общественным сознанием элиты и контролировавшим ее историческую память.

Процедуры поддержания и воспроизведения исторической памяти, содержащиеся в антикварных текстах, при всей их нормативности, опять-таки не исключали индивидуальных решений. В этом смысле кор-

³ Используемое нами понятие восходит к термину «процедуры признания исторической памяти», впервые введенному английской исследовательницей С. Рэдстоун: Radstone S. Reconceiving Binaries: the Limits of Memory // History Workshop Journal. 2005. Vol. 51. N 1. P. 134–135. О перспективности наблюдений Рэдстоун см.: Репина Л. П. Память и историописание // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 27–28.

поративность антикварного сознания на деле оказывалась достаточно гибкой, и если предлагаемая новация не нарушала культивируемой этим сообществом нормы, ее охотно принимали и даже заимствовали.

Среди подобного рода новаций существует ряд предложенных антиквариями решений, потенциальное значение которых для развития историописательных стратегий и самого антикварного дискурса в целом было достаточно велико. Именно подобного рода решения вызывали у читающей и интересующейся историческим прошлым британских островов публики весьма определенные ассоциации. Их смысловые рамки не только выстраивали в сознании современников необходимые с точки зрения автора причинно-следственные связи, но и определяли контекст конечного восприятия собирательных образов, метафор, а также излагаемой вереницы событий и фактов. Такое «подталкивание» читателя к желательному итогу, провоцируемое отдельными антикварными текстами или группой связанных между собой текстов, обеспечивало поддержание определенного типа исторической памяти и его регулярное воспроизведение.

Наиболее характерными для англичан конца XVI — первой половины XVII века были три типа исторической памяти⁴, механизмы которых устойчиво ориентировали современников либо на последовательную романизацию германского прошлого британских островов, либо на повторную германизацию уже изрядно романизированной усилиями предшественников национальной истории, либо и, наконец, — на разумное сочетание каждого из упомянутых концептов. Рождавшиеся в связи с римской историей ассоциации и параллели не только украшали и героизировали таким образом интерпретированное национальное прошлое, но и с легкостью вычерчивали величественный профиль династий, отдельных монархов, а также преемственность в публично-правовых и административно-судебных институтах. Германизация усиливала вариации этнополитического и этноконфессионального, ориентируя восприятие современников на признание специфики и неповторимости пройденного пути. Умеренное сочетание романских и германских концептов обеспечивало необходимые при объективном подходе эволюционную преемственность и разрыв.

⁴ Авторы этой статьи сознательно пошли на подобную схематизацию типов исторической памяти, руководствуясь интересами обсуждаемой проблематики, но не отрицая при этом других более дробных бытующих в литературе классификаций: *English Historical Scholarship in Sixteenth and Seventeenth Centuries* / Ed. by L. Fox. Oxford, 1956; *Levy F. Tudor Historical Thought*. San Marino, 1967; *Shapiro B. A Culture of Fact. England, 1550–1720*. Cambridge, 2003.

Если романизирующий тип исторического сознания относился к числу повсеместно признаваемого, то два последующих типа исторической памяти, характеризовавших антикварный дискурс тех лет, весьма избирательно оценивались как интеллектуальным сообществом той поры, так и определявшей его основные вкусы политической элитой. Повторно германизирующий национальную историю подход вызывал наибольшее недовольство среди облеченных властью патронов, поскольку нарочито подчеркиваемая национальная специфика не всегда могла конкурировать со значительно романизованными континентальными примерами. Очевидно, комбинированный подход при всей его эклектичности был более приемлемым, хотя и уступал романизирующему подходу в яркости и емкости конечных формулировок.

Каждый из указанных подходов с характерной для него картиной исторического прошлого и механизмами ее поддержания либо, как романизирующий вариант, уже упрочивал собственные позиции, либо, как германизирующий или комбинирующий оба концепта — усиленно пробивал себе дорогу к интеллектуальному пространству английского общества раннего нового времени. И там, где речь шла о завоевании позиций, акцент на новаторском характере самих репрезентирующих прошлое технологий оказывался особенно очевидным.

Технологии, конечно, — понятие условное, но именно оно, с присущей такого рода обобщениям суммарностью, вполне удачно отражает и схематизирует процесс постепенной адаптации менее привычных форм исторической памяти. Антикварию, заинтересованные в укоренении менее популярных взглядов на прошлое, весьма широко использовали интеллектуальные и ментальные ресурсы англичан с тем, чтобы предлагаемые в их сочинениях варианты «распознавания» прошлого аккумулировали если не широко распространенные приемы его репрезентации, то, во всяком случае, «запускали» в сознании современников своеобразные без отказа работающие механизмы.

К таким безотказно работающим механизмам могли относиться смысловые параллели, уравнивавшие, к примеру, ремесло историка с ремеслом популярных и более известных профессий, а также уподобление историописания другим более доступным занятиям или даже развлечениям.

Среди английских антиквариев старшего поколения Уильяму Кэмдену — автору знаменитой «Британии» принадлежит исключительное место. Исследователи и по сей день продолжают спорить об идейной направленности этого произведения и о своеобразии лежащих в его основе концептов, определявших характерный для этого автора вариант воссоздания исторического прошлого британских островов. Боль-

шинство из них полагают, что сконструированный Кэмденом вариант национальной истории ориентировался в основном на воспроизведение характерных для гуманистической традиции исторических концептов, под влиянием которых складывалась вполне определенная, акцентирующая создающую силу римского субстрата, модель повествования. Вызывавшая у современников весьма характерные для такого прочтения ассоциации, она наталкивала потенциального читателя на вполне естественные умозаключения, общим местом которых оказывалась параллель между двумя великими империями⁵.

Выдвигаемая специалистами общая оценка «Британии» согласовалась также со взглядами Уильяма Сесила, будущего лорда Бэрли, патронировавшего труд Кэмдена на стадии подготовки, а также с настроениями ближайшего придворного окружения этого могущественного елизаветинца⁶, но не учитывала при этом ряд важных для понимания кэмденовского варианта национальной истории моментов⁷. Известно, что по совету голландского географа Авраама Ортелиуса, Кэмден, действительно, намеревался «восстановить британскую историю до ее древнейших времен и сделать эти древности достоянием Британии»⁸. При этом намеченный им объем работы не только хронологически выходил за рамки римского периода национальной истории, простираясь в глубину веков, но, как представляется, ориентировался на иного рода предпочтения.

Уже в первом издании «Британии» (1586) Кэмден писал о том, что он «на протяжении многих лет, вплоть до конца работы над этим сочинением собирал свидетельства о наиболее древних обитателях британских островов и стремился определить происхождение англичан, а также вывести из

⁵ Powicke M. William Camden // *Essays and Studies*. 1948. Vol. I. P. 74–75; Kendrick T. *British Antiquity*. London, 1950. P. 145; Piggott S. William Camden and the Britannia // *Proceedings of the Royal British Academy*. 1951. Vol. 37. P. 208–209; *The Making Camden's Britannia* // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1964. Vol. 26. P. 70–98; Levine J. *Humanism and History: Origins of Modern English Historiography*. Ithaca, 1987. P. 13–14; 93; Woolf D. *Idea of History in Early Stuart England*. Toronto, 1990. P. 166–117; Helgerson R. *Forms of Nationhood: the Elizabethan Writing of History*. Chicago, 1992. P. 114–118. См. также: Levy F. *Tudor Historical Thought*. San Marino, 1967. P. 144–159.

⁶ Об этом подробнее см.: Canny N. *Making Ireland British. 1580–1650*. Oxford, 2001. P. 42–55; Ohlmeyer J. *Seventeenth Century Ireland and the New British and Atlantic Histories* // *The American Historical Review*. 1999. Vol. 104. N 2. P. 446–462; Percival-Maxwell M. *Ireland and the Monarchy in the Early Stuart Multiple Kingdom* // *The Historical Journal*. 1991. Vol. 34. N 2. P. 279–295; *Kingdom United? Great Britain and Ireland since 1500: Integration and Diversity* / Ed. by S. Connolly. Dublin, 1999.

⁷ Об этом в частности пишет: Rickett W. *The Structural Plan of Camden's Britannia* // *Sixteenth Century Journal*. 1995. Vol. 26. N 4. P. 829.

⁸ *Camden W. Britannia: sive Florentissimorum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum Adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio*. London, 1586. Sig.A.2r.

забвения названия древних британских городов, упомянутые Птоломеем, Антонином и другими источниками»⁹. Материализовавшись на бумаге, каждая из намеченных Кэмденом задач определила бинарно-зеркальную структуру¹⁰ его повествования.

Бинарность повествования проистекала из заложенных в структуру его «Британии» двух описательных приемов. Первый — условно хронологический — определял последовательность фактов и событий, живописующих этнополитический компонент национальной истории в ее буквальном универсалистском прочтении: границы собственно британского пространства размыкались там, где того требовала линия повествования, уводящая историю этносов и народов, населявших острова, далеко на континент. Второй — условно хорографический — влиял на структуру изложения топографического материала и в этом смысле дополнял горизонтально простертую этнополитическую историю ее вертикальной локально ориентированной составляющей. Двухмерность повествовательного пространства становилась отличительной чертой созданного Кэмденом текста.

Зеркальность изложения — это еще один характерный для «Британии» прием, наряду с принципом бинарности определявший «технология» репрезентации прошлого в кэмденовских текстах. Этносы и народы, населявшие в различные эпохи британский мир, образовывали не только своей неповторимостью, но и общностью совокупный портрет — своеобразное этнополитическое измерение и специфику той самой общности, которая еще с римских времен была известна как островная Британия. При этом зоны их обитания, оформившиеся сначала в варварские королевства, а затем трансформировавшиеся в привычные для елизаветинской поры графства образовывали вертикаль, которая всей своей протяженностью демонстрировала специфику этой общности в ее территориальном измерении. Британия оказывалась единой и в этнокультурном, и в культурно-территориальном измерении. Она складывалась и как конгломерат этносов, и как группа, объединенных единым германским прошлым территорий, в буквальном смысле «перемоловших» последствия римского завоевания.

⁹ Ibid. Sig.A3v. Эта фраза присутствует и в трех последующих (1590, 1594, 1600): Sig.A4v. (P. 8); Sig.A4v. (P. 8) и Sig.A4r. (P. 7). В последнем прижизненном издании «Британии» 1607 г., послужившем основой для ее перевода на английский язык (1610), раздел «Ad lectorem» переработан, и эта фраза опущена.

¹⁰ Уильям Роккетт придерживается мысли, что структурный план «Британии» Кэмдена был трехмерным, но при этом не видит ее зеркальных механизмов: Rickett W. *The Structural Plan of Camden's Britannia* ... P. 831.

Можно, конечно, возразить, упрекнув Кэмдена в использовании широко известных репрезентативных клише. На самом деле, реконструкция древнейших материалов и свидетельств о первых обитателях британских островов, с одной стороны, и ранняя этнополитическая история английского народа — с другой — и как объект и как одна из целей исследования — сюжеты, весьма типичные для британского историописания. Впервые опробованные Бедой Достопочтенным, они стали своеобразной «классикой» еще во времена Ранульфа Хигдена. Топография английских городов римского происхождения — сюжет, куда менее классический, но при этом также уже достаточно разработанный Гиральдом Камбрийским, Джоном Лэландом и прочими менее известными английскими хорографами¹¹.

Типичность этих схем, конечно, оставалась общеизвестной в конце XVI века, но только в рамках обособленной жанровой специфики. История этносов и народов, населявших британские острова, в ее этнополитическом измерении не выходила за рамки хроник. Построенная исключительно в хронологическом ключе, она лишь в самом общем виде иллюстрировала историю правящих домов и сменявших друг друга династий или же оставалась неотъемлемой частью более широко осознаваемой политической истории острова. Топографические экскурсы, подчас проникавшие в текст исторических хроник, по большей части формировали самостоятельный жанр средневековых хорографий. Симфония двух жанров, в свое время обозначенных Хигденом как «*orbis gestas*» и «*orbis loca*» — никогда, вплоть до Кэмдена, не становилась реальностью¹². Объединенные в рамках смыслового пространства «Британии» два повествовательных приема открывали перед Кэмденом достаточно широкие возможности для манипулирования общеизвестными пластами культурной памяти англичан.

О наиболее древних обитателях британских островов (*primi incolae*) Кэмден пишет, воспроизводя часть широко известной истории о сыновьях Ноя. Акцент на библейском (ветхозаветном) происхождении легенды о предках островитян наряду с указанием на континентальный характер их первоначального расселения — системообразующий во всем последующем изложении. Общность с племенами и народами, населявшими континентальную Европу, очевидно, воспринимается Кэмденом как необходимое условие, указывающее на определенное изначально установленное божественным промыслом равенство возможностей, последующая перспектива которых, однако, высвечивала преимущество и достоинство

¹¹ Об этом см. подробнее: *Cormack L. Charting an Empire: Geography at the English Universities. Chicago, 1997.*

¹² *Helgerson R. The Land Speaks: Cartography, Chrography, and Subversion in Renaissance England // Representations. 1986. N 16. P. 71–73.*

островного образа жизни. Иафиты (или арийцы), восходящие к одному из сыновей Ноя — народ, как известно, включавший потомков Гомера (одного из его внуков) — древних киммерийцев или кимров, наряду с другими племенами заселявших территорию Германии и Галлии, был, как и полагается, континентального происхождения. Бритты, а так стали называть кимров после переселения, говорили с галлами, опять-таки германцами, на одном и том же языке; у них существовали одни и те же обычаи, а также действовали весьма схожие институты. Именно бритты (кимры) составили исходный массив переселявшихся в Британию народов и, судя по всему, им Кэмден отводил одну из ключевых ролей в создании сначала британского сообщества народов, а потом и той этнической общности, которая ассоциировалась в его сознании с ее англоговорящей доминантой.

Интерпретируя сохранившиеся свидетельства о древнейших обитателях британских островов, Кэмден по существу намечает основную линию своего этнокультурного исследования. Его интересует происхождение тех живших на континенте племен, которые после переселения на британские острова активно способствовали формированию классических этнических групп британского архипелага. Кэмден, по всей видимости, был убежден, что современная ему этнокультурная панорама островов сформировалась под влиянием многочисленных миграций различных групп континентального происхождения. Думается, что именно с этой целью в его работе последовательно воздвигнут потенциально значимый с точки зрения «Великой Британии» пантеон племен и народов, повлиявший на становление основных этносов, населяющих острова уже во времена Елизаветы Тюдор. Кэмден последовательно выводит на страницах своего сочинения пиктов, скотов, англоv, саксов, ютов, данов и, естественно, бриттов, обращая внимание сначала на границы их континентальных зон обитания, а затем показывает, как они расселялись и мигрировали в пределах новых островных территорий. Отношения между различными этносами складывались в основном под влиянием кровопролитных межрегиональных конфликтов и даже завоеваний, конец которым был положен Вильгельмом Нормандским, чье воцарение на английском троне открыло эру мирного сосуществования британских народов и во многом предопределило современный этнокультурный облик острова¹³. Важные с точки зрения Кэмдена мутации заканчиваются в XI веке. При этом важнейший пласт этнополитического измерения британских островов обретает некую стабильную форму, а дальнейшее значимое с точки зрения Британии этнокультурное развитие начинает движение вглубь, отчетливее проявляясь на уровне региональных сообществ и мирков.

¹³ *Camden W. Britannia... Sig.C7v.*

Генезис таких локальных сообществ британского архипелага со всей присущей им этнокультурной неповторимостью, подобно самой «Великой Британии», начинается с переселения континентальных племен и народов. Их проникновение на острова и в особенности неизбежная в таких случаях борьба за зоны расселения постепенно сращивают пришельцев и территории, которые они выбирают для последующего проживания. Очевидно, что последствия такого процесса расселения в представлении Кэмдена обретают двойную направленность: не только переселяющиеся племена начинают облагораживать территорию, превращая ее в более пригодную для обитания, но и территория постепенно начинает изменять облик пришельцев. Поскольку сама территория изначально воспринимается и как часть единого архипелага, и как гарант его же географического единства, то взаимовлияние первоначально разнородных племен и исторически объединенных в пределах островов территорий обуславливает новые формы этнокультурного единства. Отстаивая тезис такого потенциально становящегося единства, Кэмден, по всей видимости, не упускал из вида роднящие переселенцев германские корни.

Создавая панораму таких локальных сообществ, Кэмден со всей тщательностью собирает накопленный к тому времени материал. При этом его внимание привлекают не только центральные части британского архипелага, но и те территории, которые к моменту создания сочинения находились на периферии британской государственности. Рудольф Готфрид, изучивший все прижизненные издания «Британии», весьма убедительно показал, что ее ирландская часть значительно выросла по объему в конечной версии 1607 г.¹⁴ При этом расширилась не только и без того богатая наблюдениями исходная часть материала, но и усилились ее основные акценты. Кэмдена, по всей видимости, интересовала возможная связь, известная еще со времен Гильды, которая увязывала в единое целое исконных обитателей зеленого острова и его ближайших соседей, а самое главное — подчеркивала их многосторонние контакты. Именно скотты ирландского побережья, генетически восходившие к так называемым истинным скоттам¹⁵, населявшим западные и восточные районы Шотландии, в ходе этнокультурного обмена способствовали распространению оседлого образа жизни и внедрению ранее неизвестным жителям Далриады форм ведения хозяйства. При этом не менее важной оказывалась связь, роднившая всем известных лоулендеров с саксами, обитавшими в северных и центральных частях основного островного

¹⁴ Gottfried R. The Early Development of the Section on Ireland in Camden's Britannia // English Literary History. 1943. Vol. 10. N 2. P. 117–130.

¹⁵ Ibid. Sig.D5r.

архипелага¹⁶. Гэльская часть населения британских островов с незапамятных времен вполне достойно уживалась с англоговорящими соседями. Связь, которую Кэмден последовательно пытался установить между различными племенами и этносами архипелага, играла ведущую роль в сознании историка как решающая в формировании общей картины многоликого британского единства.

Локальный мир, который раскрывался перед читателем во второй части «Британии» был кульминацией повествования и, очевидно, его этнокультурное многообразие фиксировало в сознании Кэмдена итог исторического развития архипелага. «Свернутый» структурой топографического описания, он с легкостью «разворачивался» читателем, блистая своей колоритной вертикалью. Прочный каркас этнополитического единства британцев, воссозданный в первой части произведения, обеспечивал известную стабильность их этнокультурного многообразия. Германские племена, переселившиеся в Британию, облагораживая для себя ее территорию, оказались во власти ее региональных измерений — прошлого и настоящего.

Между прошлым и настоящим продолжала сохраняться неразрывная связь, определявшая культурную память валлийцев, шотландцев, ирландцев и англичан — с одной стороны, и их переселившихся с континента предков — с другой. Думается, что желание продемонстрировать подобного рода преемственность заставляло Кэмдена искать наиболее адекватные формы ее текстуального воплощения. В этом смысле локальный мир британских островов и его описание выстраивались Кэмденом одновременно в двух плоскостях, открывавших перспективу современного самому автору и ретроспективного измерения.

С учетом двух ракурсов восприятия определялись координаты локального пространства и затем очерчивались его зримые границы. Заимствованный у Птоломея и Антонина материал позволял восстановить исходные точки в его бифокальном изображении. Римские названия городов и населенных пунктов оказывались всего лишь началом более широкой реконструкции. Перед любознательным путешественником одновременно раскрывались, пока еще в тексте¹⁷, два параллельно

¹⁶ Ibid. Sig.D6v.

¹⁷ Речь идет о том, что начиная с издания 1594 г. в повествовательную структуру произведения начинают внедряться карты отдельных графств и территорий, количество которых уже достигает 39 в издании 1607 г. Исходным материалом служил в основном атлас Сакстона, а в посмертных изданиях «Британии» — уже под влиянием учеников Кэмдена — и Спида. Карты, как известно, визуализировали принципы описания локально-ограниченного пространства у Кэмдена. Collinson P. One of Us. William Camden and the Making of History // Transactions of Royal Historical Society. 6th series. 1998. N 8. P. 139–164; Klein B. Maps and the Writing of Space in Early Modern England and Ireland. Basingstoke, 2001. P. 63–65.

существующих в воображении измерения¹⁸. Отобранный у римских авторов материал позволял восстановить названия более 300 топонимов, содержательное значение которых сначала дешифровывалось до известных кельтских названий, которые расписывались в соответствии с восемнадцатью известными в доримский период территориальными объединениями. Затем осуществлялся поиск современных аналогий, и такого рода идентификация позволяла реконструировать находившийся в распоряжении историка материал до уровня известного в конце XVI века административно-территориального деления¹⁹. Своеобразное напластование двух временных срезов позволяло Кэмдену беспрепятственно погружать читателя в атмосферу как раннего средневековья, так и современного ему настоящего. За каждым названием либо умело дешифрованным до кельтского субстрата, либо доведенным до привычного каждому состояния скрывался теперь уже понятный прием. Погружая читателя в прошлое, Кэмден, очевидно, надеялся продемонстрировать становящееся единство в его этнополитическом измерении. Приподнимая любопытствующего до уровня настоящего, он, видимо, рассчитывал получить обратный эффект — заставить увидеть порожденное этим единством многообразие.

Достаточно сложно судить, насколько предлагаемые Кэмденом маршруты путешествий по островам архипелага были опробованы им лично. Судя по всему, приводимая во второй части «Британии» информация была почерпнута из вторых рук, но суммарный эффект таким образом собранных сведений не становился менее значительным. Потрясающие своей фундированностью экскурсы в историю городов, расположенных на их территории достопримечательностей, описание нравов и обычаев отдельных графств, характерных для них систем местного самоуправления и институтов — все высвечивало продолжающее сохранять исходную форму единство и множасьее на его фоне многообразие. Британия оказывалась одновременно объединенным германской в основе историей архипелагом и совокупностью неповторимых в своем современном облике территорий.

Джон Сэлден — одна из самых ярких личностей в истории Антикварного общества — эрудит, интересы которого простирались от изучения восточных языков до математических наук, одновременно участвовавший в оппозиционных выступлениях Общин в парламентах 1640-х гг. Историк, рассуждавший традиционно в вопросах устройства светского государства

и общества — и умеренно радикальный политик, человек, мысливший неординарно и часто скептически в самых разных областях знания. Его успешная юридическая практика, политическая деятельность и сочинения освещаются в современной историографии²⁰ более подробно по сравнению с деятельностью его собратьев по антикварному обществу.

В центре внимания Сэлдена оказываются самые разнообразные (исторические, церемониальные, властные, иерархические, правовые) вопросы состояния знати и монархии не только Англии, но и большинства европейских стран. Хронологические рамки его исследований также впечатляют, поскольку история Европы освещается им, начиная с великих империй древности и заканчивая современной автору эпохой. В отличие от более «британоцентричных» антиквариев, Сэлдену удается проводить не только хронологическую реконструкцию обычаев Английского королевства, но и сравнительных анализ конституций европейских монархий и выявить характерные черты английского права, определившие исключительный неповторимый облик британского государства и общества. Сочинения Сэлдена, сочетающие пространственный авторский текст и огромное количество цитируемых и приводимых полностью разнообразных источников и иллюстраций, стали исключительно авторитетными для всех авторов антикварного круга, что следует из многочисленных ссылок в трудах авторов, писавших всего несколько лет спустя после сэлденовских публикаций.

Одним из общих мест в историографических очерках, как правило, является указание на важную роль, которую стюартовские антикварии сыграли в развитии исторической науки, а частности — в области методологии, источниковедения и критики источников. Действительно, с деятельностью антиквариев связывается открытие значительного пласта источников, прежде всего относящихся к средневековой истории Британии. С одной стороны, их заслугой является формирование обширных и разнообразных коллекций (таких, как собрания Р. Коттона и Дж. Сэлдена)²¹, включавших книги и рукописи самого разнообразного характера; с другой — понимание важности критического подхода к источнику, внимание к вопросам подлинности документа, времени его создания, авторства, происхождения, филологический интерес к языку источника и др.

²⁰ *Christianson P.* Discourse on History, Law and Governance in the Public Career of John Selden, 1610–1635. Toronto, London, 1996; *Berkowitz D.* John Selden's formative years. Washington, 1988.

²¹ Подробнее об антикварных коллекциях см.: *Peck L. L.* Consuming splendour: Society and Culture in Seventeenth-Century England. Cambridge., 2005; Sir Robert Cotton as collector: essays on an early Stuart courtier and his legacy / Ed. by C. J. Wright. London, 1997.

¹⁸ *Rockett W.* Historical Topography and British History in Camden's Britannia // *Renaissance and Reformation.* 1990. Vol. 14. P. 77–78.

¹⁹ *Camden W.* Britannia...Sig.H3r, L4r, Hh7r.

Что же касается методологической стороны, то важным открытием, определившим дальнейшее развитие антикварного направления, было перенесение практик и ценностей, выработанных на протяжении нескольких столетий юристами Общего права, в область исторических исследований²².

В сочинениях Сэлдена историописательные и критические методы антикварного движения отчетливо формулируются, в полном объеме реализуются и обрабатываются на обширном и разнообразном источниковом материале.

Перенесение принципов Общего права в область разысканий о прошлом открывает перед Сэлденом оригинальную перспективу видения прошлого и настоящего Британии, понимания как внутренних закономерностей развития английского государства, так и общеевропейского исторического контекста. Правовые практики и концепции давали те методы работы с фактологическим материалом, которые были одинаково действенными и при исследовании развития государственных институтов, и при анализе истории и современности социальных явлений — т. е. при изучении тем, преимущественно Сэлдена интересовавших.

Кроме того, в случае Сэлдена, сближение историописания и Общего права определяло, какие элементы исторической культуры англичан могли быть органично вписаны в историю британской монархии, в историю, представляющую историю развития власти и права, а каким (прежде всего это касалось таких явлений, прочно укоренившихся в памяти британцев, как артуровская легенда и миф о завоевании Англии Брутом, потомком Энея) надлежит покинуть пределы собственно истории и перейти в сферу «поэзии». С другой стороны, педантичное следование прецедентному методу при исследовании истории Британии привело Сэлдена к построению отличавшейся от традиционных установок картины этапов развития английского государства и общества.

Право, безусловно, являлось для Сэлдена, как и для большинства его современников, системообразующим фактором, определявшим национальную самобытность и превосходство английской конституции, и, более того, гарантировавшим существование всей английской государственности как независимого и целостного организма.

Общее право, противопоставленное праву римскому, «цивильному», с одной стороны (римское право в сознании англичан XVI–XVII вв. имело как минимум две отрицательных коннотации: оно ассоциировалось с римским «универсализмом» в противовес национальному; а также с «уни-

версализмом» папистским)²³, и континентальным традициям — с другой воспринималось как один из главных — наряду с монархией — элементов «национальности», «английскости», в определенном смысле играло в их глазах роль стержня национальной и культурной идентичности. Следовательно, использование принципов Общего права историками-антиквариями создавало практически идеальную картину: история Англии изучается методом, рожденным в Англии, — концепция, сама по себе способная работать на национальную гордость британцев.

Кажется, что Сэлден отдает себе в этом отчет и не упускает случая подчеркнуть, что приемы, коими он пользуется при разрешении спорных вопросов — явление специфически английское, а значит — являющее собой венец возможностей человеческого разума. (Впрочем, чем более спорным оказывается проблема — скажем, происхождение отдельных титулов или привилегии монарха в отношении подданных — тем более «уникально британской» она преподносится.)

На каких же «исконно британских» приемах и культурных установках заимствованных из «исконно британского» права строит Сэлден и его последователи свои исследования?

Первое, на что необходимо указать, это уподобление исторического факта судебному прецеденту. Точно так же, как в основе Общего права лежал прецедент, так и в основе антикварного поиска находился «факт» — будь то документ, объемный трактат или фрагмент утраченной рукописи, надгробная плита, или монета, печать или герб — любое осязаемое свидетельство свершившегося события.

Параллель «прецедент-факт» трактовалась Сэлденом и в другой плоскости. Юристу следует всегда искать необходимый прецедент также, как антикварию — искать «факт»; только найденный прецедент мог стать основой для официального суждения. В той же мере отобранный факт — основа для суждения историка.

Если же необходимого прецедента не существует, то судья создает его сам, и новый прецедент в свою очередь становится основой для всех последующих суждений. При этом созданный прецедент все равно опирается на традицию. Отсутствие знания или факта заставляет антикварию трудиться над его созданием, но создается он с учетом традиции. Так, языковые реалии прошлого помогают создавать для антикварию факты настоящего. По убеждению Сэлдена, историк-антикварий должен стремиться не столько к завещанному древними морализаторству, которое неизбежно увело бы его от истории к поэзии, но к установлению истины, и, следовательно, очи-

²³ Lancaster C. «Learned, Judicious and Laborious» Gentlemen: Collectors of genealogies and Gentry Histories in Later Seventeenth-Century England // LIMINA. 1999. Vol. 5. P. 76–92.

²² Sommerville J. Politics and Ideology in England 1603–1640. London, 1995. P. 90–95.

щать свой труд от всевозможных мифов и невероятных историй, «поэтических выдумок», «гимнов древних бардов» и «мифических рассказов», по его ироническому выражению. Мнение предшественников могло оказаться предвзятым, а их информация — ошибочной. Если следовать рассуждениям Дж. Сэлдена, извращение истории происходит потому, что недобросовестные авторы склонны бездумно повторять мнения других историков, причем если обращение к Плутарху или Полибию оправдано древностью и авторитетом их сочинений, то цитировать «современного голландского автора — все равно что обращаться к поваренку с кухни»²⁴. Иными словами, частное мнение не должно было становиться основой для выводов.

Разбирая каждый конкретный исторический прецедент, следовало обращаться к «фактам», т. е. к оригинальным письменным (или даже материальным) источникам. Информация, почерпнутая из документов, приравнивалась к показаниям, а сами источники уподоблялись присутствующим на процессе свидетелям. (Так, Сэлден писал: «Когда я цитирую [документ], я будто бы вызываю свидетеля»²⁵.)

Умение юриста оперировать большими объемами зачастую разноплановых материалов сыграло свою роль в том, насколько насыщенными всевозможными цитатами оказывались лучшие творения антикварной школы. В трактатах самого Сэлдена мысль нередко утопает в большом количестве текстов источников, относящихся к значительно отстоящим друг от друга эпохам и областям знания.

Одновременно привычное для юристов обращение как к уже опубликованным, так и хранящимся в архивах статутам и юридическим «ежегодникам» формировало отношение к прошлому — и особенно к английскому средневековью — не как к абсолютно прошедшему и не связанному с реальностью периода, а как к эпохе, актуально и осязаемо влияющей на разрешение насущных теоретических и практических вопросов.

В глазах современников Общее право предоставляло кратчайший по сравнению с другими правовыми системами (прежде всего, с правом римским) путь к постижению истины именно потому, что основывалось на фактах, а не на суждениях. Доказательство должно было строиться в первую очередь на поиске аналогичных явлений и решений в прошлом, и только потом — на логике, увязывавшей обнаруженные факты друг с другом.

Без сомнения, в глазах антиквариев-юристов огромной ценностью английской правовой системы являлось существование суда присяжных, роль которых состояла не в составлении комментариев или выдвигании

догадок, а в процедуре вынесения вердикта на основе представленных их взорам фактов и свидетельских показаний. Дабы уберечь присяжных от возможных заблуждений, юридическая традиция выработала сложные правила, позволявшие определить степень доверия к свидетелю и исключить возможность некомпетентных, двусмысленных или заинтересованных показаний. В случае серьезных преступлений, когда невозможно было получить показания двух надежных свидетелей, необходимых для «полного» доказательства вины, а признания самого обвиняемого не было, судье было достаточно показаний одного или нескольких менее надежных свидетелей. Для определения степени доверия к свидетелям использовались критерии, восходящие к античной риторической традиции (пол, возраст, социальный статус, образование и т. д.).

Показания «свидетельствующих» документов с необходимостью выносились на суд публики, т. е. включались в текст сочинения. Действительно, прецедентный подход к изучению истории требовал представить все доступные свидетельства, но нельзя забывать, что сам по себе этот принцип не служил гарантией объективности автора по отношению к той или иной концепции знатности или нюансов понимания королевских прерогатив: историк-адвокат был волен трактовать найденные улики по своему усмотрению, подбирая их так, чтобы подтвердить собственную точку зрения. «Беспристрастность» в понимании эрудитов XVII века означала, прежде всего, неприятие сторонних необоснованных суждений. Даже такие знаковые для истории английской правовой мысли фигуры, как Г. Бракстон и Дж. Фортескью — влияние которых на антиквариев очевидно, — присутствуют в антикварных реконструкциях лишь наряду с прочими источниками, и нередко подвергаются филологическому анализу наравне с другими современными им текстами. Лишь в считанных местах цитируются концептуально значимые фрагменты средневековых теоретиков.

Что же касается достоверности и степени авторитетности источников, то, безусловно, наибольшей степенью авторитетности обладают документы, исходящие от монарха — вне зависимости от того, к какой именно сфере они относятся: это могут быть документы о пожаловании титулов и земель, тексты коронационных клятв, финансовые документы королевского двора и т. п. Разумеется, антикварии активно используют документы Канцелярии, Казначейства, «ежегодники» судов Общего права и прерогативных судов, документы церковной администрации. Разумеется, свидетельства, заимствованные из текстов, не относящихся к собственно документальным источникам обладают в глазах антиквариев несколько меньшим весом, зато активно привлекаются в тех случаях, когда

²⁴ *Selden J. Table talk, being the discourse of John Selden.* London, 1899. P. 21.

²⁵ *Ibid.* P. 21.

авторитетных документов, способных проиллюстрировать ту или иную концепцию, не существует. Более того, использование недокументальных источников позволяет «удревнить» область поиска доказательств, включив в область «актуального» прошлого не только англо-саксонский период истории Британии, но и в концептуальных целях эпизоды истории Древнего мира.

Данные, почерпнутые антиквариями из привлекаемых ими документов и текстов подвергаются тщательной проверке — тем более критической и внимательной была работа с текстом, если речь шла о публикации знаковых текстов, как, например, в случае «Диссертации к Флету» предпосланной Сэлденом публикации средневекового юридического трактата²⁶.

Осмысление национальной исключительности англичан, коренившееся в размышлениях о процессе формирования и роли права в британской истории, подталкивало авторов, писавших на исторические темы, к созданию национально ориентированных историй. Даже если рассматривать на первый взгляд почти «экуменический» труд Дж. Сэлдена «О титулах достоинств», окажется, что, несмотря на бесспорную научность и содержательную ценность глав, повествующих об истории знати континентальной Европы, древней и новой, все европейские сюжеты в конечном счете подчинены главной цели: через них читатель лучше понимает норму, образцовость, превосходство всего английского: монархии, социальной иерархии, критериев знатности, даже нравов. И, с точки зрения английских интеллектуалов, оттачивание английской «нормы» происходило благодаря благодатному действию системы английских законов и обычаев королевства и их постоянного соблюдения.

«Единственное предпочтение, которое выказывала наша нация, — пишет Сэлден, — было предпочтение закону «страны», называемому Общим правом, и это засвидетельствовано статутами и исками короны... Доказательства тому можно увидеть в трудах Хоудена и Матфея Парижского, равно как и в писаниях известных в то время юристов, однако особенно — во всевозможных публичных актах»²⁷.

Из логики рассуждений Сэлдена следует вывод, что право суть обычай, проверенный временем и практикой, а главное — обычай, «отшлифованный» человеческим разумом. Общее право, избегая опасных обобщений, основывалось, с его точки зрения, на индивидуальном подходе к рассмотрению любой проблемы, при котором одни и те же прецеденты не копировались многократно (тогда спектр возможных решений или

оставался бы неизменным, либо постепенно сужался), но, напротив, через анализ событий прошлого создавались новые, индивидуальные решения, соответствовавшие менявшимся условиям и все более совершенные.

Сэлден не был единственным теоретиком, пытавшимся решить вопрос о роли Общего права в истории английского государства, и не единственным историком-практиком, взявшимся выстроить концепцию истории королевств исходя из развития законов и обычаев Британии.

Первым из достойных соперников Сэлдена был сэр Эдвард Кок²⁸, который озвучивал идею континуитета английского права, обеспечивавшую, по аналогии, континуитет английской истории. Подходу Кока было свойственно в высшей мере спокойное отношение к случавшимся время от времени завоеваниям Альбиона («Тогда как краса других стран меркла и уходила с кровавыми войнами, я благодарю Господа за тот удивительный мир, которым в сем государстве неизменно процветал благодаря правлению согласно нашим Законам²⁹»), которые, в его понимании, лишь поверхностно влияли на правовые основы, заложенные в незапамятные времена. «Если бы древние законы нашего благородного острова не превосходили все прочие, они были бы всего лишь законами многочисленных его завоевателей и правителей, как то: римлян, саксов, данов или нормандцев»³⁰.

Действительно, последнее, нормандское, завоевание серьезно повлияло на правовую ситуацию в королевстве: появился источник совершенно нового, четко фиксируемого права, права статутного, творимого как реакция на вызовы современности, и этот источник невозможно было игнорировать: монарх, его совет, его парламент, его администрация. Однако, отмечал Кок, «Необходимо знать, что Общее право существовало до каких бы то ни было статутов»³¹. Тем не менее статутное право и вообще действия монархии лишь упорядочивали и более четко формулировали изначально действовавшие обычаи, к тому же сообщая им новую обязывающую силу.

Источником построений Кока, помимо его собственных штудий, было наследие Дж. Фортеस्कью, который, воспроизводя легенду об основании английской монархии Брутом, представлял «тело» государства с главой — королем, сердцем — подданными, и законами — кровеносными сосудами неизменным. Право в понимании Фортеस्कью — право прежде всего обычное, распространяющее свое влияние вплоть до самой королевской зако-

²⁸ Coke E. The Institutes of the laws of England, concerning the Jurisdiction of Courts. L., 1644.

²⁹ Ibid. P. 39.

³⁰ Ibid. P. 40.

³¹ Ibid. P. 41.

²⁶ Selden J. Dissertation of John Selden annexed to Fleta. L., 1771.

²⁷ Ibid. P. 242.

нодательной инициативы. Тезис о «смешанной монархии», существующей в Англии, помимо прочих коннотаций, должен был трактоваться как правление короля, ограничивавшего свою волю добровольным подчинением и согласованием нововведений с уже существующими обычаями.

Оппонентом Кока по вопросу правового континуитета был Генри Спелман, опиравшийся на идеи Полидора Вергилия. Ключевым моментом в размышлении о роли нормандского завоевания здесь было понимание того, что в интересах короля Вильгельма было укрепление позиций его собственной знати через привнесение континентальных механизмов управления, социальных явлений и законодательных методов.

Подход Сэлдена и остальных эрудитов, примыкавших к антикварному направлению, к проблеме права представлял собой срединный — и потому во многом более трезвый путь по сравнению с позициями Кока и Спелмана. В немалой степени это было обусловлено как более широким кругом источников, не ограничивавшимся сугубо юридическими и административными документами, так и характерной для антиквариев установкой на поиск компромисса и умеренных взвешенных формулировок.

Сэлден прекрасно осознавал своеобразие раннесредневековой эпохи, оценивая ее как время специфических критериев построения общества и природы власти. Англо-саксонские королевства представлялись объединениями тех же «воинственных племен», чьи стремительные рейды тревожили Континент; подчеркивая обособленность британских обычаев от образцов античности, он указывает на общие черты в развитии германских племен, среди которых англо-саксы — вполне типичный случай. Описанное в данном контексте англо-саксонское государство, основанное на милитантных и родовых ценностях действительно резко отличается от современных реалий, где приоритет отдается причастности политическому управлению. Нередко исследователи политической мысли отмечают, что англо-саксонская эпоха давала британцам XVII века образец «ограниченной монархии», с уитенагемотом-парламентом, принимавшим самое деятельное участие в принятии политических решений. Но если такое утверждение может считаться справедливым для радикальных публицистов 1640-х гг., развивавших линию Фортескую — Кока, то для антиквариев, писавших в первые три десятилетия XVII века, донормандская история демонстрирует, скорее, возможные проблемы монархической власти. Хотя, по мнению Сэлдена и его последователей, монархия возникла на Британских островах в незапамятные времена, в англо-саксонских королевствах она еще не была властью, конституировавшей общество и полностью регулировавшей его жизнь. Рассуждая о эрлах и тэнах, сравнивая эти достоинства с графскими и баронскими титулами

постнормандского времени, Сэлден открыто признает, что точно определить привилегии и обязанности их носителей невозможно не из-за недостатка источников, а из-за неупорядоченности, царившей в тогдашнем обществе³². Если помнить о завидном умении представителей антикварной школы выстраивать убедительно логичные доказательства чего бы то ни было, то отказ видеть логику в англо-саксонских источниках можно объяснить только тем, что у авторов изначально не было намерения такую логику обнаружить. Прошлое Англии представлено эпохой практически не регулируемого королевской властью обычая, допускающего сумятицу в распределении держаний, форм их наследования и обязательств (или отсутствия таковых) знати перед королем³³.

Завоевание 1066 г. выделяется антиквариями как исключительно важный, поворотный момент британской истории: через анализ этого события Сэлден демонстрирует роль активной воли монарха в истории страны и ее значение для складывания гармоничного управления королевством. Воспроизводя мысль Аристотеля, Сэлден допускает, что если правление осуществляется исключительно по воле и прихоти монарха, оно неизбежно вырождается в тиранию; очевидно, что у нормандского герцога были все шансы заслужить от потомков клеймо самовластного государя-деспота. Однако Вильгельм Бастард, как часто именуют его антикварии, как на страницах «титулов достоинств», так и в сочинениях антиквариев У. Сегара и позднее М. Картера, предстает фигурой, воплощавшей столь близкую антиквариям идею компромисса и сочетания на первый взгляд несовместимых вещей: сохранения и систематизации прежде спонтанно формировавшихся саксонских обычаев (изучающих знатное общество более всего занимало сохранение достоинств и владений лояльных представителей англо-саксонской знати) и насаждения инородных методов управления. Царствование Вильгельма — особый сюжет для всех без исключения историков антикварного круга. Оно позволяет показать, как в личности конкретного государя воплощены едва ли не все черты, составляющие идею монархии на рубеже XVI–XVII столетий.

Вильгельм приобретает английский трон, фактически не имея на него династического права, и вопрос о легитимности основанной им династии не ставится антиквариями не только из методологических принципов

³² Selden J. *Titles of Honor*. L., 1672. P. 500–501, 510–511. К современному пониманию графского титула приближаются англо-саксонские достоинства, обозначавшиеся в источниках следующими именованьями: Etheling, Ealdorman, Eorle, Senior, Senator, Subregulus, Princeps и т. д.

³³ Spelman H. *The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures*. P. 4–6 // *The English Works of Sir Henry Spelman*... L., 1723.

(установление нормандского правления — свершившийся факт, и просто «отменить» прецедент невозможно); основа его власти — обладание королевским титулом, следовательно, именно само королевское достоинство, «должность» короля освящает занявшего эту должность. Преемственность власти саксонских королей, нормандской династии и так вплоть до Тюдоров и Стюартов доказываются антиквариями не через реконструкцию часто сомнительных династических связей, не через обращение к документам, а через причастность монархов священному королевскому титулу. Здесь, безусловно, происходит апелляция к понятию обычая — но не в смысле строгого соблюдения уже действующих неписаных установлений, а к пониманию того, что обычай постоянно развивается, а не существует в зафиксированных раз и навсегда формах.

Герцог Нормандский на страницах антикварных сочинений оказывается самым активным и деятельным правотворцем, что подтверждается многочисленными документальными свидетельствами, фиксирующими распоряжения государя касательно своих баронов. Пожалуй, главная заслуга Вильгельма виделась эрудитами Антикварного общества в упорядочении иерархии знатных достоинств. При этом те нормы, которые при повествовании о событиях XI века относятся ими в разряд «нововведений», «рукотворного» законодательства Вильгельма, в рассуждениях о более близких к современности временах относятся уже в разряд «обычаев» — учитывая, что к имеющим правовой авторитет обычаям можно было относить любую практику, о существовании которой было известно более или менее длительное время³⁴.

Завоевание ставит и разрешает вопросы, не поддававшиеся разрешению при осмыслении реалий донормандских времен. Каким образом в руках англо-саксонских тэнов и эрлов оказывались обширные земельные владения и кто давал им право прибавлять к своему имени то или иное почетное звание, даже Генри Спелман, досконально описавший историю рыцарских держаний³⁵, не считает возможным определить. И даже когда обнаруживаются свидетельства, показывающие, что короли древней Англии лично жаловали владения подданным на короткий срок (редко — на срок жизни), проблема наследования возникала по разумеющейся антиквариями, хотя и не названной открыто причине: существовавший тогда обычай не определял, каким правом на подвластные ему земли обладает король; закрепить же за другим то, что не принадлежит тебе самому, невозможно. Когда после 1066 г. монарх приобретает безусловное право собственности на земли королевства, местонахождение «источника

милостей», «*fountain of honour*», становится очевидным и входит в число незыблемых «обычаев королевства». Монарх впервые изображается средоточием власти, добровольным блюстителем обычая и творцом права. Правотворчество понимается антиквариями в немалой степени не только как целенаправленное законодательство и волевое введение в употребление новых практик, сколько возможность поддерживать адекватное исполнение вновь учрежденных порядков и способность власти регулировать функционирование уже существующих норм. Общим местом английской юридической традиции было утверждение, что для нормального развития и реализации права необходимо поддержание внешнего и внутреннего мира в стране³⁶, что, безусловно, в полной мере могла гарантировать постнормандская монархия.

Даже «злоупотребления» и «амбиции», справедливо приписанные Сэлденом³⁷ королям-нормандцам, в конечном итоге служат во благо страны, поскольку именно через исправление совершенных предками ошибок пролегает путь к «умеренности» в законах и обычаях. Представление о том, что право — это обычай, проверенный временем и практикой, обычай, «отшлифованный» человеческим разумом, давало еще один повод объявить о совершенности форм управления Британией.

Если государство представлялось лондонским историкам основанным и скрепленным индивидуальными узами верности между монархом и его подданными, то также и Общее право, избегая опасных обобщений, основывалось, с их точки зрения, на индивидуальном подходе к рассмотрению любой проблемы, при котором одни и те же прецеденты не копировались многократно (тогда спектр возможных решений или оставался бы неизменным, либо постепенно сужался), но, напротив, через анализ событий прошлого создавались новые, индивидуальные решения, соответствовавшие менявшимся условиям и все более совершенные.

Информация о статье:

Авторы:

Федоров, Сергей Егорович, д.и.н., профессор кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, 63serg-fedorov@mail.ru

Паламарчук, Анастасия Андреевна, к.и.н., доцент кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, sir.henry.finch@gmail.com

Сергеева, Людмила Петровна, к.и.н., доцент кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: lyudmila.sergeeva@bk.ru

³⁴ *Sommerville J. P. Politics and Ideology...* P. 87–89.

³⁵ *Spelman H. The Original, Growth...* P. 34.

³⁶ *Sommerville J. P. Politics and Ideology...* P. 100–101.

³⁷ *Selden J. Titles of Honor. L., 1672. P. 495; Milles T. A Catalogue of Honor. L., 1612.*

Заголовок: Парадоксы и технологии антикварного дискурса в яковитской Англии.

Резюме: В статье реконструированы интеллектуальные технологии и специфическая методология, выработанная в раннестюартовской Англии членами Антикварного общества. Разработка и применение данных методов были неразрывно связаны с дальнейшим развитием композитарной монархии Стюартов. Уильям Кемден, придворный историк Елизаветы I, автор знаменитой «Британии», и Джон Сэлден, юрист и ориенталист, были наиболее выдающимися представителями антикварного движения. В статье подробно освещено использование антиквариями хорографических описаний, а также применение методов общего права в области исторических исследований.

Ключевые слова: Дискурс анализ, раннестюартовская Англия, Антикварное общество, Уильям Кемден, Джон Сэлден.

Список литературы:

Зверева, Вера Владимировна. Представление прошлого в трудах английских антикваров // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2003. С. 223–241.

Паламарчук, Анастасия Андреевна, Федоров, Сергей Егорович. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб.: Алетей, 2013. — 210 с.

Паламарчук, Анастасия Андреевна, Федоров, Сергей Егорович. Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннестюартовской Англии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 151–198.

Репина, Лорина Петровна. Память и историописание // История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 19–47

Федоров, Сергей Егорович. Honor Redivivus: Риторика представлений современников о стюартовской аристократии // Вестник С.-Петербур. ун-та. Серия 2. Вып. 4. 1998. С. 16–25.

Федоров, Сергей Егорович. Антикварное историописание: история и современность в яковитской Англии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. — 42 с.

Федоров, Сергей Егорович. О некоторых особенностях представлений об аристократии в Англии раннего нового времени // Проблемы социальной истории и культуры средневековья и раннего нового времени / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., Изд-во СПбГУ, 2000. С. 160–179.

Berkowitz, David. John Selden's formative years. Washington: ASSOCIATED University press. 1988. — 362 p.

Camden, William. Britannia: sive Florentissimorum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum Adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio. London: Apud Johannem Weckelum. 1586. — 770 p.

Canny, Nicholas. Making Ireland British. 1580–1650. Oxford: Oxford University Press, 2001. — 633 p.

Christianson, Paul. Discourse on History, Law and Governance in the Public Career of John Selden, 1610–1635. Toronto, London: University of Toronto Press, 1996. — 451 p.

Collinson, Patrick. One of Us. William Camden and the Making of History // Transactions of Royal Historical Society. 6th series. 1998. N 8. P. 139–164.

Cormack, Lesley. Charting an Empire: Geography at the English Universities. Chicago: University of Chicago Press, 1997. — 222 p.

English Historical Scholarship in Sixteenth and Seventeenth Centuries / Ed. by L. Fox. Oxford, Oxford University Press, 1956. — 153 p.

Gottfried, Rudolf. The Early Development of the Section on Ireland in Camden's Britannia // English Literary History. 1943. Vol. 10. N 2. P. 117–130.

Helgerson, Richard. Forms of Nationhood: the Elizabethan Writing of History. Chicago: University of Chicago Press. 1992. — 332 p.

Helgerson, Richard. The Land Speaks: Cartography, Chrography, and Subversion in Renaissance England // Representations. 1986. N 16. P. 51–85.

Kendrick, Thomas. British Antiquity. London: Methuen and Co. 1950. — 171 p.

Kingdom United? Great Britain and Ireland since 1500: Integration and Diversity / Ed. by S. Connolly. Dublin: Four Courts. 1999. — 252 p.

Klein, Bernhard. Maps and the Writing of Space in Early Modern England and Ireland. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. — 235 p.

Lancaster, Charles. «Learned, Judicious and Laborious» Gentlemen: Collectors of genealogies and Gentry Histories in Later Seventeenth-Century England // LIMINA. 1999. Vol. 5. P. 76–92.

Levine, Joseph. Humanism and History: Origins of Modern English Historiography. New York: Cornell University Press, 1987. — 297 p.

Levy, Fred. Tudor Historical Thought. San Marino, Calif.: University of Toronto Press. 1967. — 390 p.

Milles, Thomas. A Catalogue of Honor. L., 1612. — 846 p.

Ohlmeyer, Jane. Seventeenth Century Ireland and the New British and Atlantic Histories // The American Historical Review. 1999. Vol. 104. N 2. P. 446–462.

Parry, Graham. The Trophies of Time: English Antiquaries of the Seventeenth Century. Oxford, New York: Oxford University Press, 1995. — 382 p.

Peck, Linda Levy. Consuming splendor: Society and Culture in Seventeenth-Century England. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 429 p.

Percival-Maxwell, Michael. Ireland and the Monarchy in the Early Stuart Multiple Kingdom // The Historical Journal. 1991. Vol. 34. N 2. P. 279–295.

Piggott, Stuart. William Camden and the Britannia // Proceedings of the Royal British Academy. 1951. Vol. 37. P. 199–217.

Radstone, Susannah. Reconceiving Binaries: the Limits of Memory // History Workshop Journal. 2005. Vol. 51. N 1. P. 134–150.

Rockett, William. Historical Topography and British History in Camden's Britannia // Renaissance and Reformation. 1990. Vol. 14. P. 71–80.

Rockett, William. The Structural Plan of Camden's Britannia // Sixteenth Century Journal. 1995. Vol. 26. N 4. P. 829–841.

Selden, John. Table talk, being the discourse of John Selden. New York: Eaton and Mains, 1899. — 266 p.

Selden, John. Dissertation of John Selden annexed to Fleta. London: In Bell-yard, 1771. — 276 p.

Selden, John. Titles of Honor. London: Printed by G. Leigh. 1672. — 756 p.

Shapiro, Barbara. A Culture of Fact. England, 1550–1720. Cambridge: Cornell University press, 2003. — 296 p.

Sir Robert Cotton as collector : essays on an early Stuart courtier and his legacy / Ed. by C. J. Wright. London: The British Library, 1997. — 470 p.

Sommerville, Johann. Politics and Ideology in England 1603–1640. London: Longman, 1995. — 254 p.

Spelman, Henry. The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures. // The English Works of Sir Henry Spelman... London: printed in Holborn. 1723. — 282 p.

Woolf, Daniel. Idea of History in Early Stuart England. Toronto: University of Toronto Press, 1990. — 377 p.

Information about the article:

Authors:

Fedorov, Sergey Egorovich, PhD (in History), Doctor of History, Professor of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, 63serg-fyodorov@mail.ru

Palamarchuk, Anastasiya Andreevna, PhD (in History), Associate Professor (Reader) of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, sir.henry.finch@gmail.com

Sergeeva Lyudmila Petrovna, PhD (in History), Associate Professor of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University.

E-mail: lyudmila.sergeeva@bk.ru

Title: Antiquarian Discourse in Jacobean England: Paradoxes and Technologies.

Summary: The key issue of the article is to demonstrate intellectual technologies and special methodology proposed by English Antiquaries in the Early Stuart England for further development of the English monarchy. William Camden, historian, the famous author of “Britannia”, and John Selden, lawyer and oriental scholar, were prominent Antiquaries. The article demonstrates such “technologies” as chorography and legal methods applied to history.

Key words: Discourse analysis, Early Stuart England, Antiquarian Society, William Camden, John Selden.

References:

Zvereva, Vera Vladimirovna. Predstavlenie proshlogo v trudach angliyskikh antikvarov, in: Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost v Evrope do nachala novogo vremeni / pod red. L. P. Repinoy. M.: Krug, 2003. S. 223–241.

Palamarchuk Anastasiya Andreevna, Fedorov, Sergey Egorovich. Antikvarnyy diskurs v rannestyuartovskoy Anglii. SPb.: Aleteya, 2013. — 210 s.

Palamarchuk, Anastasiya Andreevna, Fedorov, Sergey Egorovich. Rubezhi antikvarnogo soznaniya: istoriya i sovremennost v rannestyuartovskoy Anglii, in: «Tsep' vremeni»: problemy istoricheskogo soznaniya / pod red. L. P. Repinoy. M.: IVI RAN, 2005. S. 151–198.

Repina, Lorina Petrovna. Pamyat I istoriopisanie, in: Istoriya i pamyat. Istoricheskaya kultura Evropy do nachala novogo vremeni / pod red. L. P. Repinoy. M.: Krug, 2006. S. 19–47.

Fedorov, Sergey Egorovich. Honor Redivivus: Ritorika predstavleniy sovremennikov o Stuartovskoy aristokratii, in: Vestnik S.-Peterb. un-ta. Ser. 2. Vyp. 4. 1998. S. 16–25.

Fedorov, Sergey Egorovich. Antikvarnoe istoriopisanie: istoriya I sovremennost v Yakovitskoy Anglii. SPb.: Izd-vo SPbGU. 2007. — 42 s.

Fedorov, Sergey Egorovich. O nekotorych osobennostyach predstavleniy ob aristokratii v Anglii rannego novogo vremeni, in: Problemy sotsialnoy istorii I kulture srednevekov'ya i rannego novogo vremeni / pod red. G. E. Lebedevoy. SPb., Izd-vo SPbGU, 2000. S. 160–179.

Berkowitz, David. John Selden's formative years. Washington: ASSOCIATED University press, 1988. — 362 p.

Camden, William. Britannia: sive Florentissimorum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum Adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio. London: Apud Johannem Weckelum, 1586. — 770 p.

Canny, Nicholas. Making Ireland British. 1580–1650. Oxford: Oxford University Press, 2001. — 633 p.

Christianson, Paul. Discourse on History, Law and Governance in the Public Career of John Selden, 1610–1635. Toronto, London: University of Toronto Press, 1996. — 451 p.

Collinson, Patrick. One of Us. William Camden and the Making of History, in: Transactions of Royal Historical Society. 6th series. 1998. N 8. P. 139–164.

Cormack, Lesley. Charting an Empire: Geography at the English Universities. Chicago: University of Chicago Press, 1997. — 222 p.

English Historical Scholarship in Sixteenth and Seventeenth Centuries / Ed. by L. Fox. Oxford, Oxford University Press, 1956. — 153 p.

Gottfried, Rudolf. The Early Development of the Section on Ireland in Camden's Britannia, in: English Literary History. 1943. Vol. 10. N 2. P. 117–130.

Helgerson, Richard. Forms of Nationhood: the Elizabethan Writing of History. Chicago: University of Chicago Press. 1992. — 332 p.

Helgerson, Richard. The Land Speaks: Cartography, Chrography, and Subversion in Renaissance England, in: Representations. 1986. N 16. P. 51–85.

Kendrick, Thomas. British Antiquity. London: Methuen and Co, 1950. — 171 p.

Kingdom United? Great Britain and Ireland since 1500: Integration and Diversity / Ed. by S. Connolly. Dublin: Four Courts, 1999. — 252 p.

Klein, Bernhard. Maps and the Writing of Space in Early Modern England and Ireland. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. — 235 p.

Lancaster, Charles. «Learned, Judicious and Laborious» Gentlemen: Collectors of genealogies and Gentry Histories in Later Seventeenth-Century England, in: LIMINA. 1999. Vol. 5. P. 76–92.

Levine, Joseph. *Humanism and History: Origins of Modern English Historiography*. New-York: Cornell University Press, 1987. — 297 p.

Levy, Fred. *Tudor Historical Thought*. San Marino, Calif.: University of Toronto Press, 1967. — 390 p.

Milles, Thomas. *A Catalogue of Honor*. L., 1612. — 846 p.

Ohlmeyer, Jane. *Seventeenth Century Ireland and the New British and Atlantic Histories*, in: *The American Historical Review*. 1999. Vol. 104. N 2. P. 446–462

Parry, Graham. *The Trophies of Time: English Antiquaries of the Seventeenth Century*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1995. — 382 p.

Peck, Linda Levy. *Consuming splendor: Society and Culture in Seventeenth-Century England*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 429 p.

Percival-Maxwell, Michael. *Ireland and the Monarchy in the Early Stuart Multiple Kingdom*, in: *The Historical Journal*. 1991. Vol. 34. N 2. P. 279–295.

Piggott, Stuart. *William Camden and the Britannia*, in: *Proceedings of the Royal British Academy*. 1951. Vol. 37. P. 199–217.

Radstone, Susannah. *Reconceiving Binaries: the Limits of Memory*, in: *History Workshop Journal*. 2005. Vol. 51. N 1. P. 134–150.

Rockett, William. *Historical Topography and British History in Camden's Britannia*, in: *Renaissance and Reformation*. 1990. Vol. 14. P. 71–80.

Rockett, William. *The Structural Plan of Camden's Britannia*, in: *Sixteenth Century Journal*. 1995. Vol. 26. N 4. P. 829–841.

Selden, John. *Table talk, being the discourse of John Selden*. New York: Eaton and Mains, 1899. — 266 p.

Selden, John. *Dissertation of John Selden annexed to Fleta*. London: In Bell-yard, 1771. — 276 p.

Selden, John. *Titles of Honor*. London: Printed by G. Leigh, 1672. — 756 p.

Shapiro B. *A Culture of Fact. England, 1550–1720*. Cambridge: Cornell University press, 2003. — 296 p.

Sir Robert Cotton as collector : essays on an early Stuart courtier and his legacy / Ed. by C. J. Wright. London: The British Library, 1997. — 470 p.

Sommerville, Johann. *Politics and Ideology in England 1603–1640*. London: Longman, 1995. — 254 p.

Spelman, Henry. *The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures*, in: *The English Works of Sir Henry Spelman...* London: printed in Holborn, 1723. — 282 p.

Woolf, Daniel. *Idea of History in Early Stuart England*. Toronto: University of Toronto Press, 1990. — 377 p.

УДК 94(4)“375/1492”; ББК 63.3(0)4

Е. В. Бакалдина

МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРСОНАЛ В ХАУСХОЛДЕ КОРОЛЯ АНГЛИИ ЭДУАРДА IV (1461–1483)

Основными источниками для данной темы являются документы из Национального архива Соединенного Королевства (*Public Record Office*)¹, опубликованные календари патентных и закрытых писем, дающие сведения о персональном составе штата врачей, а также первый известный историкам регламент английского королевского двора, под названием «Черная книга хаусхолда Эдуарда IV»², составленный около 1472 г. В его тексте есть несколько абзацев, посвященных медицинскому персоналу двора. Первостепенное внимание отдается практическим вопросам — рассматриваются обязанности слуг и их довольствия.

Согласно регламенту «Черная книга» в хаусхолде Эдуарда IV числились врач (*doctoure of physyque*,³ *phiscus regis*⁴), хирург (*surgeoune*,⁵ *chirurgicus regis*⁶), аптекарь (*potycary*,⁷ *apoticarius regis*⁸), цирюльник (*barber*,⁹ *barbus-tonsor regis*¹⁰), йомен-хирург (*yeoman surgeon*), йомены (*yeomen*), грумы (*groom*) и их слуги (*servants*). Все вышеперечисленные лица подчинялись

¹ Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office, 1461–1468. L., 1949; Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office, 1468–1476. L., 1954 (Далее используется сокращение CCR); Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office, 1461–1467. L., 1897; Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office, 1466–1467. L., 1900; Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office, 1476–1485. L., 1901. (Далее используется сокращение CPR).

² The Household of Edward IV: The Black Book and the Ordinance of 1478 / Ed. By A. R. Myers. Manchester, 1959. (Далее используется сокращение BB.)

³ BB. § 44. P. 123–124.

⁴ Ibid. P. 77.

⁵ Ibid. § 45. P. 124–125.

⁶ Ibid. P. 77.

⁷ Ibid. § 46. P. 125.

⁸ Ibid. P. 77.

⁹ Ibid. § 47. P. 126.

¹⁰ Ibid. P. 77.

лорду камергеру и входили в состав одного из двух департаментов двора (*Domus Magnificencia*).

Говоря о разных категориях медицинского персонала, его можно разделить на две группы. Первая состоит из врачей, которые, как правило, обучались в различных университетах. Должность врача была высока в иерархической лестнице хаусхолда, так как врач обладал достаточно большим влиянием и соответствующим довольствием. Ко второй группе можно отнести хирургов, цирюльников и аптекарей. Их значение существенно возрастало в периоды активных военных действий, когда набирался дополнительный штат этих слуг¹¹. Кроме вышеперечисленных категорий в источниках также встречаются упоминания о лекарях (*leech*) и женщинах-врачах. Если говорить о лекарях, то об их деятельности касательно королевского двора нет свидетельств; а женщины в хаусхолде короля в принципе не числились. Однако женщины-акушерки (*midwife*) допускались ко двору королевы: известно об Маржори Кобб, служившей Елизавете Вудвилль, супруге Эдуарда.

Среди врачей и аптекарей было некоторое количество алхимиков. Известно о Ричарде Картере, получившем лицензию на занятия алхимией сроком на два года, причем разрешено ему было проводить свою работу на земле, входившей в королевский домен¹². По мнению историка Д. Хьюза алхимики при Эдуарде IV работали на королевском монетном дворе, а один из них (Томас Нортон) был камергером королевской палаты¹³.

Достаточно сложен вопрос об обязанностях слуг в сфере медицинского обслуживания (дополнительные функции будут рассмотрены ниже) тех или иных медицинских работников, так как периодически эти обязанности дублируются. Сводные данные из различных источников представлены в таблице I, курсивом выделены положения регламента «Черная книга Эдуарда IV».

Из данных таблицы видно, что обязанности представителей всех этих служб могли частично повторяться или же как в случае с лекарствами распределяться. Это создавало взаимозаменяемость персонала на случай болезни или отсутствия в хаусхолде кого-либо из персонала, что, в свою очередь, существенно сокращало финансовые издержки на довольствия лишнему персоналу. Подобная практика часто применялась в хаусхолде

¹¹ *Gottfried R. S. Doctors and Medicine in Medieval England, 1340–1530. Princeton, 1986. P. 91.*

¹² По кн.: *Matthews L.G. The Royal Apothecaries. L., 1967. P. 48.*

¹³ *Hughes J. Edward IV and the alchemists // History Today, 2002. Vol. 52. N 8. P. 14; Hughes J. Politics and the Occult at the Court of Edward IV // Princes and Princely Culture, 1450–1650. Vol. II / ed. by M. Gosman, A. MacDonald, A. Vanderjagt. Leiden, Boston, 2005. P. 98; см. кн.: Hughes J. Arthurian myths and alchemy: the kingship of Edward IV. Stroud, 2002.*

Эдуарда IV. Однако в то же время существовала четкая иерархия персонала, которую возможно проследить по размерам довольствий, подотчетности, а также возможности доступа к персоне короля.

Таблица I

Обязанности медперсонала хаусхолда

Королевский врач	Хирург	Аптекарь	Цирюльник	Слуги департамента кладовой специй
<i>Диагностика болезней</i>				
<i>Назначение диеты королю</i>				
<i>Наблюдение за здоровьем короля</i>	<i>Лечение короля</i>		<i>Мытье короля</i>	
<i>Наблюдение за здоровьем слуг хаусхолда</i>	<i>Лечение слуг хаусхолда</i>	Проведение простейших медицинских процедур в случае отсутствия врача и хирурга	<i>Проведение простейших медицинских процедур в случае отсутствия хирурга</i>	
<i>Контроль над покупкой медикаментов</i>	<i>Владение медикаментами и отчет в этом. Прописывает медикаменты королю</i>	<i>Покупка медикаментов</i>		
		Производство и закупка специальных вин и кондитерских изделий, которые использовались как витамины*		Закупка необходимых ингредиентов для изготовления медикаментов
		<i>Контроль в сфере санитарии в королевском гардеробе</i>		

* *Gottfried R. S. Doctors and Medicine in Medieval England... P. 96.*

Вопрос об общем количестве слуг из штата медицинского персонала также не прост, поскольку, зачастую, к медперсоналу добавляют служителей департамента кладовой специй, очень близких по роду деятельности к аптекарю, так как иногда именно они доставляли ко двору специи и ингредиенты, которые использовались как витамины. В средние века в категорию специй входили как сушеные фрукты (фиги, финики, изюм), так и пряности (корица, гвоздика, имбирь, перец)¹⁴. Иногда в помощники аптекарю назначали грума из кастелянной (для контроля за санитарией в палатах короля). В первом случае корни схожести функций уходят в прошлое, так как фармацевтика начиналась с торговли специями¹⁵. Аптекарями назначались хранители специй (*spicers*), впоследствии ставшие именоваться хранителями специй — аптекарями (*spicers-apothecaries*) или даже бакалейщиками (*grocers*)¹⁶. Причем считалось, что *spicer* — это человек, разбирающийся в лекарствах и имеющий знания для предписания лекарств клиентам, а *grocer* — торговец лекарствами и специями¹⁷. Однако со временем их обязанности размежевались, и за бакалейщиками и за хранителями специй осталась торговля, аптекари больше внимания стали уделять изготовлению лекарств. К XV веку различия стали достаточно существенны, и в регламенте хаусхолда Эдуарда IV это уже отдельные службы, подчиняющиеся разным главам департаментов, хотя, не было исключено, что их функции частично перекрещивались в сфере поставки ингредиентов для лекарств. Известно о росте количества потребления лекарств и специй, которые ассоциировались с лекарствами, так в 1462 г. аптекарь Клерк поставил ко двору таких ингредиентов на 40 фунтов, в 1464 г. — на 89, а в 1475 г. — на 283. И в данном случае речь идет не столько о подорожании, сколько о возросшем потреблении (частично из-за похода во Францию в 1475 г.), хотя не исключен элемент коррупции, так как Клерк был дружен с одним из ведущих врачей Эдуарда IV Роджером Маршалом¹⁸.

При дворе предшественника Эдуарда Генриха VI, согласно ордонансу 1445 г., числилось три врача и хирурга [причем в обоих случаях

Таблица II

Количество медперсонала в королевском хаусхолде

	Генрих VI. Ордонанс 1445 г.	Генрих VI. Ордонанс 1454 г.	Эдуард IV. Регламент ок. 1472 г.	Эдуард IV. Ордонанс 1478 г.
Врачи	3 врача и хирурга	2 врача, 3 йомена	1 врач и два помощника	1 врач с помощником
Хирурги			1 хирург и три помощника	
Аптекари			1 аптекарь с помощником	
Цирюльники			1 цирюльник	
Слуги департамента специй	8	4	4	3
Всего человек	11	9	14	5

употреблено множественное число] и восемь человек из департамента специй (*office of Spicery*)¹⁹, а в ордонансе 1454 г. два врача и три им подчиняющихся йомена, а также четыре человека в департаменте кладовой специй²⁰. В регламенте хаусхолда «Черная книга Эдуарда IV» прописано единовременное пребывание на службе десяти человек — врача с помощником йоменом и слугой, хирурга с йоменом-хирургом, грумом и мальчиком-слугой, аптекаря (мог быть из службы йоменов королевской палаты) с помощником йоменом из департамента кастелянной и кладовой столового белья (*office of ewery*), цирюльника (мог числиться в другой службе хаусхолда)²¹, кроме того, в департаменте кладовой специй должны были значиться главный секретарь-контролер (*chief master clerk*), простой секретарь-контролер (*clerk*), йомен и грум²². Однако всего через шесть лет в ордонансе 1478 г. количество медперсонала было значительно сокращено — до одного врача с одним помощником и до трех человек в департаменте кладовой специй²³. В данном случае поставкой лекарств,

¹⁴ Dyer C. Standards of living in the later Middle Ages. Social change in England, c. 1200–1520, Cambridge, 1998. P. 62.

¹⁵ Trease G. E. The Spicers and Apothecaries of the Royal Household in the Reigns of Henry III, Edward I and Edward II // Nottingham Medieval Studies. 1959. Vol. 3. P. 19.

¹⁶ Matthews L. G. The Royal Apothecaries. P. XI.

¹⁷ Matthews L. G. The Royal Apothecaries. P. 5.

¹⁸ Rawcliffe C. Consultants, careerists and conspirators: royal doctors in the time of Richard III // The Ricardian, 1989. Vol. 8. N 106. P. 251.

¹⁹ The Ordinance of 1445 // The Household of Edward IV: The Black Book and the Ordinance of 1478 / Ed. by A.R. Myers. Manchester, 1959. P. 70, 73.

²⁰ The Ordinance of 1454 // Proceeding of the Privy Council of England / Ed. by H. Nicholas. L., 1837. Vol. 6. P. 223, 227.

²¹ BB. § 44. P.123–126.

²² Ibid. P.186–188.

²³ The Ordinance of 1478 from the Queen's College Oxford MS.134 // The Household of Edward IV: The Black Book and the Ordinance of 1478 / Ed. by A. R. Myers. Manchester, 1959. P. 225, 227.

вероятно, из-за отсутствия аптекаря осуществлял слуга департамента специй. Вспоминая политику Эдуарда IV по сокращению расходов на хаусхолд за счет существенного уменьшения персонала²⁴, видно, что и тут хронологически прослеживается данная тенденция. Тем не менее, несмотря на пожелания регламента (ок. 1472 г.) и предписания ордонанса 1478 г., число служащих этого профиля в реальной жизни было большим — это удается проследить по таким документам как календари патентов и закрытых писем. Конечно, речь идет, в основном о высших должностях, так как нижние чины значительно меньше упоминаются в источниках.

В результате изучения источников удалось обнаружить шестнадцать человек, относящихся к медицинскому персоналу хаусхолда за все двадцать три года правления Эдуарда IV (1461–1483), все они представлены в таблице III. При этом видно, что значительную часть ординарного медицинского персонала составляли врачи, на втором месте — хирурги, на третьем — аптекари, и был лишь один цирюльник. В данном случае речь идет преимущественно не о смене врачей, а о единовременной службе большого количества врачей. Скорее всего, врачи и хирурги работали в ротационной системе, по одному присутствуя при дворе. Возможно, вследствие подобной практики королевским врачам даровалось жилье недалеко от хаусхолда; например, Р. Филд получил его около Вестминстера, как сказано в источнике «между круглым зданием и королевским холлом»²⁵, а в 1482 г. это же жилье было передано Д. Фризу²⁶.

Таблица III

Ординарный медицинский персонал хаусхолда

	Имя	Происхождение	Клирик/мирянин	Должность в хаусхолде
1	Аргентьен, Джон (1442–02.02.1507)	Англичанин	Клирик	Королевский врач Эдуарда IV (после 1478) Королевский врач Эдуарда V (1483)
2	Беммеслей, Томас	Англичанин	?	Королевский врач Эдуарда IV (1483) Королевский врач Эдуарда V (1483) Королевский врач Ричарда III (1483–1485)

Продолжение таблицы III

	Имя	Происхождение	Клирик/мирянин	Должность в хаусхолде
3	Герард		?	Королевский хирург Эдуарда IV (1464)
4	Гоббс, Уильям (ок.1459–1485)	Англичанин/валлиец	Мирянин	Врач герцога Ричарда Йоркского (отца Эдуарда IV) (?–1460). Врач Эдуарда (когда он еще был графом Марча) (1460–1461). Королевский хирург Эдуарда IV (1462–1475). Королевский врач Эдуарда IV (1475–1483). Королевский врач Эдуарда V (1483). Королевский врач Ричарда III (1483–1485).
5	Годфри, Уильям	Англичанин	?	Йомен королевской палаты Генриха VI (1457). Королевский аптекарь Генриха VI (1457). Королевский аптекарь Эдуарда IV (1461 или 1464)
6	Клерк, Джон (до 1420–15.03.1483)	Англичанин	Мирянин. Дважды женат	Королевский аптекарь Эдуарда IV (1462)
7	Маршалл, Роджер (1417–1477)	Англичанин	Мирянин. Женат	Королевский врач Эдуарда IV (1468–1475)
8	Мичелл, Джон	Англичанин	?	Йомен хаусхолда. Королевский цирюльник Эдуарда IV (1473)
9	Мортон, Джон	Англичанин	?	Королевский врач Эдуарда IV (1470–е)
10	Серего, Доминик	Итальянец	?	Королевский врач Эдуарда IV (1467–1475). Врач королевы Елизаветы Вудвилль (1472)
11	Уорд, Томас	Англичанин	Клирик	Королевский врач Эдуарда IV (1482)

²⁴ Бакалдина Е. В. Английский королевский двор при Эдуарде IV. Институты, слуги, церемониал. Диссерт. на соис. ст. к.и.н. Санкт-Петербург, 2011. С. 124.

²⁵ CPR, 1461–1468. P. 26.

²⁶ CPR, 1476–1485. P. 251.

Окончание таблицы III

	Имя	Происхождение	Клирик/мирянин	Должность в хаусхолде
12	Филд, Ричард (?–29.01.1482)	Англичанин	?	Хирург Эдуарда (когда он еще был графом Марча). Королевский хирург Эдуарда IV (1463–1475)
13	Фриз, Джеймс (?–1488)	Из Фризии, натурализован (1473)	Мириянин. Дважды женат	Королевский врач Эдуарда IV (1461–1483). Королевский врач Эдуарда V (1483). Королевский врач Ричарда III (1483–1485)
14	Хаттклифф, Уильям (ок. 1430–1480)	Ирландец	Мириянин. Дважды женат	Королевский врач Генриха VI (1454). Королевский врач Эдуарда IV (1461). Королевский секретарь Эдуарда IV (1466–1480)
15	Элбон, Эдмунд (?–04.10.1485)	Англичанин	Клирик	Королевский врач Эдуарда IV (1479)
16	Элсти, Ричард (?–1475/6)	Англичанин	?	Королевский хирург Эдуарда IV

Кроме вышеперечисленных персонажей стоит упомянуть о двух служащих кладовой специй Годфруа Море и Николасе Спайсере. Однако из источников не ясно, выполняли ли они функции поставщиков ингредиентов для лекарств.

В то же время в связи с походом 1475 г. число хирургов временно существенно увеличилось, что, несомненно, связано с их практическими навыками, которые, впрочем, не понадобились во время данного похода, так как сражений не было. В таблице IV мы привели всех, нанятых на службу во время этого похода, включая одного королевского врача (Д. Фриза) и трех ординарных хирургов (Гоббса, Филда, Элсти (выделены в таблице жирным шрифтом)), так как они за поход получили дополнительное довольствие, независящее от постоянного. При этом данные слуги подразделялись на две категории, те, кто получал 6 пенни (*d*) в день и тех, кто получал в два раза больше — 12 пенни.

Возникает вопрос: каков был отбор на королевскую службу, как и из кого выбирался будущий медицинский персонал королевского хаусхолда? Поиском имен и биографий врачей XV века занимались историки

Таблица IV

Дополнительный наем медперсонала для экспедиции 1475 г.²⁷

	Имя	Происхождение	Оплата	Должность в хаусхолде
1	Бригмор, Ричард	Англичанин	12 d	Цирюльник во время похода
2	Гоббс, Уильям + 1 слуга	Англичанин	12 d	Хирург и цирюльник во время похода
3	Денис, Джон	Англичанин	6 d	Цирюльник во время похода
4	Коллард, Томас (?–1481)	Англичанин	12 d	Цирюльник во время похода
5	Коул, Симон	Англичанин	12 d	Цирюльник во время похода
6	Кук, Уильям	Англичанин	6 d	Цирюльник во время похода
7	Лиделл, Александр	Англичанин	6 d	Цирюльник во время похода
8	Смит, Джон	Англичанин	12 d	Цирюльник во время похода
9	Смитс, Ричард	Англичанин	6 d	Цирюльник во время похода
10	Станли, Джон	Англичанин	6 d	Цирюльник во время похода
11	Филд, Ричард	Англичанин	12 d	Цирюльник во время похода
12	Фриз, Джеймс + 2 слуг	Из Фризии	24 d	Королевский врач Эдуарда IV во время похода
13	Чамбер, Ричард (?–1503)	Англичанин	12 d	Цирюльник во время похода
14	Элсти, Ричард	Англичанин	12 d	Цирюльник во время похода

К. Талбот и Э. Хаммонд, составившие биографический справочник, а также Р. Готфрид, проведший анализ этих данных²⁸. За 1451–1480 гг. в источниках упомянуто 425 врачей²⁹, практиковавших в Англии. Хотя, конечно, не обо всех лекарях есть сведения. Учитывая, что при Эдуарде служило 16 человек, можно сделать предположение, что на королевскую службу выбирались «лучшие из лучших», при этом двое врачей (Ричард Филд и Уильям Гоббс) были в хаусхолде Эдуарда до его прихода на престол, двое слуг (Уильям Годфри и Уильям Хаттклифф) служили предыдущему королю Генриху VI.

²⁷ Foedera. conventiones, litterae, et cujuscunque generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates / Ed. T. Rymer. Hagae, 1707–1745. Vol. 11. P. 848; Grose F. Military antiquities respecting a history of the English army, from the conquest to the present time. Vol. 1. L., 1801. P. 239–240.

²⁸ Talbot C. H., Hammond E. A. The Medical Practitioners in Medieval England: a Biographical Register. L, 1965; Gottfried R.S. Doctors and Medicine in Medieval England...

²⁹ Gottfried R. S. English Medical Practitioners, 1340–1530 // Bulletin of the History of Medicine. 1984. Vol. 58. N 2. P. 170.

Лишь об одном персонаже у нас нет никаких сведений, кроме имени (мастер Герард), что же касается остальных, то частично удалось реконструировать их биографии.

Семь слуг из шестнадцати получили образования в университетах как английских (Оксфорде и Кембридже³⁰, причем предпочтение отдавалось людям из последнего университета), так и на континенте (в Падуанском университете, медицинский факультет которого славился на всю Европу), все они представлены в таблице V. Если сравнивать соотношение медперсонала с общим количеством слуг хаусхолда Эдуарда IV, обучавшихся в университетах, то их насчитывается практически половина (7 из 16).

Таблица V

Обучавшие в университетах слуги медицинского штата

	Имя	Университет	Степени
1	Аргентьен, Джон	Кембридж Падуа	BA, 1461–1462 MA, 1465–1466
2	Беммеслей, Томас	Оксфорд	
3	Гоббс, Уильям	Оксфорд, Кембридж	BM, 1459 MD, 1462
4	Годфри, Уильям		
5	Герард		
6	Клерк, Джон		
7	Маршалл, Роджер	Кембридж	MA MD, 1437–1438
8	Мичелл, Джон		
9	Мортон, Джон		
10	Серего, Доминик		
11	Уорд, Томас		
12	Филд, Ричард		
13	Фриз, Джеймс	Кембридж	MD, 1461
14	Хатклифф, Уильям	Кембридж Падуа (1447)	MM, Королевский колледж, 1440–1441 MA, колледж Питерхаус, 1439
15	Элбон, Эдмунд	Кембридж	BA, 1465–1466
16	Элсти, Ричард		

Как видно из данных, представленных в таблице, не все сведения о степенях сохранились. Степени доктор медицины (*Medicinæ Doctor* — MD или DM — в источниках встречаются разные сокращения) имели Д. Фриз,

³⁰ Bullough V.L. 1) The Mediaeval Medical School at Cambridge // Mediaeval Studies. 1962. Vol. 24. P. 161–168; 2) Medical Study at Mediaeval Oxford // Speculum. 1961. Vol. 36. N 4. P. 600–612.

У. Гоббс, Р. Маршалл. Некоторые имели степени бакалавров (BA — бакалавр гуманитарных наук, BM — бакалавр медицины) и мастеров искусств (*Master of Arts, MA*). Остальные проходили школу в различных объединениях хирургов и аптекарей. Некоторые, как например У. Гоббс, были сыновьями известных в сфере медицины людей.

Большинство из медицинского персонала хаусхолда были светские люди, клириками числились лишь двое (около 12 %). Р. Готфрид объясняет малый процент клириков-врачей общей картиной в обществе, где все большее значение стал иметь контингент врачей без университетского образования, то есть хирургов-цирюльников³¹. Кроме того, существовала тенденция при дворе Эдуарда, согласно которой доля клира была невысока (менее 10 %)³².

Четырнадцать из шестнадцати персонажей были уроженцами Британии, лишь Доминик Серего прибыл из Италии, а Джеймс Фриз из Фризии (ныне область Нидерландов). Фриз впоследствии был натурализован королевскими актами как Эдуарда IV, так и Ричарда III³³. По мнению некоторых историков, число иностранных врачей в Англии значительно снизилось после 1360 г. из-за своего рода недоверия к таким образованным врачам, не сумевшим справиться с эпидемиями чумы. Однако это не совсем верно, известно о большом количестве иностранных специалистов в хаусхолде Генриха IV (1399–1413) и Генриха VI (1422–1461). Что касается двора Эдуарда IV, то в нем в принципе было не так много иностранцев в противовес двору Генриха VI, за что последний был порицаем английским обществом. Кроме того, отличительной особенностью так называемых «иностранцев» врачей при дворе Эдуарда IV было то, что они не были приглашены в Англию с континента, являясь уже ведущими специалистами, а задолго до этого приехали и обучались в английских университетах — как, например, Джеймс Фриз в Кембридже.

Как уже упоминалось выше в таблице I медицинский персонал королевского хаусхолда имел широкий спектр обязанностей — наблюдение за здоровьем, покупка необходимых лекарств и ингредиентов для их создания, поддержка санитарных норм, в особенности в королевской спальне и гардеробе³⁴. Королевский врач и его помощники обязаны были следить не только за здоровьем короля и его семьи (хотя в хаусхолдах королевы

³¹ Gottfried R. S. English Medical Practitioners... P.176

³² Бакалдина Е. В. Английский королевский двор при Эдуарде IV... С. 130.

³³ CPR, 1467–1477. P.396. Натурализация слуг хаусхолда не была редкостью в Англии. См. ст.: Parry C. British Nationality Law and the history of Naturalisation // V della raccolta "Comunicazione e studi" dell'istituto di diritto internazionale e straniero della universita di Milano. Milan. Giuffre. 1954. P. 3–106.

³⁴ BB. § 39. P. 118.

и наследника тоже числились врачи, порою это были одни и те же лица, например, Доминик Серего был одновременно врачом хаусхолдов короля и королевы), но и за всем персоналом всего хаусхолда. В регламенте «Черная книга» существовало положение, согласно которому, если кто-нибудь из слуг заболел, даже такими тяжелыми болезнями как чума и проказа³⁵, его не увольняли, а обеспечивали уход и лечение. К сожалению, в источниках нет информации об использовании на практике этого положения. Кроме того, даже во время болезни слуга должен был получать довольствия³⁶.

В добавление к этим обязанностям королевский врач обязан был следить за тем, что ел и пил монарх, иногда также делать астрологические таблицы или гороскопы, как Роджер Маршал создавал для Эдуарда IV³⁷. Кроме того, в служебные обязанности цирюльника, помимо прихода каждую субботу для банных процедур короля, входила помощь хирургу или даже его замена в случае отсутствия последнего.

Говоря об обязанностях королевских врачей, стоит упомянуть диагностику болезней, причем это касалось не только членов хаусхолда. Так например, в 1468 г. У. Хаттклифф, Д. Серего и Р. Маршалл обследовали Джоан Нитингейл из Эссекса на наличие проказы³⁸.

Все представленные в таблице III лица прослужили в хаусхолде Эдуарда IV в течение долгого времени, что, несомненно, говорит, о доверии, которое к ним испытывал король. Более того, их профессионализм был оценен не только данным королем и его братом Ричардом III, но и королями предыдущей династии Ланкастеров. В то же время лишь один из врачей Эдуарда IV был включен в хаусхолд представителей династии Тюдоров — Джон Аргентьен стал врачом принца Уэльского Артура: не исключено, что его назначение было благодарностью за роль, сыгранную в появлении слухов об убийстве сыновей Эдуарда Ричардом III.

Медицинский персонал, впрочем, как и большинство слуг хаусхолда назначалось практически всегда пожизненно (*for life*), лишь в случае найма хирургов в 1475 г. оговаривался срок службы — на время кампании. Причем создается впечатление, что демонстративные документированные увольнения не практиковались, и отставка происходила «по умолчанию», то есть в очередном документе с имен перечнем слуг хаусхолда некоторые лица просто не упоминались. После смерти Эдуарда три его врача остались на службе сначала у его сына Эдуарда V, а после решения парламента

о незаконном его рождении у брата Ричарда III (У. Гоббс, Д. Фриз и Т. Беммеслей). После гибели Ричарда в 1485 г. также есть упоминания о некоторых из медперсонала Эдуарда. К примеру, У. Гоббс до конца своей жизни остался верен Йоркским королям и в своем завещании просил выбить на надгробной плите надпись «Здесь лежит Уильям Гоббс, бывший врачом и хирургом самого выдающегося господина, герцога Йоркского, а также его сыновей самых выдающихся королей Эдуарда IV и Ричарда III...»³⁹. Подобная верность этим королям сказалась отрицательным образом на Джеймсе Фризе, владения которого новый король из династии Тюдоров отдал своему верному стороннику⁴⁰.

В то же время встречались случаи, когда профессионализм врача не только не учитывался при сменах династии, но даже жизни медиков угрожала опасность. Так, в 1470–1471 гг., во время кратковременной реставрации на английском троне Генриха VI, один из врачей Эдуарда Уильям Хаттклифф был схвачен, обвинен в измене (раньше он служил самому Генриху) и приговорен к смертной казни, и лишь возвращение в Англию Эдуарда спасло ему жизнь. Это было уже второе спасение Хаттклиффа — в 1461 г. Эдуард выкупил того у пиратов, захвативших его, когда тот плыл на корабле в Ирландию⁴¹. Однако не весь контингент медицинского персонала пользовался безапелляционным доверием правящего монарха — не все могли беспрепятственно проходить в королевскую палату. В источниках сказано, что врач и хирург имели права там находится, а цирюльника вызывали лишь по необходимости «каждую субботу перед сном, если того желал король цирюльник приходил к королю, чтобы помыть его голову, ноги и ступни...»⁴². В то же время аптекарь не имел права доступа к королевским апартаментам, хотя его помощник йомен из кастелянной мог проходить туда для контроля за санитарией в гардеробе и покоях. Такая регламентация выглядит немного странно: слуга имел доступ в королевскую палату, а его начальник нет.

Денежное довольствие медперсонала было значительным, особенно у королевских врачей, и выплачивалось оно из Счетной палаты хаусхолда (*office of Countynghouse*). Кроме этого, слуги получали материальные довольствия — одежду, еду, средства обогрева, солому для пола, свечи. Все эти сведения были прописаны в регламенте, причем нормы дифференци-

³⁹ «Hic jacet Willelmus Hobbes quondam medicus et Sirurgicus Illustrissimi domini ducis Eboracensis ac filiorum suorum regum illustrissimum Edwardi iiii ti et Ricardi tercii...». Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London 1258–1688/ ed. R. R. Sharpe. L., 1899–90. Vol. 2. P. 591.

⁴⁰ CPR, 1489–1494. P. 22.

⁴¹ Talbot C. H., Hammond E. A. The Medical Practitioners in Medieval England... P. 398.

⁴² BB. § 47. P. 126.

³⁵ Ibid. § 44. P. 124.

³⁶ The Draft O 1478. § 10. P. 204.

³⁷ Hughes J. Arthurian myths and alchemy... P. 269.

³⁸ CCR, 1468–1476. P. 30.

рованы соответственно иерархии чинов. В то же время подобные регламентации не исключали возможности задержки довольствий. Известно, что Доминику Серего на протяжении четырех лет задерживали выплаты, в результате чего в 1475 г. он добился выплаты сразу 100 фунтов⁴³.

В то же время другие расходы медиков, такие как на инструменты для цирюльника⁴⁴, на медикаменты и ингредиенты для лекарств⁴⁵ оплачивались из казны королевской палаты, называемой сокровищницей королевской палаты (*office of Jewelhouse*). Купившие отчитывались за такие приобретения как перед своим непосредственным начальником — лорд-камергером, так и перед казначеем хаусхолда. В то же время ингредиенты, купленные слугами департамента специй, оплачивались из Счетной палаты⁴⁶.

Для увеличения доходов самих слуг и для уменьшения расходов хаусхолда некоторые лица медицинского персонала совмещали несколько должностей. Так, например, Уильям Хаттклифф часто включался в состав дипломатических миссий, и в 1466 г. даже стал государственным секретарем (*king's secretary*). Или иногда йомен хирург мог быть одним из йоменов Королевской палаты⁴⁷: вероятно, считалось, что у него могло быть немного работы.

Многие из слуг получали дополнительные должности в провинции, что служило им дополнительным приработком и отвечало королевским запросам о проведении политики монарха в графствах⁴⁸. Например, Эдмунд Элбон, королевский врач, получил пребенду в капелле Солворп в Вустершире⁴⁹ или Уильям Хаттклифф, королевский врач и секретарь, был назначен на пост контролера таможи в Ипсвиче⁵⁰. При походе герцога Ричарда Глостера на шотландцев в 1482 г. Эдуард IV направил к нему в армию У. Гоббса во главе команды из восьми хирургов⁵¹. Также в сборах этого похода участвовал и аптекарь королевского двора Джон Клерк, ведавший закупкой медикаментов⁵².

Таким образом, положение медицинского персонала было двойственным. С одной стороны, они выполняли свои профессиональные обязан-

ности в соответствии с выплачиваемыми довольствиями, а с другой были агентами короля — проводниками королевской политики.

В целом, положение медицинских работников было престижным благодаря довольствиям, дополнительным выплатам, дарованиям земли, привилегиям и протекции. Также врачи принимали непосредственное участие в политической жизни двора, присоединяясь к определенным фракциям, в частности вышеупомянутый случай с Джоном Аргентьеном.

Кроме того, медицинские работники могли делать карьеру вне двора, что тоже приносило неплохой доход. Многие из них входили в корпоративные сообщества (*London Barbers' company*, *Company of Barber Surgeons*, *Fellowship of Surgeon* (осн. 1368–1369 гг.), *College of Medicine* (1423) и т. д.). Иногда состояли даже в нескольких организациях одновременно, как например У. Гоббс. Аптекари даже во время придворной службы открывали магазины, в том числе в престижных местах — Лондоне и Вестминстере, в которых продавали лекарства и проводили различные консультации⁵³.

При этом медицинский персонал не довольствовался только торговой сферой, известно о научной деятельности некоторых врачей. Среди медперсонала Эдуарда IV был лишь один врач — Роджер Маршалл, эпистолярное наследие которого сохранилось. Одна из его работ *Lanterne of fisiciens and of surgeons*, хранится в Нью-Йоркской академической медицинской библиотеке (*New York Academy of Medicine Library*)⁵⁴. Многие хирурги (Р. Элсти, Т. Коллард) имели значительные библиотеки медицинских книг, которые передали согласно своим завещаниям в свои гильдии⁵⁵.

В заключении к вышесказанному нужно добавить, что представители медицинского персонала хаусхолда имели достаточно высокий социальный статус, например, королевский врач приравнивался к королевскому оруженосцу, хирурги и цирюльник — к камергеру (*gentlemen*), йомен хирург и аптекари — к йоменам. А Джеймс Фриз был даже удостоен посвящения в рыцари⁵⁶. Также королевский врач и хирурги имели права держать при себе слуг, пребывание которых в хаусхолде оплачивалось из Счетной палаты. И если говорить словами известного английского историка медицины Р. С. Готфрида, «служение при королевском дворе — это самое лучшее, что могло случиться с врачами»⁵⁷.

⁵³ Gottfried R.S. Doctors and Medicine in Medieval England... P. 96.

⁵⁴ Talbot C. H., Hammond E. A. The Medical Practitioners in Medieval England... P. 315.

⁵⁵ Rawcliffe C. Medicine and Society in Later Medieval England. Alan Sutton, 1995. P. 130.

⁵⁶ В 1467 г. он стал одним из «бедных рыцарей» (*poor knight*) в Королевском коллежде при капелле Святого Георга. См.: CPR, 1467–1477. P. 50.

⁵⁷ Gottfried R. S. Doctors and Medicine in Medieval England... P. 91.

⁴³ Rawcliffe C. Medicine and Society in Later Medieval England. Alan Sutton, 1995. P. 111.

⁴⁴ BB. § 47. P. 126.

⁴⁵ Ibid. § 44. P. 124; § 46. P. 125.

⁴⁶ Ibid. § 88. P. 186.

⁴⁷ Ibid. § 45. P. 124.

⁴⁸ Бакалдина Е. В. Английский королевский двор при Эдуарде IV... С. 101.

⁴⁹ CPR, 1477–1485. P. 163.

⁵⁰ CPR, 1461–1467. P. 189.

⁵¹ Talbot C. H., Hammond E. A. The Medical Practitioners in Medieval England... P. 401–402.

⁵² Rawcliffe C. Consultants, careerists and conspirators... P. 251.

Информация о статье:

Доклад на Второй Международной научной конференции «Британия: история, культура, образование. 24–25 сентября 2012 г. Ярославль, Россия

Автор: Бакалдина Елена Вячеславовна, кандидат исторических наук, Музей-институт семьи Рерихов, Санкт-Петербург, elenabakaldina@gmail.com

Заголовок: Медицинский персонал в хаусхолде короля Англии Эдуарда IV (1461–1483)

Резюме: Медицинский персонал хаусхолда английского короля состоял из врача, хирурга, аптекаря, цирюльника, йомена хирурга, йоменов и грумов. Согласно регламенту «Черная книга хаусхолда Эдуарда IV» (ок. 1472), все они подчинялись лорду камергеру и номинально были включены в штат департамента *Domus Magnificencia*. Многие из этих слуг получили хорошее образование, они обучались в университетах Англии (Кембридже и Оксфорде), а также в университете Падуи, медицинский факультет которого славился на всю Европу.

Денежные довольствия слугам выплачивались из Счетной палаты. Кроме того, медперсонал получал одежду для зимы и для лета, свечи, еду и т. д. Все остальные расходы, такие как на инструменты для цирюльника, лекарства и ингредиенты для лекарств оплачивались из сокровищницы Королевской палаты.

Весь медицинский персонал служил при дворе короля в течение длительного времени и пользовался полным доверием Эдуарда IV. Некоторые из должностных лиц смогли удержаться на службе даже при королях из разных династий. Само положение слуг было двойственным. С одной стороны, они осуществляли свои профессиональные обязанности в соответствии с выплачиваемыми пособиями, а с другой стороны, могли быть использованы в качестве агентов для продвижения интересов короля в графствах. В общем, положение врачей при королевском дворе было престижно из-за денежных и материальных пособий, особых привилегий и протекции короля. Кроме того, эти слуги обладали высоким социальным статусом: например, врачи приравнивались к королевским оруженосцам, хирургии и цирюльниками — к джентльменам, аптекари — к йоменам.

Ключевые слова: Медицина, хаусхолд, Эдуард IV, Англия, Средние века

Список литературы:

Bullough, Vern L. Medical Study at Mediaeval Oxford // *Speculum*. 1961. Vol. 36. № 4. P. 600–612.

Bullough, Vern L. The Mediaeval Medical School at Cambridge // *Mediaeval Studies*. 1962. Vol. 24. P. 161–168.

Dyer, Christopher C. Standards of living in the later Middle Ages. Social change in England, c. 1200–1520. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 297 p.

Gottfried, Robert Steven. Doctors and Medicine in Medieval England, 1340–1530. New-York: Princeton, 1986. 359 p.

Gottfried, Robert Steven. English Medical Practitioners, 1340–1530 // *Bulletin of the History of Medicine*. 1984. Vol. 58. N 2. P. 164–182.

Grose, Francis. Military antiquities respecting a history of the English army, from the conquest to the present time. Vol. 1. London, 1801. 426 p.

Hughes, Johathan. Arthurian myths and alchemy: the kingship of Edward IV. Stroud, 2002. 354 p.

Hughes, Johathan. Edward IV and the alchemists // *History Today*. 2002. Vol. 52. N 8. P. 10–17.

Hughes, Johathan. Politics and the Occult at the Court of Edward IV. // *Princes and Princely Culture, 1450–1650*. Vol. II / ed. by M. Gosman, A. MacDonald, A. Vanderjagt. Leiden, Boston: Brill, 2005. P. 97–217.

Matthews, Leslie G., *The Royal Apothecaries*. London, 1967. 191 p.

Parry, Clive. British Nationality Law and the history of Naturalisation // V della raccolta “Comunicazione e studi” dell’istituto di diritto internazionale e straniero della universita di Milano. Milan. Giuffre. 1954. P. 3–106.

Rawcliffe, Carole. Consultants, careerists and conspirators: royal doctors in the time of Richard III // *The Ricardian*. 1989. Vol. 8. N 106. P. 250–258.

Rawcliffe, Carole. *Medicine and Society in Later Medieval England*. Stroud, 1995. 241 p.

Talbot, Charles Holwell, Hammond, Eugene Ashby. *The Medical Practitioners in Medieval England: a Biographical Register*. London, 1965. 503 p.

Trease, George Edward. The Spicers and Apothecaries of the Royal Household in the Reigns of Henry III, Edward I and Edward II // *Nottingham Medieval Studies*. 1959. Vol. 3. P. 19–52.

Бакалдина, Елена Вячеславовна. Английский королевский двор при Эдуарде IV. Институты, слуги, церемониал. Диссерт. на соис. ст. к.и.н. Санкт-Петербург, 2011. 337 с.

Information about the article:

Paper presented at the Second International Conference “Britain: history, culture, and education”. 24–25 September 2012. Yaroslavl, Russia

Author: Bakaldina Elena Vyacheslavovna, Ph. D. in History, Russia, Museum-institute of the Roerichs, St.-Petersburg, elenabakaldina@gmail.com

Title: The Medical Practitioners in the Household of the King of England Edward IV (1461–1483)

Summary: Court medical practitioners of English king’s household consisted of a physician, a surgeon, an apothecary, a barber, a yeoman surgeon, yeomen, and a groom. All of them were submitted to the Lord Chamberlain and nominally included in *Domus Magnificencia* of the king’s household according to the reglement «Black Book of the household of Edward IV» (c. 1472). Many of the servants had got good education; they studied at the Universities of England (Cambridge and Oxford), and also at the University of Padua which medical faculty was acknowledge by all Europe.

An allowance was paid for the medical staff from the office of Counting house. Besides, the servants received the clothes for winter and for summer, and the things like candles and food. However, all other expenses, such as the tools for a barber, the medicines, and the ingredients for drug were taken from the treasury of the royal chamber.

All medical practitioners served at king’s court for a long time and enjoyed Edward IV’s confidence doubtlessly. Besides, some of these physicians kept their

household's posts throughout the reigns of several kings from different dynasties. So, the position of medical staff was ambivalent. On the one side, they exercised their professional duties in accordance with the allowances and on the other side they could be used as agents in promoting interests of the king. In general, the position of the physicians at the royal court was prestigious due to monetary and material allowances, special privileges and protection. In addition, these officials had high social status, for example, doctors were regarded as squires of the king, surgeons and barber as gentlemen, yeomen-surgeon and grooms-apothecaries as yeomen.

Keywords: medicine, household, England, Edward IV, Middle ages

References:

- Bullough, Vern L. Medical Study at Mediaeval Oxford, in *Speculum*. 1961. Vol. 36. N 4. P. 600–612.
- Bullough, Vern L. The Mediaeval Medical School at Cambridge, in *Mediaeval Studies*. 1962. Vol. 24. P. 161–168;
- Dyer, Christopher C. *Standards of living in the later Middle Ages. Social change in England, c. 1200–1520*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 297 p.
- Gottfried, Robert Steven. *Doctors and Medicine in Medieval England, 1340–1530*. New-York: Princeton, 1986. 359 p.
- Gottfried, Robert Steven. English Medical Practitioners, 1340–1530, in *Bulletin of the History of Medicine*. 1984. Vol. 58. N 2. P. 164–182.
- Grose, Francis. *Military antiquities respecting a history of the English army, from the conquest to the present time*. Vol. 1. London, 1801. 426 p.
- Hughes, Johathan. *Arthurian myths and alchemy: the kingship of Edward IV*. Stroud, 2002. 354 p.
- Hughes, Johathan. Edward IV and the alchemists, in *History Today*. 2002. Vol. 52. N 8. P. 10–17.
- Hughes, Johathan. Politics and the Occult at the Court of Edward IV, in *Princes and Princely Culture, 1450–1650. Vol. II / ed. by M. Gosman, A. MacDonald, A. Vanderjagt*. Leiden, Boston: Brill, 2005. P. 97–217.
- Matthews, Leslie G., *The Royal Apothecaries*. London, 1967. 191 p.
- Parry, Clive. British Nationality Law and the history of Naturalisation, in *V della raccolta "Comunicazione e studi" dell'istituto di diritto internazionale e straniero della universita di Milano*. Milan: Giuffre. 1954. P. 3–106.
- Rawcliffe, Carole. Consultants, careerists and conspirators: royal doctors in the time of Richard III, in *The Ricardian*. 1989. Vol. 8. N 106. P. 250–258.
- Rawcliffe, Carole. *Medicine and Society in Later Medieval England*. Stroud, 1995. 241 p.
- Talbot, Charles Holwell, Hammond, Eugene Ashby. *The Medical Practitioners in Medieval England: a Biographical Register*. London, 1965. 503 p.
- Trease, George Edward. The Spicers and Apothecaries of the Royal Household in the Reigns of Henry III, Edward I and Edward II, in *Nottingham Medieval Studies*. 1959. Vol. 3. P. 19–52.
- Bakaldina, Elena Vyacheslavovna. *Angliyskiy korolevskiy dvor pri Eduarde IV*. Instituty, slugy, tseremonial. Dissert. Na sous.ct. k.i.n., Sankt-Peterburg, 2011. 337 s.

УДК 94(44)015, 94(44)017; ББК 63, 63.2, 63.3(0)4, 63.3(0)4 (4Фра)

Д. Н. Старостин

КАРОЛИНГСКАЯ АКВИТАНИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ АДЕМАРА ШАБАННСКОГО (ок. 989–1034)

Исследование раннего Средневековья на современном этапе, как правило, осложняется ограниченным количеством источников, большинство из которых уже удостоились обстоятельного исследования и событийная канва истории франкского королевства была установлена раз и навсегда¹. В период господства в исторической науке методов классического позитивизма, развитого Л. фон Ранке и его учениками, одним из важнейших критериев достоверности источника стала его хронологическая близость к описываемым событиям. Таким образом, историки XIX в. отдавали приоритет источникам, которые были написаны современниками событий или теми авторами, кто получал информацию из первых рук.

Однако когда задача установления основных исторических событий меровингской и каролингской истории к началу XX в. была решена, перед исследователями, обращавшимися к истории королевства франков, возникли другие проблемы, связанные с использованием источников. Стремление к установлению четкой событийной канвы привело к тому, что за пределами исследований остался ряд источников, которые историки-позитивисты считали поздними компиляциями, несущими мало оригинальной информации. Жертвой подобного отношения стала, в том числе, «Хроника» Адемара Шабаннского, историка из Ангулема, составленная во второй четверти XI в.² Адемар родился в 989 г. в местечке Шабан, недалеко

¹ Böhmer J. F., Mühlbacher E. Die Regesten der Kaiserreiche unter den Karolingern (751–918). Wien, 1889.

² *Ademari Cabanensis Chronicon* / Ed. P. Bourgain. Turnhout: Brepols, 1999. P. LXV. (Corpus christianorum continuatio medievalis. T. 129.) (В дальнейшем ссылки на это издание будут указывать только номер книги и главы.)

от Рансона, а ушел из жизни в 1034 г.³ Его семья принадлежала к местной знати⁴. Проблема использования сочинения Адемара связана с тем, что когда была выявлена полная редакция его «Хроники», то оказалось, что две первые книги из трех, а также первые пятнадцать глав третьей книги были полностью компилятивными⁵. Для их написания Адемар привлек «Хронику» Фредегара, Лоршские анналы и ряд других раннесредневековых хроник⁶. Однако «Хроника» Адемара безусловно заслуживает внимания⁷. Попробуем выдвинуть гипотезу, что у ангулемского историка существовало свое видение событий франкской истории V–IX вв., описание которых он компилировал из доступных для него источников. Свою точку зрения Адемар доносил до читателя путем тонкой расстановки акцентов и организации материала. Поскольку основные события каролингской истории в «Хронике» в целом переданы в соответствии с источниками, использовавшимися Адемаром, то особое внимание стоит обратить на образ Аквитании как части королевства франков, созданный историком из Ангулема. Именно при исследовании взгляда Адемара на события из истории франкского королевства, имевшие отношение к региональной истории Аквитании, можно увидеть разночтения между стандартными историями каролингской эпохи и точкой зрения историка X–XI вв.

Наши представления об истории европейских регионов в IX–XI вв. складываются, как правило, на основе фрагментарных сведений о военных походах правителей, князей и графов, а также об основаниях монастырей и епископств. Для того, чтобы проследить изменения в образе власти, историкам приходится ограничиваться отрывочной информацией и при этом часто делать догадки относительно значения тех или иных событий. История Аквитании в данном контексте представляет собой интересный пример, потому что в прошлом этого региона переплелись и общие процессы, характерные для всей Европы, и специфически региональные черты. Аквитания сочетала в своей истории особенности как реального политического образования, так и воображаемого, не получившего окончательного территориального оформления, региона. В меровингскую

³ В письме, написанном в 1029 г., Адемар пишет о себе как о человеке сорока лет. *Patrologia Latina* / Ed. J.-P. Migne. T. 141. Col. 89.

⁴ *Levillain L.* Ademar de Chabannes, généalogiste // *Bulletin de la société des antiquaires de l'ouest*. 1934. 3 serie. V. 10. P. 237–263. *Ademar*, III, 25.

⁵ *Bourgain P.* Un nouveau manuscrit du texte tronqué de la Chronique d'Adhémar de Chabannes // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 1985. Vol. 143. No. 1. P. 153–159.

⁶ *Bourgain P.* Introduction // *Ademari Cabanensis Chronicon* / Ed. P. Bourgain. Turnhout, 1999. P. LXV. (*Corpus christianorum continuatio medievalis*, T. 129.)

⁷ О существовании своего мнения у Адемара см. *Pon G.* Introduction // *Ademar de Chabannes. Chronique* / Ed. G. Pon. Paris, 2005. P. 43–46.

эпоху ее границы не были точно определены, однако к VII в. возникло представление об исторической цельности этой области. Своего рода столицей Аквитании в это время был г. Тулуза. Данное обстоятельство говорит о том, что меровингские правители попытались поддержать политическую традицию тулузского королевства визиготов. В частности, в правление короля Дагоберта Аквитанию взял под свою власть его младший брат Хариберт. Историки отмечают, что хотя в VII в. этот регион имел собственный суверенитет, меровингские правители тем не менее видели его глубокую связь с франкским королевством. Так Хариберт постоянно обращался к своему старшему брату за помощью, если ему нужны были военные отряды для защиты от народов, проживающих на границе с Пиренеями. Однако после смерти Дагоберта I последовал новый раздел, в рамках которого Аквитания потеряла свою независимость. Франкское королевство было поделено на три части, Нейстрию, Бургундию и Австразию, и Аквитания по умолчанию стала частью первой. Тем не менее поддержание местных традиций власти продолжалось до тех пор, пока были живы сыновья Хариберта, т. е. до 670-х гг.⁸

Несмотря на то, что Адемар в I и II книгах многое скопировал из раннесредневековых исторических сочинений, в них также можно обнаружить отдельные оригинальные фрагменты, анализ которых показывает, что Адемар выделял в истории Аквитании события, тесно связывавшие ее с историей Меровингской династии. В частности, он пишет, что в 507 г. Хлодвиг назначил своего духовника по имени Аптомус епископом Ангулема⁹. Это является фактической неточностью, потому что священник с таким именем появляется только в актах Орлеанского собора 548 или 568 г.¹⁰ В данном случае Адемар искажил факты, чтобы утвердить читателя во мнении, что епископ Ангулема был, во-первых, духовным отцом первого франкского короля, а во-вторых, был назначен самим Хлодвигом. Ясно, что такое изложение событий давало епископской кафедре этого города существенные преимущества и особое место среди городов франкского королевства. В этом историк XI в. значительно отличался от

⁸ *Fredegar. Lib. IV. Cap. 57* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum merovingicarum. Tomus 2.* Hannover, 1888. P. 149. *Soulignac A.* Les ducs d'Aquitaine. Limoges, 1874. P. 47–48. *Wood I.* The Merovingian kingdoms, 450–751. London, 1994. P. 146, 148, 151.

⁹ *Ademar. I*, 16.

¹⁰ В подлиннике к решениям соборов находится признание Аптомуса, диакона и затворника, в качестве священника, подписанное св. Сибардом. *Pon G.* introduction // *Ademar de Chabannes. Chronique* / Ed. Pascale Bourgain, Georges Pon. Paris, 2005. P. 19. N 77. *Martiniere J. de la.* Saint Cybard. Etude critique d'hagiographie, VI–XII s. // *Bulletins et memoires de la société archéologique et historique de la Charente. Memoires et documents*. 1906–1907. P. 1–292. P. 3–6, 201.

Григория Турского, который крайне отрицательно относился к назначениям епископов королями и подчеркивал, что их пребывание в качестве прелатов всегда заканчивалось плохо. Но для Адемара назначение епископа Ангулема первым королем франков делало эту епископскую кафедру одной из важнейших во франкском королевстве.

В своей «Хронике» Адемар создает еще одну связь между франкской королевской династией и Ангулемом, которую сложно подтвердить фактически. Он пишет, что в тот год, когда Хлодвиг женился, родился св. Сибард, отцом которого был граф Перигора Феликс¹¹. В терминах средневекового христианского миропонимания это сообщение имело значительный смысл, потому что таким образом выстраивалась тесная связь между св. Сибардом и Хлодвигом, а епископская кафедра Ангулема получала особое, духовное родство с первой франкской королевской династией. Эти два эпизода, внесенные Адемаром в переписанный им текст *Liber historiae francorum*, говорят о том, что он стремился найти в истории королевства франков основу для поднятия престижа епископской кафедры Ангулема в XI в.

В 781 г. Карл Великий предпринял попытку упрочить управление югом своего королевства, определив границы Аквитании и передав ее своему старшему сыну Людовику, будущему королю Людовику Благочестивому. Аквитания Карла Великого была задумана как южная пограничная часть королевства франков, которая должна была ограждать Север от Испании. Она простиралась от Роны на запад до побережья Атлантического океана, и включала в себя, кроме собственно Аквитании, также и Септимию. Историки по-разному оценивают это событие. Некоторые считают, что Карл Великий таким образом признал за Аквитанией самостоятельную значимость, и этот регион перестал существовать только в сознании местной знати и стал цельным властным образованием и одновременно частью королевства франков. Существует распространенное мнение, что к данным действиям короля франков подтолкнуло самосознание аквитанской элиты, которая воспринимала себя прежде всего как носителей давних традиций, а не как часть общезаконной организации¹². Однако есть и другие точки зрения на этот вопрос. В частности, предполагается, что решение выделить Аквитанию в отдельную область и расширить ее

¹¹ *Ademar*. I, 11. *Auzias L. L'Aquitaine carolingienne, 778–987*. Paris, 1937. P. 3–21. *Lauranson-Rosaz C. La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne: Début IXe siècle aux environs de 920* / Ed. Régine Le Jan. Lille: Centre Histoire Region Nord, 1998. P. 413.

¹² *Astronomus. Vita Hludovici*. Ch. 4. P. 609; *Chronicon Moissiacense* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. T. 1 / Ed. Heinrich Pertz. Hannover, 1826. P. 280–313. Anno 781. P. 297.

границы могло быть связано с желанием Карла Великого научить своего старшего сына практике управления большими регионами¹³.

После смерти Карла Великого капитулярый под названием *Ordinatio imperii* (817 г.) («Об устройстве империи») описал принципы раздела власти между Людовиком Благочестивым и его сыновьями¹⁴. Документ зафиксировал размеры и границы Аквитании. Она состояла из собственно исторической (готской) Аквитании со столицей в Тулузе, из Гаскони, графства Каркассон и трех графств между реками Луара и Саона — Невер, Отэн и Авалон. Но в рамках этого раздела Аквитания потеряла Септимию, которая была частью этой области по разделу 781 г., а также испанскую марку, т. е. Каталонию. Септимания была передана Лотарю, старшему сыну и соправителю Людовика Благочестивого, носившему имперский титул и бывшему королем Италии, которому принадлежал ряд ключевых областей в самом центре Европы (таких как средне-франкское королевство, т. е. будущая Лотарингия, и Бургундия). Таким образом, место Аквитании в системе власти франкского королевства изменилось. Если по разделу 784 г. ее функция состояла в первую очередь в том, чтобы быть пограничным регионом между франкским королевством и Испанией, то в 817 г. она разделила эти функции с Септиманией и в большей степени стала внутренней областью франкского королевства.

Взгляды современников на власть правителя Аквитании были весьма различны. Если верить историку Астроному, он обладал значительными полномочиями и воспринимался как король, обладавший всей полнотой власти. Поэт Эрмольд Нигер (т. е. Черный) считал, что Карл Великий поделил Францию так, чтобы все его сыновья получили равную долю, если бы Пипин и Карл Малый пережили его, а вот королевство Аквитанию подарил именно Людовику Благочестивому. Людовик по смерти отца получил все названные королевства. Интересно, что с точки зрения поэта, Людовик имел право как на часть Франции, так и на Аквитанию. При этом Аквитания рассматривалась Эрмольдом как состоящая из нескольких королевств¹⁵.

¹³ *Lewis A. R. The Development of Southern French and Catalan Society, 718–1050*. Austin, 1965. P. 51.

¹⁴ *Ordinatio imperii* // *MGH. Legum sectio II. Capitularia regum francorum*. T. I / Ed. A. Boretius. Hannover, 1883. P. 270–273. N 136.

¹⁵ *Ermoldus Nigellus. In honorem Hludowici christianissimi caesaris augusti exulis elegiaci carmen* // *MGH Poetae latini aevi carolini* / Ed. E. Dümmeler. Berlin, 1884. V. 2. P. 6. «Tempore francorum Caroli dum scepra vigeant, Quem celebrat totus orbis nohonore patrem, Francia dum latos sparsisset ubique fragores, Atque suum celebre nomen in orbe foret, Tum Carolus sapiens sceptrorum insignia proli Divisit, procerum conciliante choro: Scilicet aequivoco cessisset Francia sorte, successor tandem si valet esse patris; Italiae regnum Pippino cessit amato; At, Ludovice, tibi regna Aquitania dedit. Partibus aequatis crebrescit fama per orbem, Et Hludowicus ovans credita regna petit».

С другой стороны, обращение к грамотам показывает, что представления Эрмольда Нигера о самостоятельности королевства Аквитания были преувеличены. Ни при жизни Карла Великого, ни в первое десятилетие после его смерти, Людовик Благочестивый и его сын Пипин I (797–838) не обладали какой-либо автономией и не могли принимать самостоятельные решения. В частности, Карл Великий сам возглавлял походы на юг и принимал большинство административных решений в отношении назначения или смещения графов отдельных областей Аквитании¹⁶. При Людовике Благочестивом до 827 г. его сын Пипин был значительно ограничен в своих полномочиях в *Ordinatio imperii*¹⁷. Он обладал прерогативами использовать королевский фиск, он мог защищать Аквитанию военными средствами, а также осуществлять дарения и давать должности¹⁸. Однако он не был полноправным правителем, и Аквитания считалась частью владений императора Людовика Благочестивого. Более того, до 827 г. Пипин I не пользовался даже той властью, которая была для него оговорена. В частности, еще в 826 г. Людовик Благочестивый призвал в Аахен знать пограничного региона, *custodios limitibus Hispaniae*, что говорит о том, что именно император и король обладал всей полнотой власти на юге¹⁹.

Парадоксальным образом, это собрание знати свидетельствует, что еще в 826 г. император воспринимал юг Франции в терминах 781 г., а не в терминах 817 г. Он видел его как единый пограничный регион в духе Карла Великого. На самом деле, этот регион состоял из Аквитании, Септимании и испанской марки (Каталонии), т. е. на тот момент административное деление не отражало реальной ситуации. Таким образом, Аквитания Пепина I была образованием, соответствовавшим династическим целям, а не частью королевства, подчиненной единой военной или административной функции в рамках франкской системы власти. Напрашивается вывод, что в период правления Каролингов к Аквитании было двойственное отношение. С одной стороны, Карл Великий и Людовик Благочестивый видели необходимость восприятия юга Франции как единого региона, функция которого в рамках королевства франков состояла в защите его южных рубежей от сарацин. С другой стороны, Аквитания рассматрива-

лась ими как исторический регион, напоминавший о позднеримском и раннесредневековом территориальном делении Европы и отличавшимся определенным своеобразием. Владение Аквитанией давало возможность королевским сыновьям носить титул аквитанского короля, но что значил на тот момент этот титул? Можно предположить, что он имел сакральное значение, которое придавало его обладателю определенный ореол, но не предполагало независимой власти. Король Аквитании в каролингскую эпоху до Верденского раздела 843 г. был в первую очередь Каролингом и этот титул даровался ему ввиду его династической принадлежности, а не в силу обладания реальной властью благодаря поддержке местной знати. Примечательно, что императоры Карл Великий и Людовик Благочестивый стремились вести дела с южной и в особенности аквитанской знатью напрямую, оставляя своим сыновьям решение частных вопросов.

В период Верденского раздела династические интересы Каролингов перестали требовать сохранения Аквитании в качестве независимого региона, дававшего возможность носить титул короля одному из членов семьи. Дело в том, что интересы династии на этом этапе изменились. В частности, каролингские правители больше прониклись идеями *Divisio regnorum* 806 г., принятого по инициативе Карла Великого, и стали заботиться о территориальной целостности своих владений и об укоренении принципа прямого наследования от отца к сыну. Когда в 827 г. Пипин I (797–838), средний сын Людовика Благочестивого, начал издавать королевские грамоты от своего собственного имени, его конфликт с отцом и братьями начал разрастаться²⁰. Причина спора в королевской семье, однако, была не только в этом. У Людовика Благочестивого, кроме Пипина I, Лотаря (795–855) и Людовика (805–875), был еще сын от второго брака Карл (823–877). Поскольку младший Карл, в будущем прозванный Лысым, имел мало шансов на то, чтобы получить самостоятельное владение от своих старших братьев, Людовик Благочестивый озаботился тем, чтобы закрепить за ним западно-франкское королевство. О новой политике создания новых территориальных королевств свидетельствует тот факт, что после смерти своего сына Пипина I, правителя Аквитании, Людовик Благочестивый стал постепенно прибирать к рукам юг Франции, освободив его от влияния своих сыновей Людовика Немецкого (805–875) и Лотаря (795–855), королей восточно-франкского королевства и Лотарингии.

¹⁶ *Défourneaux M.* Charlemagne et la monarchie Asturienne // *Mélanges d'histoire du Moyen Age: dédiés à la mémoire de Louis Halphen* / ed. Ch.-E. Perrin. Paris, 1951. P. 179–184. *Lewis A. R.* The Development of Southern French and Catalan Society, 718–1050. Austin, 1965. P. 53. N 10.

¹⁷ *Ordinatio Imperii*. cap. 4–5, 7–8, 10, 12–16, 18 // *Capitularia regum francorum* / Ed. A. Boretius. Hannover. T. I. P. 270–274. *Ganshof F.* Observations sur l'Ordinatio Imperii de 817 // *Festschrift Guido Kisch*. Stuttgart. 1955. P. 24.

¹⁸ *Ordinatio Imperii*. Cap. 3, 7, 12 // *Capitularia regum francorum*. N 136. P. 274.

¹⁹ *Annales Regni Francorum* / Ed. G. Kurze. anno 826; *Astronomus. Vita Hludovici*. Cap. 40. P. 630.

²⁰ См. грамоту монастырю Лаграс (Lagrasse) 827 г., *Levillain, Leon*. Recueil des actes de Pépin I et II rois d'Aquitaine (814–848). Paris: Imprimerie nationale, 1926. N 23, и грамоту 828 г. монастырю Монтольё (Montolieu) *Cartulaire et archives des communes de l'ancien diocèse et de l'arrondissement de Carcassonne* / Ed. M. Mahul. I, 70.

Можно утверждать, что обращаясь к региональной истории Аквитании, Адемар искал в ней следы великих правителей королевства франков. В первой главе второй книги Адемар привел практически без изменений текст королевского диплома, даровавшего собственность и права монастырю Св. Сибарда. Хотя он и внес определенные изменения в текст, они не меняли самой сути диплома²¹. Однако главная неточность иллюстрирует, как важна была для монаха из Ангулема тесная связь Аквитании и великих правителей франкского королевства. Он приписал этот диплом, изданный в 852 г. Карлом Лысым, его деду Карлу Великому. Неправильная датировка показывает, что автор из Ангулема стремился тесно увязать историю монастыря Св. Сибарда с наиболее сильными правителями франкского королевства, являвшимися символами стабильности власти франков в Европе. Представляется, что Адемар выбрал Карла Великого как создателя королевства франков и пренебрег Карлом Лысым, образ и деяния которого он явно ценил меньше, чем деяния первого франкского императора.

Эта особенность исторического мировоззрения Адемара делает его видение истории королевства франков отличным от видения других историков. Например, в XII в. Гугон из Флэри, наоборот, начинал свою историю с событий, связанных с Карлом Лысым²². Для историка XII в. Карл Лысый был более удачным кандидатом для начала истории королевства франков, потому что он был первым королем западно-франкского королевства, будущей Франции, а не императором всего франкского королевства и Италии. Адемар, будучи ближе к каролингским событиям, чем Гугон из Флэри, с большим интересом и пиететом стремился привязать историю Аквитании и ангулемской церкви именно к королю и императору франков. Таким образом, Адемар еще жил в мире, в котором идея о создании общеевропейской империи на основе королевства франков, возникшая в правление Карла Великого и Людовика Благочестивого, играла основополагающую роль в восприятии как современности, так и истории.

Другой эпизод иллюстрирует стремление Адемара через обращение к франкской истории укрепить положение аквитанской церкви. В книге III, главе 16, он рассказывает о том, что в 830 г. император Людовик Благочестивый (778–840) проехал через Лимож, где посвятил новую церковь местному святому, Марциалу. Во время этого же визита, как считает Адемар, в эту церковь были перенесены и мощи святого. Известно, что Людовик

Благочестивый посещал Лимож, но это было в 832 г.²³ Но главная проблема с сообщением Адемара состоит не в этом. Современные историки считают, что помещение мощей св. Марциала не могло произойти в 830 г., потому что его церковь на тот момент была достаточно мала и крипта просто не вместила бы новое захоронение²⁴. Возможно, что Адемар выдал желаемое за действительное. Более того, далее он сам описывает историю лиможской церкви и аббатства Св. Марциала так, как будто визита Людовика Благочестивого и помещения мощей в крипту не было. В частности, Адемар пишет, что события 830 г. были только началом потока дарений со стороны императора этой церкви и вновь упоминает, что в последующем в ней были помещены мощи святого. Значит, дарение 830 г. и помещение мощей не имели места. Путаница, созданная историком, весьма показательна. Можно заключить, что Адемар обратился к описанию визита императора Людовика Благочестивого в 830 г. не для того, чтобы рассказать нам твердо установленный факт, а подчеркнуть личную связь между императором и церковью Св. Марциала. Как это часто случалось в Средние века, Адемар, выступая в данном случае не как историк, а скорее как проповедник, стремился доказать древность лиможской церкви и особое положение аббатства Св. Марциала.

Адемар интересовался историей Аквитании в рамках королевства франков прежде всего через призму современной ему аквитанской истории и иногда его «Хроника» показывает плохое знание каролингских реалий, даже относящихся к Аквитании. В записи за 845 г. в одной из аквитанских хроник можно прочесть, что в этом году граф Сента Сегуин был захвачен норманнами, а город Сент (Saintes) сожжен²⁵. В своей «Хронике» Адемар излагает те же события, но называет Сегуина не только графом Сента, но и Бордо, что является фактической ошибкой, поскольку в ту эпоху эти города принадлежали разным сеньорам²⁶. Однако заблуждение Адемара легко объясняется тем, что в каролингских *Annales regni francorum*, которые он использовал, Сегин был назван герцогом Гаскони, а в X–XI вв. герцогами Гаскони, как правило, были графы Бордо²⁷. Ошибка

²³ *Theganus. Gesta Hludowici imperatoris. Cap. 4 // Thegan. Die Taten Kaiser Ludwigs – Astronomus. Das Leben Kaiser Ludwigs (Theganus, Gesta Hludowici imperatoris – Astronomus, Vita Hludowici imperatoris) / Hrsg. Von Ernst Tremp. Hannover, 1995. (Monumenta Germaniae Scriptores rerum Germanicarum nova series. Hannover, 1995. Tomus 64.).*

²⁴ *Gautier M.-M. Première campagne de fouilles à Saint-Martial de Limoges // Cahiers archéologiques. 1962. Vol. 12. P. 207–248.*

²⁵ *Chronicon Aquitanicum // MGH SS. T. 2 / Ed. G. Pertz. Hanover, 1879. P. 252–253.*

²⁶ *Ademar. III, 17.*

²⁷ *Gillingham J. Ademar of Chabannes and the History of Aquitaine in the reign of Charles the Bald // Charles the Bald: Court and kingdom / Ed. by M. Gilson, J. Nelson. Aldershot, 1990. P. 43.*

²¹ *Ademar. II, 1. Martiniere J. de la. Saint Cybard. Etude critique d'hagiographie, VI–XII s. // Bulletins et memoires de la siciete archeologique et historique de la Charente. Memoires et documents. 1906–1907. P. 1–292. P. 3–6, 207–208.*

²² *Hugo Floriacensis. Modernorum regum francorum actus // MGH Scriptores. T. 9. P. 376–395.*

Адемара показывает, что он мыслил в терминах современной ему Аквитании, не вдаваясь в детали раннесредневековых событий. Это факт заставляет пристальнее рассмотреть историческую концепцию Адемара и его представления об истории западно-франкского королевства, королевства Капетингов, а также остальной Европы.

В 820–840-е гг. Аквитания приобрела особую значимость для правителей западно-франкского королевства, потому что именно там Людовик Благочестивый планировал создать опору своей империи на юге, а Карл Лысый увидел основу для создания сильного королевства, будущей Франции. Рассматривая конфликт, развернувшийся еще при жизни Людовика Благочестивого между его старшими сыновьями и младшим сыном от второго брака, Карлом Лысым, и закончившийся Верденским разделом 843 г., Адемар описывает эту ситуацию весьма нестандартным образом. Попробуем разобраться в его представлениях о месте Аквитании в системе власти королевства франков. Адемар совершенно верно сообщает, что Лотарь был императором Италии, Людовик Немецкий — королем Германии, а Карл Лысый в это время стал королем Франции и Бургундии. Но дальше историк дает свою трактовку этой раскладке сил, поскольку считает, что война между братьями разгорелась из-за Аквитании и Франции. Более того, именно Аквитанию как причину конфликта он ставит на первое место²⁸. Адемар, таким образом, полностью исключал наследные притязания сына Людовика Благочестивого Пипина I и его внука Пипина II, и видел судьбу Аквитании связанной только с Карлом Лысым и Францией. О Пипине II, сыне Пипина I, как о равном участнике внутридинастических отношений он ничего не говорит, хотя тот на момент битвы при Фонтенуа 842 г. считался наследником своего отца и, соответственно, правителем Аквитании²⁹.

Более того, говоря об условиях Верденского раздела, Адемар так рисует ситуацию, что это показалось бы странным и средневековым историкам, и современным исследователям. Он пишет, что Карл Лысый и Людовик Немецкий поделили королевство таким образом, что их силы оказались примерно равны, но при этом Карл Лысый взял покровительство над своим племянником Пипином II, чтобы воспитать его и дать ему образование³⁰. Следовательно, Адемар представляет Верденский раздел так, как будто Аквитания сразу стала частью западно-франкского королевства, хотя на самом деле это произошло только по результатам

²⁸ *Ademar*. III, 16. «Qui pro regno Aquitainie et Francie inter se discordantes, bellum committunt».

²⁹ *Ademar*. III, 16.

³⁰ *Ademar*. III, 17.

встреч в Кобленце в 848 г., в Меерзене в 851 г. и в Аттиньи в 854 г.³¹ К тому моменту Пипин II уже успел отрицательно зарекомендовать себя тем, что поддержал викинга Ярла Оскара, и привлек на свою сторону епископа Бордо Сегуина, который отрекся от императора, дав ему звание герцога Гаскони. Ни о чем из вышесказанного Адемар не упоминает. Верденский раздел в изображении Адемара Шабаннского выглядит так, как будто он был тождественен разделу 870 г. по договору в Меерзене³². Тогда Карл Лысый и Людовик Немецкий поровну поделили наследство Лотаря, т. е. Лотарингию, Бургундию и Прованс, что привело к окончательному оформлению границ королевств Франция и Германия.

Подобное положение дел легко объяснялось бы тем, что Адемар Шабаннский просто не знал основных исторических фактов IX в. Однако заметим, что если бы он ставил своей целью только защиту аквитанских интересов и независимости Аквитании, он обязан был бы больше написать о притязаниях Пипина II и Верденском договоре. Возможно, причиной такого отношения к франкской истории IX в. было то, что единство франкского королевства ценилось Адемаром выше любых попыток региональной независимости. Вскоре после описания этих событий Адемар упоминает, что в результате ситуации, сложившейся после верденского раздела, в 846 г. франки и аквитанцы вместе выступили против бретонцев³³. Знаменательно, что кампанию Карла Лысого 846 г. он представляет в первую очередь как символ дружеских отношений и тесного взаимодействия магнатов Нейстрии и Аквитании в борьбе против внешнего врага. Более того, Адемар рассказывает об этой кампании как о закончившейся победой Карла Лысого, хотя на самом деле Карл Лысый окончил ее переговорами с герцогом бретонцев Номиное. И в ряде последующих глав Адемар говорит об успешных военных действиях Карла Лысого против бретонцев, подчас идя против исторической правды³⁴. Он также подчеркивает принципиальное сходство интересов магнатов Нейстрии (Франции) и Аквитании, указывая на происхождение важнейших графских родов Аквитании от каролингских вассалов³⁵. Таким образом, Адемар подчеркивает принципиальное сходство интересов Франции в узком смысле этого слова (Нейстрии) и Аквитании и говорит о совместной победе магнатов и войск двух этих регионов над внешним врагом, бретонцами, под руководством Карла Лысого.

³¹ *Lot F. Pfister C., Ganshof F. L. Histoire du moyen age. Tome 1. Paris, 1928. P. 518–519.*

³² *Lot F. Pfister C., Ganshof F. L. Histoire du moyen age. Tome 1. Paris, 1928. P. 532–533.*

³³ *Ademar*. III, 17.

³⁴ *Ademar*. III, 18.

³⁵ *Ademar*. III, 19.

Особое видение франкской истории с аквитанской точки зрения явственно присутствует в нескольких пассажах и в разбиении текста на книги. Например, он описывает сражение 842 г. при Фонтенуа в деталях, которые заставляют подозревать, что он мог взять информацию не только из используемых им анналов (*Annales regni francorum*), но и из местных хроник³⁶.

Адемар подчеркивает особую роль Аквитании в делах франкского королевства, когда рассказывает о том, что в 855 г. Карл Лысый был коронован и помазан на царство, став королем Франции, Аквитании и Бургундии³⁷. Таким образом, его интересовала не независимая Аквитания, а Аквитания равная по статусу Франции (Нейстрии), объединенная с последней под властью Карла Лысого. Насколько историчен такой подход к каролингской истории Аквитании? Понятно, что точка зрения Адемара была во многом обусловлена его аквитанским происхождением и представляла собой характерное для региональных элит отношение к событиям в истории королевства франков.

Несмотря на свой компилятивный характер, «Хроника» Адемара содержит весьма интересное видение отдельных аспектов меровингского и каролингского периодов, которое отличается от того, что мы знаем из исторических сочинений Тегана, Астронома, Нитарда. В особенности эта интересная информация характерна для периода после 830 г., когда Людовик Благочестивый столкнулся с рядом проблем в поддержании единства власти среди своих сыновей. Представленные выше примеры свидетельствуют, что интерес Адемара к истории франкского королевства всегда был обусловлен его аквитанской принадлежностью.

Становится ясно, почему по крайней мере ряд средневековых переписчиков считали полным названием сочинения Адемара «Хроника Аквитании и Франции» (*Chronicon aquitanicum et francicum*). Если вопрос, является ли прилагательное «*francicum*» топонимом или эпонимом остается спорным, то сомнений относительно того, что одним из предметов этой хроники с точки зрения многих средневековых переписчиков была история Аквитании, географического региона в центре современной Франции, быть не может³⁸. И даже если это название придумал не сам

³⁶ *Ademar*. III, 16. *Werner K.-F. Adémar von Chabannes und der Historia pontificum et comitum Engolismensium // Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters*. 1963. Bd. 19. S. 297–326. *Historia pontificum et comitum Engolismensium / Ed. J. Boussard*. Paris, 1957.

³⁷ *Ademar*. III, 19.

³⁸ Например, *Guillebaud P. Historiae francorum seu Chronici Ademari Engolismensis epitome*. Paris, 1652. *Bourgain P. Etat du dossier // Ademari Cabanensis Chronicon / Ed. P. Bourgain, R. Landes, G. Pon. Turnhout, 1999. P. XXXVII. (Corpus Christianorum Continuatio Medievalis. T. 129.)*

Адемар Шабаннский, можно с уверенностью сказать, что именно описание аквитанских событий составляло в книге III его важнейшую задачу. Адемар гордился «аквитанцем» Гербертом Орильякским (папой Сильвестром II), а также много раз заинтересованно говорил об аквитанских делах. Исследуя процесс создания «Хроники» от первой (альфа) редакции до последней (гамма), историки согласны в том, что Адемар дополнял краткую редакцию своей хроники, содержащую в первую очередь важнейшие события истории королевства франков, своего рода местным колоритом, т. е. событиями аквитанского значения.³⁹ Обращаясь к «Хронике» Адемара Шабаннского, несмотря на ее компилятивный характер, можно отметить, что в ней нашел отражение процесс формирования регионального самосознания. Из сочинения ангулемского историка мы узнаем, что в начале XI в. образованные люди и знать в Аквитании, обращаясь к истории своего региона в период расцвета королевства франков в IX в., стали воспринимать свой регион как особую, но одновременно интегральную часть системы власти королевства франков и ментального образа Франции.

Информация о статье:

Автор: Старостин Дмитрий Николаевич, к.и.н., ст. преподаватель кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, starostin.dmitry@gmail.com

Заголовок: Каролингская Аквитания в изображении Адемара Шабаннского (ок. 989–1034)

Резюме: Исследование посвящено взгляду историка XI в. Адемара Шабаннского на каролингское прошлое своего региона, Аквитании. Несмотря на то, что все сюжеты этого периода были взяты им из уже существующих источников и скомпилированы в единое повествование, в его сочинении, тем не менее, можно найти индивидуальный взгляд на историю франкского королевства в эпоху Каролингов. В этой хронике, несмотря на ее компилятивный характер, Адемар смог путем расстановки ряда акцентов на уже известных событиях отразил процесс формирования регионального самосознания. Из сочинения ангулемского историка мы узнаем, что в начале XI в. образованные люди и знать в Аквитании, гордясь прошлым своего региона в период расцвета королевства франков в IX в., стали воспринимать свой регион как особую, но одновременно интегральную часть системы власти королевства франков и ментального образа Франции.

Ключевые слова: Аквитания, Франция, история Средних веков, Адемар Шабаннский, историография, Каролинги

³⁹ О редакциях «Хроники» см. далее. *Bourgain P. Etat du dossier // Ademari Cabanensis Chronicon / Ed. P. Bourgain, R. Landes, G. Pon. Turnhout, 1999. P. LXXX. (Corpus Christianorum Continuatio Medievalis. T. 129.)*

Список источников:

- Ademari Cabanensis* Chronicon / Ed. Pascale Bourgain. Turnhout, 1999. P. LXV. (Corpus christianorum continuatio medievalis, T. 129.)
- Astronomus*, Vita Hludowici imperatoris // *Thegan*. Die Taten Kaiser Ludwigs — *Astronomus*. Das Leben Kaiser Ludwigs (*Theganus*, Gesta Hludowici imperatoris — *Astronomus*, Vita Hludowici imperatoris) / Hrsg. Von Ernst Tremp. Hannover, 1995. P. 280–555. (Monumenta Germaniae Scriptores rerum Germanicarum nova series. Hannover, 1995. Tomus 64.)
- Chronicon Aquitanicum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 2 / Ed. G. Pertz. Hanover, 1879. P. 252–253.
- Chronicon Moissiacense // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 1 / Ed. Heinrich Pertz. Hannover, 1826. P. 280–313.
- Ermoldus Nigellus*. In honorem Hludowici christianissimi caesaris augusti exulis elegiaci carmen // MGH Poetae latini aevi carolini / Ed. Ernst Dümmler. Berlin, 1884. Tomus 2.
- Fredegarius*. Chronicon. // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum merovingicarum. Tomus 2. Fredegarii et aliorum chronica / Ed. Bruno Krusch. Hannover, 1888. P. 1–194.
- Guillebaud, Pierre*. Historiae francorum seu Chronici Ademari Engolismensis epitome. Paris: L. Chamhoudry, 1652.
- Historia pontificum et comitum Engolismensium / Ed. Jacques Boussard. Paris, 1957.
- Hugo Floriacensis*. Modernorum regum francorum actus // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 9. Hannover. P. 376–395.
- Ordinatio imperii // Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio II. Capitularia regum francorum. T. I / Ed. A. Boretius. Hannover, 1883. P. 270–273. N 136.
- Patrologia Latina / Ed. J.-P. Migne. s. d., s. l. T. 141.

Список литературы:

- Auzias L.* L'Aquitaine carolingienne, 778–987. Paris: H. Didier, 1937.
- Böhmer Johann Friedrich., Mühlbacher Engelbert.* Die Regesten der Kaiserreiche unter den Karolingern (751–918). Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1889.
- Bourgain, Pascale.* Etat du dossier // Ademari Cabanensis Chronicon / Ed. Pascale Bourgain, Richard Landes, Georges Pon. Turnhout: Brepols, 1999. P. XXXVII. (Corpus Christianorum Continuatio Medievalis. T. 129.)
- Bourgain, Pascale.* Introduction // Ademari Cabanensis Chronicon / Ed. Pascale Bourgain, Richard Landes, Georges Pon. Turnhout: Brepols, 1999. P. LXV. (Corpus christianorum continuatio medievalis, T. 129.)
- Bourgain, Pascale.* Un nouveau manuscrit du texte tronqué de la Chronique d'Adhémar de Chabannes // Bibliothèque de l'école des chartes. 1985. Vol. 143. N 1. P. 153–159.
- Défourneaux, Michel.* Charlemagne et la monarchie Asturienne // Mélanges d'histoire du Moyen Age: dédiés à la mémoire de Louis Halphen / Ed. Ch.-E. Perrin. Paris: Presses Universitaires de France, 1951.

- Gautier M.-M.* Première campagne de fouilles à Saint-Martial de Limoges // Cahiers archéologiques. 1962. Vol. 12. P. 207–248.
- Gillingham, John.* Ademar of Chabannes and the History of Aquitaine in the reign of Charles the Bald // Charles the Bald: Court and kingdom / Ed. by Michael Gilson, Janet Nelson. Aldershot: Variorum, 1990. P. 43.
- Lauranson-Rosaz, Christian.* Le roi et les grands dans l'Aquitaine carolingienne // La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne: Début IXe siècle aux environs de 920 / Ed. Régine Le Jan. Lille: Centre Histoire Region Nord, 1998.
- Levillain, Leon* Ademar de Chabannes, généalogiste // Bulletin de la société des antiquaires de l'ouest. 1934. 3 serie. V. 10. P. 237–263.
- Levillain, Leon.* Recueil des actes de Pépin I et II rois d'Aquitaine (814–848). Paris: Imprimerie nationale, 1926.
- Lewis, Archibald R.* The Development of Southern French and Catalan Society, 718–1050. Austin: University of Texas Press, 1965.
- Lot Ferdinand, Pfister Charles, Ganshof Francois Leopold.* Histoire du moyen age. Tome 1. Paris, 1928.
- Martiniere J. de la.* Saint Cybard. Étude critique d'hagiographie, VI–XII s. // Bulletins et memoires de la société archéologique et historique de la Charente. Memoires et documents. 1906–1907. P. 1–292. P. 3–6, 201.
- Pon, George.* Preface // Ademar de Chabannes. Chronique / Ed. Georges Pon, Yves Chauvin. Turnhout: Brepols, 2005. P. 43–46.
- Soullignac, Armand.* Les ducs d'Aquitaine. Limoges: E. Ardant, 1874.
- Werner, Karl-Ferdinand.* Adémar von Chabannes und der Historia pontificum et comitum Engolismensium // Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters. 1963. Bd. 19. S. 297–326.
- Wood Ian* The Merovingian kingdoms, 450–751. London: Longman, 1994.

Information about the article:

Author: Starostin, Dmitriy Nikolaevich, PhD (in History), a senior lecturer of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, starostin.dmitry@gmail.com

Title: The Carolingian Aquitaine in the narrative of Adémar de Chabannes (ca. 989–1034 A.D.).

Summary: The study investigates the perception of Ademar of Chabannes of the Carolingian past of his native Aquitaine. Despite the fact that all his information on the Frankish kingdom of the Carolingian age is secondary and is nothing more than a compilation, this historian managed to form and express his own view on the development of Carolingian Aquitaine. By putting a stress on certain events and giving them his interpretation Ademar showed the process of construction of regional self-identification. From the work of this medieval historian we learn how the educated people of the XIth century used and adapted Carolignain past to form a new medieval identity of Aquitaine as an integral and cardinal part of Capetian France.

Key words: Aquitaine, France, History of Middle Ages, Adémar de Chabannes, Historiography, Carolingian dynasty

References

- Ademari Cabanensis* Chronicon / Ed. Pascale Bourgain. Turnhout, 1999. P. LXV. (Corpus christianorum continuatio medievalis, T. 129.)
- Astronomus*, Vita Hludowici imperatoris // *Thegan*. Die Taten Kaiser Ludwigs — *Astronomus*. Das Leben Kaiser Ludwigs (*Theganus*, Gesta Hludowici imperatoris — *Astronomus*, Vita Hludowici imperatoris) / Hrsg. Von Ernst Tremp. Hannover, 1995. P. 280–555. (Monumenta Germaniae Scriptores rerum Germanicarum nova series. Hannover, 1995. Tomus 64.)
- Chronicon Aquitanicum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 2 / Ed. G. Pertz. Hanover, 1879. P. 252–253.
- Chronicon Moissiacense // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 1 / Ed. Heinrich Pertz. Hannover, 1826. P. 280–313.
- Ermoldus Nigellus*. In honorem Hludowici christianissimi caesaris augusti exulis elegiaci carmen // MGH Poetae latini aevi carolini / Ed. Ernst Dümmler. Berlin, 1884. Tomus 2.
- Fredegarius*. Chronicon. // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum merovingicarum. Tomus 2. Fredegarii et aliorum chronica / Ed. Bruno Krusch. Hannover, 1888. P. 1–194.
- Guillebaud*, Pierre. Historiae francorum seu Chronici Ademari Engolismensis epitome. Paris: L. Chamhoudry, 1652.
- Historia pontificum et comitum Engolismensium / Ed. Jacques Boussard. Paris, 1957.
- Hugo Floriacensis*. Modernorum regum francorum actus // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 9. Hannover. P. 376–395.
- Ordinatio imperii // Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio II. Capitularia regum francorum. T. I / Ed. A. Boretius. Hannover, 1883. P. 270–273. N 136.
- Patrologia Latina / Ed. J.-P. Migne. s. d., s. l. T. 141.
- Auzias L.* L'Aquitaine carolingienne, 778–987. Paris: H. Didier, 1937.
- Böhmer Johann Friedrich*, *Mühlbacher Engelbert*. Die Regesten der Kaiserreiche unter den Karolingern (751–918). Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1889.
- Bourgain, Pascale*. Etat du dossier // Ademari Cabanensis Chronicon / Ed. Pascale Bourgain, Richard Landes, Georges Pon. Turnhout: Brepols, 1999. P. XXXVII. (Corpus Christianorum Continuatio Medievalis. T. 129.)
- Bourgain, Pascale*. Introduction // Ademari Cabanensis Chronicon / Ed. Pascale Bourgain, Richard Landes, Georges Pon. Turnhout: Brepols, 1999. P. LXV. (Corpus christianorum continuatio medievalis, T. 129.)
- Bourgain, Pascale*. Un nouveau manuscrit du texte tronqué de la Chronique d'Adhémar de Chabannes // Bibliothèque de l'école des chartes. 1985. Vol. 143. N 1. P. 153–159.

Défourneaux, Michel. Charlemagne et la monarchie Asturienne // Mélanges d'histoire du Moyen Age: dédiés à la mémoire de Louis Halphen / Ed. Ch.-E. Perrin. Paris: Presses Universitaires de France, 1951.

Gautier M.-M. Première campagne de fouilles à Saint-Martial de Limoges // Cahiers archéologiques. 1962. Vol. 12. P. 207–248.

Gillingham, John. Ademar of Chabannes and the History of Aquitaine in the reign of Charles the Bald // Charles the Bald: Court and kingdom / Ed. by Michael Gilson, Janet Nelson. Aldershot: Variorum, 1990. P. 43.

Lauranson-Rosaz, Christian. Le roi et les grands dans l'Aquitaine carolingienne // La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne: Début IXe siècle aux environs de 920 / Ed. Régine Le Jan. Lille: Centre Histoire Region Nord, 1998.

Levillain, Leon. Ademar de Chabannes, généalogiste // Bulletin de la société des antiquaires de l'ouest. 1934. 3 serie. V. 10. P. 237–263.

Levillain, Leon. Recueil des actes de Pépin I et II rois d'Aquitaine (814-848). Paris: Imprimerie nationale, 1926.

Lewis, Archibald R. The Development of Southern French and Catalan Society, 718–1050. Austin: University of Texas Press, 1965.

Lot Ferdinand, Pfister Charles, Ganshof Francois Leopold. Histoire du moyen age. Tome 1. Paris, 1928.

Martiniere J. de la. Saint Cybard. Étude critique d'hagiographie, VI-XII s. // Bulletins et memoires de la société archéologique et historique de la Charente. Memoires et documents. 1906–1907. P. 1–292. P. 3–6, 201.

Pon, George. Preface // Ademar de Chabannes. Chronique / Ed. Georges Pon, Yves Chauvin. Turnhout: Brepols, 2005. P. 43–46.

Soullignac, Armand. Les ducs d'Aquitaine. Limoges: E. Ardant, 1874.

Werner, Karl-Ferdinand. Adémar von Chabannes und der Historia pontificum et comitum Engolismensium // Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters. 1963. Bd. 19. S. 297–326.

Wood Ian The Merovingian kingdoms, 450-751. London: Longman, 1994.

УДК 94 (4); ББК 63. 3 (0) 4)

Е. С. Кравцова

**ERUNT SIGNA IN SOLE ET LUNA ET STELLIS:
МЕСТО ФРАНЦИСКАНСКОГО ОРДЕНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В. В СРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ
ПО ПРОПОВЕДЯМ БОНАВЕНТУРЫ**

Перед исследователями истории францисканского ордена, королевской власти и католической церкви во Франции второй половины XIII в. и в настоящее время стоит множество вопросов. Связано это с тем, что норма¹, сформированная в результате институциональных изменений и взаимодействия ордена и институтов церковной и королевской власти, может подвергаться интерпретации в зависимости от постановки вопроса. Например: как королевская власть воспринимала нищенствующие ордена? Или: как деятельность нищенствующих орденов в структурах светской власти воспринимала церковь²? Мы поставим вопрос следующим образом: как руководство ордена определяло место и обязанности ордена в структурах светской и церковной властей?

Во вторую половину XIII в. францисканский орден вошел в состоянии кризиса, вызванного процессом перехода от апостолического движения к средневековой ученой корпорации. Первое подразумевало под собой проповедническое движение по всему христианскому миру и за его пределами. Второе — ученое комментирование Священного Писания и Предания и создание теологической нормы в средневековых университетах, в первую очередь — Парижском, Cariathe Sefer теологических наук³.

¹ Подразумевается процесс соревнования норм и ожиданий, выраженных в тексте, в контексте структурных изменений в обществе и в рассматриваемом институте (см. *Черутти С.* Скорый суд (практика и идеалы правосудия в обществе Старого порядка (Турин XVIII века)) // *Неприкосновенный запас.* 2005. № 4. С. 5–18).

² О взаимодействии королевской власти и францисканского ордена в эпоху Людовика IX см.: *Little L. K.* Saint Louis' Involvement with the Friars // *Church History.* 1964. Vol. 33. N 2. P. 124–148.

³ Ветхий Завет, Судей 1:10–13. Так университет был назван в булле Григория IX от 1231 г., завершившей период «Великого рассеяния» Парижского университета (*Chartularium universitatis Parisiensis* / Ed. H. Denifle, E. Châtelain. Paris, 1889. T. I. P. 136–139).

Во время министерства Иоанна Пармского (1247–1257) были приняты действия, которые должны были вывести орден из кризиса⁴, и эти действия принесли свои плоды: в Париже в 1253 г. вышло «Введение в вечное Евангелие» францисканца Герардо из Борго-Сан-Донино, в скором времени обвиненное в ереси иоахимизма⁵. Появление «Введения» стало неожиданным сюрпризом для орденской верхушки, однако оно было закономерным итогом идеологической политики Иоанна Пармского. После обвинений в симпатиях к иоахимизму Иоанну пришлось оставить пост генерального министра. Новым главой ордена был избран Бонавентура из Бьянореджо (1221–1274)⁶, преподаватель Парижского университета. При нем, с 1257 по 1273 г., орден радикально меняется, оформляясь в средневековую корпорацию со своим уставом и своими обязанностями. Преодолев несогласованность между проповедью и учеными занятиями, он органично вписывается в феодальное западноевропейское общество как один из «ученых» монашеских орденов.

Внутренним изменениям в ордене сопутствуют внешние. Особенно ярко это проявляется во французской провинции, где орден почти с самого своего появления был вовлечен в деятельность и светских, и церковных институтов. Нищенствующие братья участвуют во внутренних расследованиях курии, в инквизиторских процессах⁷. Начиная с 1247 г., король Франции Людовик IX использует братьев в качестве своих следователей (*enquêteurs*)⁸.

Возможно ли зафиксировать процесс создания идеологии, благодаря которой орден и преодолевает кризис, и продолжает деятельность в институтах светской и церковной властей? Одним из наиболее репрезен-

⁴ Иоанн Пармский стал первым из генеральных министров, совершившим объезд всех провинций ордена. При нем было закончено второе официальное жизнеописание основателя ордена. О нем и его реформах см. *Gratien de Paris, O. M. C.* Histoire de la fondation et de l'évolution des Frères mineurs au XIIIe siècle. Paris et Gembloux, 1928.

⁵ О распространении иоахимизма см.: *Bloomfield M. W., Reeves M. E.* The Penetration of Joachimism into Northern Europe // *Speculum.* 1954. V. 29. № 4. P. 772–793. О влиянии иоахимизма на францисканский орден: *Daniel E. R.* A Re-Examination of the Origins of Franciscan Joachitism // *Speculum.* 1968. V. 43. № 4. P. 671–676. О Герардо см.: *Reeves M.* The Influence of Prophecy in the Later Middle Ages: A Study in Joachitism. Oxford, 1969. P. 59–61, 187–190.

⁶ Бонавентура получает право совмещать обязанности генерального министра Ордена и преподавателя Парижского университета. О нем как о схоласте см.: *Gilson E.* La Philosophie de Saint Bonaventure. Paris, 1943. Как реформаторе: *Gratien de Paris, O. M. C.* Histoire de la fondation... P. 249–321. Собрание сочинений: *S. Bonaventurae Opera omnia* / Ed. PP. Collegii A.S. Bonaventura. 10 Vols. (Quaracchi, 1882–1902).

⁷ С 1232 г.

⁸ В отечественной историографии термин «enquêteurs» традиционно переводится как «реvizоры». См. *Пти-Дютайи Ш.* Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков. М., 1938. С. 262 и далее; *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001. С. 176–178.

тативных источников для этого нам представляются проповеди. С одной стороны, они были основным инструментом воздействия нищенствующих орденов на общество и в значительной степени меняли саму эпоху: изменились формат и предназначение книги, утвердилась идея чистилища, многие социальные группы, ранее не вписывающиеся в *ordo* классического средневековья, заняли свое место в уже изменившемся обществе⁹. С другой стороны, мы рассматриваем проповеди как источник для выявления институциональных изменений внутри самого ордена.

Из довольно объемного корпуса проповедей, созданных францисканцами во второй половине XIII в., рассмотрим четыре проповеди Бонавентуры на цитату из Евангелия от Луки¹⁰. Они примечательны тем, что их содержание зависит от аудитории. Первая была произнесена перед народом в Лионе, две — в Париже, перед королем и королевской семьей, четвертая — перед сообществом клириков в Лионе, даты их оглашения неизвестны. Соответственно, в первой проповеди перечислены все основные знаки, свидетельствующие о начале конца времен. Вторая показывает, чему учит и как утешает знание о многообразии природ Христа. В третьей и четвертой приводится иерархия христианской общины и церкви¹¹. Это странное, с точки зрения современного человека, несоответствие привлекает внимание. Однако если вспомнить, что экзегеза священного текста включала в себя умение толковать слова Святого Писания четырьмя способами, одним буквальным и тремя мистическими, то все встает на свои места¹².

Проповеди, в первую очередь, предназначались для устного произнесения. Эмоциональный накал и страсть остаются за пределами нашего

⁹ D'Avray D. L. The preaching of the friars. Sermons diffused from Paris before 1300. Oxford, 1985; Le Goff J. La naissance du purgatoire. Paris, 1981. Little L. K. Religious Poverty and the Profit Economy in Medieval Europe. London, 1978.

¹⁰ Erunt signa in sole et luna et stellis, et in terris pressura gentium prae confusione sonitus maris et fluctuum (Евангелие от Луки, 21, 25). Эта цитата из 21 главы была одной из излюбленных для толкования у средневековых теологов и проповедников (Fassler M. E. Sermons, Sacramentaries, and Early Sources for the Office in The Latin West. The example of Advent // The Divine Office in the Latin Middle Ages: Methodology and Source Studies / Ed. By M.E. Fassler et R. A. Baltzer. Oxford, 2000. P. 39).

¹¹ S. Bonaventurae Opera Omnia... Vol. IX. P. 34–35 (Sermo XI), P. 35 (Sermo X), P. 35–36 (Sermo XI), P. 36–37 (Sermo XII).

¹² Первый способ заключался в буквальном толковании (*ad litteram*). Остальные три считались более сложными и входили в группу мистических способов толкования (*sensus spiritualis*): аллегорический, тропологический и анагогический. Соответственно указаниям Бонавентуры, проповедник должен был давать такую трактовку места из священного писания, которая подходила бы уровню подготовки собравшейся аудитории: S. Bonaventura Ars concionandi // S. Bonaventurae Opera Omnia / Ed. PP. Collegii A. S. Bonaventura. Quaracci, 1901. T. IX. P. 8.

знания. Тем не менее, благодаря схематичной записи, мы можем представить себе проповеди, прочитанные на разных уровнях, но толкующие одно место из Писания, — в виде многоэтажного строения, от которого остались только планы¹³. Наложение планов этажей и сопутствующий подробный анализ позволяют представить здание в целом, каким оно могло быть в разуме проповедника, живущего в обществе культуры «памяти»¹⁴. Особый интерес в этом контексте вызывают последние две проповеди, в которых можно выделить три общих уровня: солнце, луна и звезды. В каждом из них присутствуют определенные характеристики и задачи частей христианской общины в первой проповеди и слоев церковной иерархии во второй. Поэтому мы рассмотрим проповеди вначале по отдельности, а затем — как единое целое.

1

В первых двух проповедях цитата толкуется полностью: «И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится».

Перед народом в Лионе Бонавентура указывает, какие знаки должны предшествовать Судному дню. Для обоснования их последовательности привлечены Священные Писание и Предание. Всего знамений тридцать два, последнее — Второе пришествие Христа¹⁵. Из этого завораживающего и устрашающего перечисления можно выделить два особо интересующих нас момента. Во-первых, общий мотив обращения установленного миропорядка в противоположный ему. Во-вторых, появление ложных святых и проповедников как одно из знамений грядущего Второго пришествия, основной аргумент парижских профессоров в борьбе с нищенствующими орденами 1251–1260 гг.¹⁶

Первоначально участниками этого «идеологического спора» были только братья-проповедники доминиканского ордена и университетская корпорация, но появление «Введения в Вечное Евангелие» в 1253 г. обострило конфликт до предела и, неожиданно для всех его участников, ввело в него францисканский орден, для которого ученые штудии и проповед-

¹³ Заметим, что для обозначения процесса составления проповеди используются производные от таких глаголов как «aedifico» (строить).

¹⁴ Эклес О. Г. Мемория и мемориальная традиция в раннее Средневековье / Эклес О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 233–270.

¹⁵ S. Bonaventurae Opera Omnia... Vol. IX. P. 34–35.

¹⁶ Congar Y. M.-J. Aspects ecclésiologiques de la querelle entre Mendicants et séculiers dans la seconde moitié du XIII et au début de XIV siècle // Archive d'histoire doctrinale et littéraire de Moyen Ages. 1961. P. 35–151.

ническая деятельность были еще занятиями разного порядка¹⁷. Более того, под влиянием идей иоакимизма, францисканцами ожидался конец света в 1260 г. и наступление нового, окончательного этапа истории. Парижские профессора не упустили удачного момента, в 1256 г. вышел трактат Гийома де Сент-Амура, ректора Парижского университета, «Об опасностях последних дней»¹⁸. Сент-Амур утверждал, что Христос учредил лишь два церковных достоинства: это апостолы, от которых пошла власть епископов, и ученики, от которых пошла власть священников. Те, кто появился позднее и не входят в описанное *ordo*, те и есть лжепророки и соблазнитель, предвестники последних времен¹⁹.

Дискуссия 50-х гг. XIII в. о ложных и истинных проповедниках обнажила проблему самоопределения францисканского ордена, его нахождения в иерархии средневекового общества, его обязанностей. Она же стала одним из основных факторов появления такой идеологии, которая способствовала сближению проповеднической деятельности и ученых занятий во францисканском ордена. В 1260 г., на Нарбоннском соборе Бонавентуре, новому министру ордена, было поручено написать новое жизнеописание св. Франциска. Образ Франциска Ассизского «Большой Легенды» Бонавентуры сопричастен образу пророка Ильи²⁰. Это сближение стало основой для построения такой идеологической программы, которая обосновала бы право ордена на преподавание и изучение теологических наук.

В рассматриваемой проповеди Бонавентура вписывает появление ложных проповедников в ряд прочих, разворачивающих перед слушателями последовательность событий, ниспровергающих привычное положение вещей. Согласно проповеди, для возвращения мира к первоначальному

¹⁷ Это отражается в образе св. Франциска «Второго жизнеописания» Фомы Челанского. Утверждено в 1247 г. вместо «Первого жизнеописания» того же автора: fr. Thomas de Celano Vita Secunda S. Francisci // *Analecta Franciscana*. Quaracchi, 1926. Т. X, fasc. II. P. 129–260. О том, что францисканцы оказались втянуты в конфликт без всякого намерения со своей стороны, может говорить тот факт, что Матвей Парижский указывает авторами «Введения в вечное Евангелие» доминиканцев (см. *Matthaei Parisiensis Chronica majora*. Addimenta / Ed. Luard H.R. London, 1883. Т. 6. P. 335).

¹⁸ William of Saint-Amour *Tractatus Brevis de Periculis Novissimorum Temporum* / William of Saint-Amour *Opera omnia quae reperiri potuerunt*. Constance, 1632. Название трактата — аллюзия на начало третьей главы «Второго послания к Тимофею» апостола Павла о фальшивых пророках: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие» (*Nos autem scito, quod in novissimis diebus instabunt tempora periculosa*).

¹⁹ *Idem*. P. 21–28 (*ordo perficiendorum et ordo perficientium*). Сент-Амур был осужден в том же году (*Bullarium Franciscanum* / Ed. J. H. Sbaralea. Т. II. P. 160–162. Булла Александра IV «*Romanus Pontifex*»).

²⁰ S. Bonaventura *Legenda Maior* // *Analecta Franciscana*. Quaracchi, 1941. Т. X, fasc. V. P. 557–652.

виду²¹ должен пройти ряд радикальных изменений, переворачивающих порядок текущего момента с ног на голову. Поэтому поиск знамений грядущего Второго пришествия отнюдь не праздная и отвлеченная теологическая проблема. Ее решение должно или легитимизировать существующее общество, отдалив Конец времен, или привести к отказу определенной группе в месте в истинно христианском обществе, приблизив Страшный суд.

Во второй проповеди, прочитанной перед королем по его просьбе, евангельской цитате дается мистическое толкование. Предметом рассмотрения Бонавентуры является двойственная природа Христа, в которой явлены знаки его второго пришествия²². С одной стороны, грядущее Второе пришествие Христа ежегодно символизируется празднованием его рождения. С другой стороны, единство его божественной природы и человеческой (как учит Христос учеников, а Бонавентура короля) позволяет изучать-предвидеть знаки грядущего обновления мира²³. Также Бонавентура дает понять, что все знаки скорого Второго пришествия, внешне ужасающие, имеют и обратную сторону. Явленные в «земной» природе Христа, обозначенной в проповеди с помощью метафор, они несут в себе утешение и надежду на искупление.

Для короля Второе пришествие представлено в проповеди не как последовательность событий во временной протяженности от начала к концу, а как постоянное напоминание о нем, благодаря ежегодному празднованию рождения Младенца. При этом проповедь в таком контексте есть источник предвидения знаков Второго пришествия, поскольку у подготовленной аудитории появляется возможность соотнести полученные знания о природе Христа с окружающим миром. Несомненно, проповедь обращена к знающему человеку, подготовленному к восприятию теологического знания. Соответственно, Людовик IX, так же как и лионский клир, подготовлен к тому, чтобы перейти непосредственно к рассмотрению общества, которое предвещает наступление последних времен.

В последующих двух проповедях внимание Бонавентуры сосредоточено на «небесной» части цитаты: «Были знаки на солнце, и луне, и звездах». Трактовка символов солнца, луны и звезд позволяет Бонавентуре рассмотреть христианскую общину в первой проповеди и церковное сообщество во второй. Этот переход показывает, насколько гибко искусство средневековой экзегезы. Рассмотрение и небесной, и человеческой

²¹ «...omnibus corporibus caeli stantibus in ordine, quo creata sunt» (S. Bonaventurae *Opera Omnia*... Vol. IX. P. 35, col. 1).

²² ...ex parte naturae caelestis... naturae elementaris... naturae rationalis humanae... naturae intellectualis angelicae... iudicis apparentis (*ibid.* P. 35, col. 2).

²³ ...per unionem divinae naturae cum humana (*ibid.*).

частей Христа в их взаимодействии позволяет проповеднику развернуть исторический фон, на котором он выявляет знаки Второго пришествия²⁴. Рассмотрение только небесной его природы служит для фиксации современной проповеднику иерархии общества, с целью осознания себя и своего места, чтобы достойно готовиться и к встрече нового года по церковному календарю, и к грядущему Второму пришествию²⁵.

В проповеди, произнесенной в Париже в Сен-Шапель, в присутствии короля и его семьи²⁶, знак Солнца символизирует Христа, являющего пример совершенной жизни в трех добродетелях, знак Луны — Богородицу, показывающей три пути обращения к Богу, знак Звезд — святое воинство апостолов, характеризующихся тремя признаками.

Первая добродетель Христа — бедность (*paupertas*) — в проповедях Бонавентуры характеризует почти исключительно самого Христа и является основополагающей для следования Его путем. Поскольку «бедность» для Бонавентуры есть символ креста²⁷, св. Франциск, благодаря получению стигмат, наиболее близко стоит к Христу, он — его совершенный подражатель²⁸. Соответственно, благодаря лежащему на них знаку «бедности», минориты, дети «беднячка Христова», занимают место в христианской общине, собранной воедино благодаря второй добродетели Христа — сострадательной любви (*pietas*). Как и Христу, добродетель сострадания присуща Деве Марии. Это же верно и в отношении третьей добродетели, глубочайшего смирения (*humilitas*), важнейшей для праведного правления²⁹. Власть, основанная на гордости — власть от дьявола; власть, основанная на смирении и нищете — власть от Христа³⁰. Заметим, что в одной из проповедей Бонавентуры смирение является конституитивной добродетелью для построения сюжета о предназначенном св. Франциску престоле павшего ангела³¹. Заняв престол, погубленный гордостью, но исцеленный подвигом смирения, Франциск занимает и место в небесной

²⁴ *Natura celestis (erunt signa in sole etc.) et natura elementarium (in terris pressura etc.).*

²⁵ Что соответствует представлениям средневекового человека об обществе и проецировании этого представления на «небесные» сферы (Дюби Ж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М., 2000). Проповедь начинается фразой: *renovatur Ecclesia in Officiis (S. Bonaventurae Opera Omnia... Vol. IX. P. 35, col. 2)*, т. е. начинается новый церковный год.

²⁶ *Ibid.* P. 35–36.

²⁷ *Ibid.* P. 467.

²⁸ *Ibid.* P. 536, 579.

²⁹ *Ibid.* P. 48, 94, 95, 124.

³⁰ *Ibid.* P. 27, 28, 48. Смирению Христа и Девы Марии сопутствует каждый раз терминология власти: корона, благородство, престол, правитель, король.

³¹ *Ibid.* P. 577–578.

иерархии, что позволяет и ордену легитимно занять свое место в земном обществе, отражении небесного.

Второй небесный знак, Луна, символизирует собой Богородицу, явленную в Церкви. Знамена Богородицы указывают три пути нравственного образа жизни, тесно связанных с дисциплиной. Подражание высокой нравственности (*honestas*) Девы усмиряет телесные чувства и разум³². Воздержанность (*sobrietas*) сохраняет путь спасения, указанный Христом, подает пример общине. Наконец, верность (*fidelitas*), присущая Матери, должна проповедоваться, чтобы власть (*potestas*) Христа, через проводника-Церковь, дошла до мира. Мы полагаем, что Бонавентура помещает орден именно на этом уровне иерархии, включая его в церковь на уровне проводника власти Христа, как вестника верности миру проповедью.

Бонавентура разделяет проповедь и апостолическую миссию и, как мы предполагаем, переносит задачу ордена первой половины XIII в. на Людовика IX Капетинга, вдохновителя и инициатора крестовых походов второй половины XIII в., что отражается в характеристике третьего знаменья, звезд-апостолов. Яркие ревнители веры и охранители закона Божьего от неправедных царей, они всегда готовы к мученичеству от руки неверных и ни на шаг не отклоняются от замысла Христа. Они увенчаны золотым венцом святости.

Монашество раннего и высокого Средневековья зачастую использует для самоидентификации рыцарскую символику и терминологию³³, однако в описании образа Людовика IX в средневековых текстах, в первую очередь подготовленных для его канонизации, наблюдается обратный процесс. Его поведение соответствует поведению монаха, отмечается его необыкновенное смирение, жизненно необходимое для власть имеющих мирян-христиан³⁴.

Подобная идеальная иерархия могла быть предназначена для идеологической корректировки представлений короля об обществе со всеми его текущими проблемами: борьбой нищенствующих братьев и парижских профессоров, в процессе которой королю приходится делать выбор между папским престолом и университетской корпорацией, крестовым

³² *Sub pedibus eius, id est affectibus mentis et corporis eius, et in capite eius, id est in mentis vertice...* (*Ibid.* P. 36).

³³ О рыцарской символике в ранней истории ордена см.: *Battais L. La courtoisie de François d'Assise. Influence de la littérature épique et courtoise sur la première génération franciscaine // Mélanges de l'école française de Rome. 1997. V. 109. N 1. P. 131–160.*

³⁴ См. *Carolus-Barré L. Le Procès de canonisation de Saint Louis (1272–1297). Essai de reconstitution. Rome, 1994. Gaposchkin M. C. The Making of Saint Louis Kingship, Sanctity, and Crusade in the Later Middle Ages. Cornell University Press, 2008.*

походом Людовика IX и неизбежным его сопровождением, налоговым бременем³⁵.

Проповедь, произнесенная Бонавентурой в Лионе перед клириками и канониками Лионской кафедральной церкви, посвящена рассмотрению церковной иерархии, от высших чинов церкви до монашества³⁶. В первой части проповеди Бонавентура описывает церковный порядок древности и настоящего. Три знака — солнце, луна и звезды — символизируют уровни одного *ordo*, в котором их объединяет сопричастность справедливости (*iustitia*)³⁷.

Блещающие справедливостью (*iustitiae eminentis*) как солнце, высшие церковные посты очищают тех, кто их занимает, чтобы явить в них самые совершенные добродетели. Тонкие знатоки христианского учения, высшие иерархи противостоят ересям и всему мирскому. Их характеризует справедливое управление курией и строгий самоконтроль³⁸.

Низшие чины церкви, клирики и доктора, усиливающие справедливость (*iustitiae crescentis*), сравниваются с луной. Сравнение возможно благодаря присущим им навыкам измерения времен и различения свидетельств их окончания и смены. Лунный календарь Библии соответствует ходу истории, движущейся по стреле времени к Страшному суду, что делает ученое комментирование и толкование Священных текстов работой, тесно связанной с провидческими способностями. Именно поэтому одним из способов интеграции францисканцев в структуры университетской корпорации было закрепление за образом Франциска Ассизского качеств пророка³⁹. Низшие чины подобны луне, управляющей морскими водами, но при этом в их компетенцию не входит создание законов для управляемых ими сообществ. Наконец, как луна служит предзнаменованию утренней росы, так и они несут знамение будущей благодати, исполняя свой долг духовного утешения.

Третий разряд иерархии, представленный монахами и прочими — это звезды, восстанавливающие справедливость (*iustitiae sufficientis*). Бонавентура выделяет их отличительные признаки: даровать сияние знания, стойко защищать справедливость, подавать пример праведной жизни.

³⁵ Анализ правления Людовика в контексте подготовки к крестовым походам: *Jordan W. C. Louis IX and the Challenge of the Crusade*. Princeton, 1979.

³⁶ S. Bonaventurae Opera Omnia... Vol. IX. P. 36–37.

³⁷ Этого не было в предыдущей проповеди, что может служить доказательством того, что в ней описываются разные части общества, а не один *ordo*.

³⁸ Последние две функции высшего церковного порядка характеризуются термином *nobilitas*.

³⁹ Подробно об этом см. *Bériou N. Saint François, premier prophète de son ordre dans les sermons du XIIIe siècle // Mélanges de l'école française de Rome*. 1990. N 102. P. 535–556.

Именно этому разряду должен принадлежать орден нищенствующих монахов.

Во второй части проповеди Бонавентура напоминает лионским клирикам о грядущих испытаниях «затмением» в конце времен. Звезды почернеют, солнце закроется облаками, а луна больше не будет светить. Мир же, лишившись сияния церкви, лишится и справедливости, гарантом и источником которой является институт церкви.

Таким образом, иерархия церкви предназначена для того, чтобы поддерживать сияние справедливости в мире на всех уровнях, «затмение» же «небесных знаков» ведет к установлению порядка несправедливости. Именно поэтому церковь должна хранить историю и определять события в истории как знамения продвижения к Судному дню. Пока есть возможность отличать справедливое от несправедливого, используя категории истины, время Второго пришествия еще не пришло.

2

К XIII в. процесс политизации духовной власти понтифика (*auctoritas*) привел к ее распространению как на религиозные, так и на «светские» сферы⁴⁰. Тем временем, в период XII–XIII вв., во Франции сформировался тип власти административного управления (*potestas*), в своем оформлении многое заимствовавший из папской канцелярии⁴¹. Ситуация смешения представлений о природе власти предстает, например, в термине «*inquisiteurs*» (старофр. *enquêteurs*). Дю Канж указывает на первоначальное введение общего термина для церковных инквизиторов (преследование и суд еретиков) и следователей как королевских чиновников (расследование дел по неподчинению королевской власти)⁴². Можно ли предположить, что процессу изменения восприятия власти сопутствовала разработка идеологической политики новых социальных групп по вписыванию себя в существующую иерархию? Если этот фактор имел место быть — его можно зафиксировать. Для разработки методологии фиксации этого процесса необходимо вернуться к практике средневековой экзегезы.

Толкование библейского текста предполагалось на различных уровнях, в зависимости от подготовки аудитории, как было показано выше. Эта практика в контексте культуры памяти могла привести к такому восприя-

⁴⁰ *Хачатурян Н. А.* Король-*sacré* в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти). // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006. С. 21.

⁴¹ Динамика развития папской власти может быть прослежена по истории развития папской канцелярии (см. *Rocquaine F. La papauté au Moyen Age*. Paris, 1881).

⁴² *Inquisiteurs // du Cange Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort, 1883–1887. T. IV. P. 373–376.

тию текста, когда основной посыл заключался не в том, *что* написано, а *как*. Идеологическая информация могла заключаться в применении определенных риторических приемов, использовании устойчивых метафор для легитимизации текущего контекста и в конструировании новых с использованием библейского метатекста⁴³. Подобный способ построения послания (и его последующей записи) позволял выстраивать гибкую идеологию в иерархическом, внешне монолитном средневековом обществе. Например, позволял легитимизировать общество текущего момента, в преддверии Страшного суда.

Учитывая этот контекст, мы рассмотрим все четыре проповеди как единый комплекс представлений Бонавентуры об обществе накануне Страшного суда. Они связаны друг с другом толкованием одной цитаты и могут представлять собой единую систему символов. Сопоставление их внешних конструкций может дать представление о механике формирования идеологии, определении места францисканского ордена в современном проповеднику обществе.

В первых двух проповедях, где толкуются и «земная», и «небесная» части евангельской цитаты, мы сталкиваемся с представлением об истории: ее двигателе (соединение небесной и земной природы в Христе) и ее завершении (от определенного порядка через его ниспровержение к изначальному). При этом, как мы постарались показать выше, сам ход истории до ее завершения регулируется церковью. Проповедник у Бонавентуры должен играть роль посредника между Богом и Обществом в передаче знаний. Бонавентура соединяет навык толкования Писания и Знамений с апостолическим характером проповеди, что позволяет кардинально скорректировать представление о роли и предназначении францисканского ордена во второй половине XIII в. При этом проповедь по большей части обращается на христианскую общину, внутрь, а не вовне, как у первых францисканцев, агрессивных носителей нового знания и нового образа жизни, расширяющих пределы христианской общины в апостолическом порыве. Прерогатива обращения неверных должна перейти к другому участнику исторического процесса — королевской власти во Франции.

В последующих двух проповедях, обращенных к королевской семье и лионскому клиру, описывается проекция небесной иерархии на общество, современное Бонавентуре. Совместим уровни проповедей, спускаясь сверху вниз, от Солнца-Христа и высших иерархов к звездам-апостолам и монахам.

⁴³ Carruthers M. The book of memory: a study of memory in medieval culture. Cambridge, 2008. Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.

Описанию добродетелей Христа, воплощенных в земном мире, соответствует описание обязанностей высших иерархов церкви, призванных обеспечить справедливый и праведный порядок.

Добродетель бедности, главная для тех, кто желает следовать за Христом, соотносится с обоснованием права занимающих высшие церковные посты быть источником блистающей справедливости. Иерарх полностью очищен своим постом, символом вершины всех добродетелей⁴⁴.

Добродетель сострадания, в проповедях Бонавентуры связанная с такими терминами как милосердие (*misericordia*), справедливость (*justitia*) и христианское учение (*doctrina*)⁴⁵, соотносится с обязанностями высших иерархов по очищению христианского учения от ересей и всего мирского. Соответственно, добродетель сострадания могла служить конститутивным элементом при создании идеологом, легитимизирующих инквизиционные суды, в которых нищенствующие монахи представляли институциональную церковную власть⁴⁶. Третья добродетель, смирение, важнейшая для обозначения праведной власти в земном мире, соответствует обязанности высших иерархов по управлению делами курии. Незримые проводники институциональной административной власти, первоначально в римской курии, францисканцы и доминиканцы должны следовать этой добродетели. Людовик IX, смиренный король, заимствует у курии институт следователей на административном уровне⁴⁷.

Таким образом, во-первых, определение Дю Канжем термина «*inquisitores*» может быть дополнено новыми данными. Как следует из вышеизложенного, привлекая нищенствующих монахов к участию в административных расследованиях и в инквизиционных судах, руководство ордена должно было апеллировать к разным добродетелям, каждая из которых отвечала за тот или иной аспект деятельности проводников сакральной власти в обществе. Во-вторых, в «Большой легенде», последнем официальном жизнеописании Франциска Ассизского, Бонавентура утверждает, что министры ордена не должны занимать высоких цер-

⁴⁴ См. классическое исследование Эрнста Канторовича: *Kantorowicz E. Les Deux Corps du Roi. Essai sur la théologie politique du Moyen Age. Paris, 1989.*

⁴⁵ Если милосердному состраданию не сопутствует справедливая истина, то в таком случае сострадание скорее грех, чем добродетель (*S. Bonaventurae Opera Omnia... Vol. IX. P. 243*). Сам Христос, подающий пример любви и справедливости, назван *Doctor veracissimus* (*Ibid. P. 27*).

⁴⁶ Более того, эта добродетель могла лежать в основе топосов, подтверждающих правомерность инкорпорирования нищенствующих в университеты для разработки христианского учения.

⁴⁷ Дискуссии о происхождении этого института, его разнообразие см.: *Quand gouverner c'est enquêter. Les pratiques politiques de l'enquête princière (Occident, XIII–XIV siècles) / dir. Thierry Pécout. Paris, 2010.*

ковных постов⁴⁸. Это утверждение является результатом полувекового процесса самоопределения ордена как самостоятельной средневековой корпорации со своим уставом и своими обязанностями. Братья могут и должны выполнять волю праведной институциональной власти, быть ее проводниками, но они не могут быть источниками власти.

Рассмотрим второй уровень, символом которого является луна. В одной проповеди луна, обозначающая Богородицу, указывает пути обращения к Богу. В другой проповеди она символизирует нарастающую справедливость, которую осуществляет порядок клириков и докторов.

Необходимость подражать одной из важнейших добродетелей Богородицы, нравственности, основного инструмента дисциплины религиозного сословия, соответствует обязанностям клириков и докторов по определению и различению этапов истории человечества в его движении к Страшному суду. Строгий контроль тела и разума, дисциплина нравственности, все это позволяет вести теологические исследования истории как движения ко Второму пришествию. На этом основании в проповеди Бонавентуры университетские доктора включены в церковную иерархию, несмотря на то, что в реальности *Universitatis* яростно протестует против этой тенденции, сыгравшей важнейшую роль в конфликте между нищенствующими орденами и парижскими профессорами⁴⁹.

Прославлению рассудительности для подготовки пути веры соответствует определение клириков и докторов как управителей христианской общины. Являясь посредниками власти высших иерархов, они не устанавливают законы для нее, так же как церковь не создает путь спасения сама, а содержит его в достойном виде.

Наконец верности, проповедь которой являет общине власть Христа, соответствуют обязанности клириков давать общине духовное утешение. На этом уровне, *cura animarum*, францисканский орден причастен сообществу и клириков, и докторов. Соответственно, апеллируя к этой причастности, он мог обоснованно сочетать в своей деятельности такие занятия, как чтение проповедей, изучение теологии и принятие исповеди. Однако именно этот уровень был основным камнем преткновения для интеграции нищенствующих орденов в современное им общество. Претензии нищенствующих братьев на право исповеди и проповеди неизбежно вызывали новые этапы конфликта второй половины XIII в. между

⁴⁸ Bonaventura *Legenda Maior*... P. 584.

⁴⁹ Профессора Парижского университета стремились позиционировать университет как отдельную независимую ученую корпорацию: *Traver A. G. Secular and Mendicant Masters of the Faculty of Theology at the University of Paris, 1505–1523 // Sixteenth Century Journal. 1995. V. 26. N 1. P. 139–140.*

нищенствующими, парижскими профессорами и французским клиром. При этом первый виток конфликта был связан с парижскими профессорами, а последний уже с клиром, апогей которого пришелся на 1282 г., после издания буллы Мартина IV «*Ad fructus uberes*»⁵⁰.

В 1260 г. на Нарбоннском капитуле была принята Нарбоннская конституция, поощрявшая ученые штудии братьев в университетах⁵¹. А в 1279 г., спустя пять лет после смерти Бонавентуры, вышла булла Николая III⁵². Соответственно булле, братья на законных основаниях могли посвятить себя научным занятиям и церковной службе, в том числе проповедям и исповедям. В рассматриваемых проповедях мы наблюдаем промежуточный этап формирования идеологии, между постановлениями Нарбоннского собора и буллой Николая III. Обязанности братьев нищенствующих орденов, ученых докторов и клириков еще не объединены, но уже максимально сближены за счет идеологического приема. Представление о проповеди как средстве апостолического распространения ордена в мире уступает место представлению о проповеди как явлению миру результатов экзегезы Священного писания, занятия ученых докторов. Бонавентура неявно включает орден в один порядок церковной иерархии наравне с клириками и докторами благодаря позиционированию ордена как проводника власти, в данном случае — высшей власти Христа, совершенным подражателем которого является основатель ордена, св. Франциск Ассизский.

Наконец, третий знак, звезды, символизирует и святое воинство апостолов, и монахов и «прочих низших», восстанавливающих справедливость.

Апостолы обозначены как активные проводники власти Христа, в то время как монахи, восполняющие справедливость, источаемую высшими чинами церковной иерархии, обозначены как пассивные проводники церковной власти. Сочетание активной позиции апостолов и пассивной позиции монахов дает неожиданный эффект — эффект обоснования включения нищенствующего монашества в мир. При этом, как мы полагаем, в данных проповедях Бонавентура решает проблему монашества

⁵⁰ О конфликтах клира и ордена по поводу *cura animarum* см. *Glorieux P. Prélats français contre religieux mendiants. Autour de la bulle : «Ad fructus uberes» (1281–1290) // Revue d'histoire de l'Église de France. 1925. V. 11. N 52–53. P. 309–331, 471–495.*

⁵¹ *Chartularium universitatis Parisiensis*... T. I. P. 413 (предписания миноритам об отправке студентов в Париж, май, 1260). Следующий документ — предписания доминиканцев (не первые).

⁵² Латинский текст см.: <http://www.franciscan-archive.org/bullarium/exiit-1.html> Дата обращения: 15.05.2013.

в миру за счет переноса монашеской символики на крестовое воинство, во главе которого стоит Людовик IX.

При сохранении устойчивой ассоциации монашества как рыцарей Христа, в проповедях мы можем зафиксировать этап переноса библейской символики, относящейся к королевской власти, на самого короля через соотнесение его образа с образом монаха⁵³. Соединение идеи монашества и королевской власти приобретает особый интерес в свете истории становления королевской власти во Франции и роли в этом процессе францисканского ордена. Всю вторую половину XIII в. францисканцы-следователи служили проводниками королевской власти в местах, не охваченных институциональным контролем⁵⁴. В то же время францисканцы создают проповеди и трактаты, призванные сформировать праведную королевскую власть, идеального государя, заботящегося о наведении справедливого порядка в королевстве⁵⁵.

Заключение

К 1274 г., году смерти Бонавентуры, орден был плотно инкорпорирован в структуры римской курии и королевской во Франции, меньшие братья начали сознательное сражение за право участвовать на равных в теологических дискуссиях доминиканцев и Парижских профессоров. В проповедях, прочитанных Бонавентурой, скорее всего, в 60-х гг. XIII в., с одной стороны, отражается саморепрезентация ордена на переходном этапе его становления как ученой корпорации. С другой стороны, мы наблюдаем один из моментов истории королевской власти во Франции при Людовике IX, попытку соединения королевской власти и власти нищенствующих орденов как посредников власти Христа.

Суммируем и обозначим выделенные нами представления Бонавентуры о месте и обязанностях ордена в современном ему обществе.

(1) Образу Христа через знак «бедности» причастен образ Франциска Ассизского, незримого покровителя ордена. Благодаря ему францисканцы занимают место в общественной иерархии накануне Второго пришествия и получают возможность активно включаться в самые разнообразные слои христианской общины.

(2) Отказ Бонавентуры от апостолического характера проповеди позволяет братьям стать частью университета, который, в свою очередь,

⁵³ *Vic P. L'ambiguïté du Livre: prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la bible au Moyen Âge.* Paris, 1994.

⁵⁴ См. документ 727 в собрании *Correspondance administrative d'Alfonse de Poitiers* / Ed. Molinier A. Paris, 1894. V. I. P. 464–468.

⁵⁵ *Guibert de Tournai, O.F.M. Eruditio regum et principum* / Ed. A. de Poorter. Louvain, 1914.

в рассмотренных проповедях Бонавентуры является частью исключительно церковной системы. При этом помещение проповеди и обязанностей духовного утешения на один уровень дает братьям возможность принимать исповедь наравне со священниками.

(3) Источником справедливости в мире является церковь. Однако вероятное наделение королевской власти апостолическими признаками делают королевскую власть причастной источнику справедливости. Это, в свою очередь, легитимизирует службу францисканского ордена в ее административных структурах.

(4) Орден, как общественный институт, является необходимой составляющей средневекового общества, готовящегося к наступлению Второго пришествия Христа. При этом орден, чья основная функция быть посредниками власти, оказывается причастен всем ступеням иерархии общества и Церкви.

Информация о статье:

Автор: Кравцова Елена Сергеевна, к.и.н., ГМИР (ОРПК), kravtsova.kes@gmail.com

Заголовок: Erunt signa in sole et luna et stellis: место францисканского ордена во второй половине XIII в. в средневековом обществе по проповедям Бонавентуры

Резюме: Статья посвящена проблеме формирования идеологии, которая позволяла францисканскому ордену осуществлять административную деятельность в структурах церковной и королевской власти во Франции в процессе его институционализации во второй половине XIII в. В качестве основного источника рассмотрены четыре проповеди Бонавентуры, генерального министра францисканского ордена во второй половине XIII в. Проповеди посвящены цитате из Евангелия от Луки «Были знаки на солнце, луне и звездах» (21, 25).

Первая проповедь была произнесена перед народом в Лионе, две перед королем и его семьей в Париже, четвертая — перед клиром в Лионе. В зависимости от аудитории Бонавентура изменял содержания проповедей. Особое внимание уделяется последним двум проповедям, в которых рассматривается иерархия средневекового общества и церкви в их проекции на небесные светила. Анализ проповедей по отдельности, выделение структурных элементов и последующее их совмещение позволили выстроить предположения об идеологическом представлении Бонавентуры о месте францисканского ордена в обществе текущего момента.

Исследование показывает, каким образом Бонавентура обосновывает право ордена на проникновение во все сферы средневекового общества как проводников праведной власти, исходящей от Христа, и защитников справедливости, исходящей от высших иерархов церкви. С одной стороны, легитимизируется право ордена на ученые занятия и проповеди, наравне с магистрами средневековых университетов, и на духовное утешение, наравне с клиром. С другой стороны, про-

исходит перенос апостолической символики на королевскую власть во Франции, что легитимизирует службу ордена королевской власти.

Эта идеология соответствует последнему переходному этапу в трансформации ордена от апостолического движения к ученой корпорации, выполняющей заказы как католической административной структуры, так и королевской во Франции.

Ключевые слова: Проповедь, францисканский орден, средневековое общество, Бонавентура, Людовик IX.

Список литературы:

Battais, Lise. La courtoisie de François d'Assise. Influence de la littérature épique et courtoise sur la première génération franciscaine // *Mélanges de l'école française de Rome.* 1997. Vol. 109. N 1. P. 131–160.

Bériou, Nicole. Saint François, premier prophète de son ordre dans les sermons du XIIIe siècle // *Mélanges de l'école française de Rome.* 1990. N 102. P. 535–556.

Bloomfield, Morton Wilfred. Reeves, Marjorie E. The Penetration of Joachism into Northern Europe // *Speculum.* 1954. Vol. 29. N 4. P. 772–793.

Buc, Philippe. L'ambiguïté du Livre: prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la bible au Moyen Âge. Paris: Beauchesne, 1994. 427 p.

Carolus-Barré, Louis. Le Procès de canonisation de Saint Louis (1272–1297). Essai de reconstitution. Rome: Ecole Française de Rome, 1994. 325 p.

Carruthers, Mary. The book of memory: a study of memory in medieval culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 519 p.

Congar, Yves M.-J. Aspects ecclésiologiques de la querelle entre Mendians et séculiers dans la seconde moitié du XIII et au début de XIV siècle // *Archive d'histoire doctrinale et littérature de Moyen Ages.* 1961. P. 35–151.

Daniel, Randolph Emmett. A Re-Examination of the Origins of Franciscan Joachism // *Speculum.* 1968. V. 43. N 4. P. 671–676.

D'Avray, David L. The preaching of the friars. Sermons diffused from Paris before 1300. New York: Clarendon Press, Oxford University Press, 1985. 313 p.

Fassler, Margot Elsbeth. Sermons, Sacramentaries, and Early Sources for the Office in The Latin West. The example of Advent // *The Divine Office in the Latin Middle Ages: Methodology and Source Studies / Ed. By Margot E. Fassler, Rebecca A. Baltzer.* Oxford: Oxford University Press, 2000. 656 p.

Gaposchkin, Marianne Cecilia. The Making of Saint Louis Kingship, Sanctity, and Crusade in the Later Middle Ages. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2008. 331 p.

Gilson, Étienne. La Philosophie de Saint Bonaventure. Paris: J. Vrin, 1943. 417 p.

Glorieux, Palémon. Prélats français contre religieux mendians. Autour de la bulle: «Ad fructus uberes» (1281–1290) // *Revue d'histoire de l'Église de France.* 1925. V. 11. N 52–53. P. 309–331, 471–495.

Gratien de Paris, O. M. C. Histoire de la fondation et de l'évolution des Frères mineurs au XIIIe siècle. Paris. Librairie Saint-François d'Assise; et Gembloux: Librairie J. Duculot, 1928. XXIV–699 p.

Jordan, William Chester. Louis IX and the Challenge of the Crusade. Princeton, New-York: Princeton University Press, 1979. XV–291 p.

Kantorowicz, Ernst Hartwig. Les Deux Corps du Roi. Essai sur la théologie politique du Moyen Age. Paris: Gallimard, 1989. 638 p.

Le Goff, Jacques. La naissance du purgatoire. Paris: Ed. Gallimard, 1981. 516 p.

Little, Lester K. Saint Louis' Involvement with the Friars // *Church History.* 1964. Vol. 33. N 2. P. 124–148.

Little, Lester K. Religious Poverty and the Profit Economy in Medieval Europe. London: P. Elek, 1978. XI–267 p.

Quand gouverner c'est enquêter. Les pratiques politiques de l'enquête princière (Occident, XIII–XIV siècles): actes du colloque international d'Aix-en-Provence et Marseille, 19–21 mars 2009 / dir. Thierry Pécout. Paris: De Boccard, 2010. 627 p.

Reeves, Marjorie. The Influence of Prophecy in the Later Middle Ages: A Study in Joachitism. Oxford: Oxford University Press, 1969. XIV–575 p.

Rocquaine, Félix. La papauté au Moyen Age. Paris: Didier, 1881. XII–393 p.

Traver, Andrew C. Secular and Mendicant Masters of the Faculty of Theology at the University of Paris, 1505–1523 // *Sixteenth Century Journal.* 1995. V. 26. N 1. P. 139–140.

Аверинцев, Сергей Сергеевич. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. 448 с.

Ле Гофф, Жак. Людовик IX Святой. М.: Ладомир, 2001. 800 с.

Пти-Дютайи, Шарль. Феодалная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 410 с.

Хачатурян, Нина Александровна. Король-сакре в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) // *Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / под ред. Н. А. Хачатурян.* М.: Наука, 2006. 485 с.

Черутти, Симона. Скорый суд (Практика и идеалы правосудия в обществе Старого порядка (Турин XVIII века)) // *Неприкосновенный запас.* 2005. № 4. С. 5–18.

Эксле, Отто Герхард. Memoria и мемориальная традиция в раннее средневековье. // *Эксле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья.* М.: Новое литературное обозрение, 2007. 360 с.

Information about the article:

Author: Kravtsova Elena Sergeevna, Ph. D. in History, Russia, St.-Petersburg, The State Museum of the History of Religion, Department of manuscripts and rare books, kravtsova.kes@gmail.com;

Title: Erunt signa in sole et luna et stellis: the place of the Franciscan Order in the second half. XIII century in medieval society by the sermons of st. Bonaventure

Summary: The subject of articles is one of the important problems of “the history of power” in the France the second half of the 13th century: formation of ideology, which allowed the Franciscan order incorporated in the royal and ecclesiastical administrative

structures in the process of its institutionalization. As a principal source used four sermons of the st. Bonaventure, General Minister of the Franciscan order in 1257–1273, to quote from the Gospel of Luke: *Erunt signa in sole et luna et stellis* (21, 25).

First sermon was preached to the people in Lyon, the second and the third before the king and his family in Paris, the fourth to the clergy in Lyon. Depending on the audience Bonaventura changed the content of sermons. Special attention is paid to the last two sermons, which examined the hierarchy of medieval society and the Church in their projections on heavenly bodies. Analysis of sermons separately, selection of structural elements and their subsequent combination allowed to build hypothesis about the ideological presentation of st. Bonaventure about the place of the Franciscan order in the society of the current moment.

The study shows how Bonaventura justifies the penetration of the friars in all circles of medieval society as guards' pious authority from Christ and defenders of justice, coming from the top hierarchs of the Church. On the one part, the order establishes a right of studies, sermons and spiritual consolation, along with the clergy and professors of the medieval universities. On the other part, in the result of the transfer of the Apostolic symbols on Royal authority in France becomes valid service in its administrative structures.

Key words: Sermons, Franciscan Order, medieval society, st. Bonaventure, Louis IX.

References:

Battais, Lise. La courtoisie de François d'Assise. Influence de la littérature épique et courtoise sur la première génération franciscaine // *Mélanges de l'école française de Rome.* 1997. Vol. 109. N 1. P. 131–160.

Bériou, Nicole. Saint François, premier prophète de son ordre dans les sermons du XIIIe siècle // *Mélanges de l'école française de Rome.* 1990. N 102. P. 535–556.

Bloomfield, Morton Wilfred. Reeves, Marjorie E. The Penetration of Joachism into Northern Europe // *Speculum.* 1954. Vol. 29. N 4. P. 772–793.

Buc, Phillippe. L'ambiguïté du Livre: prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la bible au Moyen Âge. Paris: Beauchesne, 1994. 427 p.

Carolus-Barré, Louis. Le Procès de canonisation de Saint Louis (1272–1297). Essai de reconstitution. Rome: Ecole Française de Rome, 1994. 325 p.

Carruthers, Mary. The book of memory: a study of memory in medieval culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 519 p.

Congar, Yves M.-J. Aspects ecclésiologiques de la querelle entre Mendicants et séculiers dans la seconde moitié du XIII et au début de XIV siècle // *Archive d'histoire doctrinale et littérature de Moyen Ages.* 1961. P. 35–151.

Daniel, Randolph Emmett. A Re-Examination of the Origins of Franciscan Joachitism // *Speculum.* 1968. Vol. 43. N 4. P. 671–676.

D'Avray, David L. The preaching of the friars. Sermons diffused from Paris before 1300. New York: Clarendon Press, Oxford University Press, 1985. 313 p.

Fassler, Margot Elsbeth. Sermons, Sacramentaries, and Early Sources for the Office in The Latin West. The example of Advent // *The Divine Office in the Latin Middle Ages:*

Methodology and Source Studies / Ed. By Margot E. Fassler, Rebecca A. Baltzer. Oxford: Oxford University Press, 2000. 656 p.

Gaposchkin, Marianne Cecilia. The Making of Saint Louis Kingship, Sanctity, and Crusade in the Later Middle Ages. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2008. 331 p.

Gilson, Étienne. La Philosophie de Saint Bonaventure. Paris: J. Vrin, 1943. 417 p.

Glorieux, Palémon. Prélats français contre religieux mendiants. Autour de la bulle: «Ad fructus uberes» (1281–1290) // *Revue d'histoire de l'Église de France.* 1925. V. 11. N 52–53. P. 309–331, 471–495.

Gratien de Paris, O. M. C. Histoire de la fondation et de l'évolution des Frères mineurs au XIIIe siècle. Paris. Librairie Saint-François d'Assise; et Gembloux: Librairie J. Duculot, 1928. XXIV–699 p.

Jordan, William Chester. Louis IX and the Challenge of the Crusade. Princeton, New-York: Princeton University Press, 1979. XV–291 p.

Kantorowicz, Ernst Hartwig. Les Deux Corps du Roi. Essai sur la théologie politique du Moyen Age. Paris: Gallimard, 1989. 638 p.

Le Goff, Jacques. La naissance du purgatoire. Paris: Ed. Gallimard, 1981. 516 p.

Little, Lester K. Saint Louis' Involvement with the Friars // *Church History.* 1964. Vol. 33. N 2. P. 124–148.

Little, Lester K. Religious Poverty and the Profit Economy in Medieval Europe. London: P. Elek, 1978. XI–267 p.

Quand gouverner c'est enquêter. Les pratiques politiques de l'enquête princière (Occident, XIII–XIV siècles): actes du colloque international d'Aix-en-Provence et Marseille, 19–21 mars 2009 / dir. Thierry Pécout. Paris: De Boccard, 2010. 627 p.

Reeves, Marjorie. The Influence of Prophecy in the Later Middle Ages: A Study in Joachitism. Oxford: Oxford University Press, 1969. XIV–575 p.

Rocquaine, Félix. La papauté au Moyen Age. Paris: Didier, 1881. XII–393 p.

Traver, Andrew C. Secular and Mendicant Masters of the Faculty of Theology at the University of Paris, 1505–1523 // *Sixteenth Century Journal.* 1995. V. 26. N 1. P. 139–140.

Averintsev, Sergey Sergeevich. Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 448 s.

Le Goff, Zhak. Lyudovik IX Svyatoy. M.: Ladimir, 2001. 800 S.

Pti-Dyutayi, Sharl'. Feodal'naya monarhiya vo Francii I v Anglii X–XIII vekov. Moskva: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1938. 410 s.

Khachaturyan, Nina Aleksandrovna. Korol'-sacré v prostranstve vzaimootnosheniy duhovnoy I svetskoy vlasti v srednevekovoy Evrope (morfologiya ponyatiya vlasti), in *Svyashchennoe telo korolya. Ritualy I morfologiya vlasti / pod red. N. A. Khachaturyan.* M.: Nauka, 2006. 485 s.

Cherutti, Simona. Skoriy sud (Praktika I idealy pravosudiya v obshchestve Starogo poryadka (Turin XVIII veka)), in *Neprikosnovenny zapas.* 2005. N 4. S. 5–18.

Eksle, Otto Gerhard. Memoria I memorial'naya traditsiya v rannee srednevekov'e / Eksle O. G. *Deystvitel'nost' I znanie: ocherki sotsial'noy istorii Srednevekov'ya.* M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 360 s.

ББК 63. 3 (0) 4 УДК 94(44).029

Hugues Daussy

**UN PHÉNOMÈNE EUROPÉEN?
PEUT-ON PARLER DE «RÉPUBLIQUES CALVINISTES»
EN FRANCE DANS LA SECONDE MOITIÉ DU XVIe SIÈCLE?***

Pendant la seconde moitié du xvie siècle, à la faveur de l'affaiblissement de l'autorité monarchique suscité par les guerres civiles, nombre de villes du royaume de France ont cherché à conquérir une plus ou moins grande autonomie au détriment du pouvoir royal. Dans l'immense majorité des cas, cette conquête fut d'ailleurs plutôt vécue comme une reconquête, celle des privilèges, franchises et libertés acquis au Moyen Âge, puis partiellement perdus sous les règnes de François Ier et Henri II. Au nombre de ces cités en quête d'autonomie figurent bien des villes dominées par les catholiques et, parmi elles, la plupart des villes ligueuses. On pense par exemple à Morlaix, Saint-Malo ou encore Marseille¹. Les communautés urbaines contrôlées par les calvinistes ont aussi participé à ce mouvement d'ensemble. La Rochelle, bien sûr, mais aussi de très nombreuses cités du sud du royaume, comme Montauban, Nîmes et Castres, ont également tenté d'imposer à la monarchie le respect de leurs privilèges. Dans tous les cas, que la communauté soit catholique ou qu'elle soit réformée, cette affirmation d'identité municipale s'est généralement accompagnée d'une exaltation de l'identité religieuse. Est-il opportun de qualifier de «républiques» ces entités urbaines devenues, pour un nombre d'années éminemment variable, quasiment autonomes ? La question est d'autant plus ouverte que la définition du mot «république» est mouvante dans la France du xvie siècle. Si l'on retient le sens d'un régime politique reposant sur le principe d'une souveraineté partagée, la

notion semble parfaitement compatible avec l'expérience vécue par ces villes, mais l'emploi du terme ne cesse toutefois de poser des problèmes, notamment dans la perspective du rapport d'obéissance ou de désobéissance que ces communautés entretiennent avec l'autorité royale. Afin de caractériser le comportement adopté par les municipalités de ces cités calvinistes, on observera tout d'abord que leur conduite s'inscrit dans une tradition de défense des privilèges urbains acquis à l'époque médiévale, indépendante du contexte religieux. Il conviendra ensuite d'évaluer leur attitude à l'égard du pouvoir royal dès lors que, passées totalement et durablement sous domination réformée, ces villes se sont ouvertement engagées au service de la cause huguenote.

Le 9 janvier 1568, le jeune maire protestant François Pontard fait soudainement adhérer La Rochelle au parti huguenot du prince de Condé². Le refus de voir s'introduire une garnison royale dans la ville est à l'origine de son coup de force. Élu à la Quasimodo 1567 pour l'année municipale 1567-1568, François Pontard, réformé zélé, rompt ainsi avec la politique antérieure d'obéissance absolue au roi. Il est convaincu que la ville ne peut plus afficher une soumission sans réserve aux volontés du souverain sans renoncer à une partie de ses privilèges politiques³. Cet événement consacre la victoire des calvinistes zélés sur les modérés et ouvre l'ère de la véritable autonomie de la cité⁴.

Les privilèges politiques que le premier magistrat de la ville entend alors défendre ont été progressivement concédés depuis le xiie siècle. Ils sont les composantes de la constitution municipale rochelaise qui prend la forme d'un contrat. À l'origine de ce système se trouve la détermination des princes qui ont voulu créer des communes urbaines au détriment des seigneurs insoumis. Cette politique, suivie par les souverains à l'égard de La Rochelle, n'est pas réservée à la cité aunisienne. Bien d'autres villes du royaume ont bénéficié de l'octroi de privilèges identiques afin de mieux affaiblir le pouvoir des seigneurs. En contrepartie de cette manifestation de libéralité, ces cités devaient fidélité au roi. Ainsi, c'est en 1131 que Guillaume X d'Aquitaine a favorisé le développement de La Rochelle contre la forteresse seigneuriale de Châtelailion en lui accordant le droit de commune. En 1137, le roi de France Louis VII, qui avait annexé le duché d'Aquitaine au domaine royal en épousant Aliénor, fille de Guillaume X, a confirmé ces privilèges⁵. En 1152, Henri II Plantagenêt, second mari d'Aliénor, a accordé à la ville une forteresse pour abriter une garnison. Puis peu à peu, au fil du temps,

* Опубликовано: Des villes en révolte. Les républiques urbaines aux Pays-Bas et en France pendant la deuxième moitié du xvie siècle / Études réunies par *Monique Weis* // *Studies in European Urban History*. N 23, Turnhout: Brepols, 2010. P. 65-76.

¹ Ce sont les trois cas étudiés par *Yves Durand*. Les républiques urbaines en France à la fin du xvie siècle // *Annales de la Société d'histoire et d'archéologie de l'arrondissement de Saint-Malo*, 1990. P. 205-244. L'article évoque également la situation de La Rochelle. Voir aussi, du même auteur: *Yves Durand*. Les républiques au temps des monarchies. Paris: P.U.F., 1973. P. 205-244.

© Hugues Daussy, 2013

² *Amos Barbot*. Histoire de La Rochelle depuis l'an 1199 jusques en 1575 / Publiée par Denys d'Aussy en trois parties dans les tomes 14 (1886), 17 (1889) et 18 (1890) // *Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis*; tome 17, 1889. P. 257-261. *Louis-Etienne Arcere*. Histoire de la ville de La Rochelle et du pays d'Aulnis. tome I, La Rochelle: Durand, 1756. P. 356.

³ *Pascal Rambeaud*. La Rochelle fidèle et rebelle. Paris: Le Croît vif, 1999. P. 68.

⁴ *Ibid.* P. 69.

⁵ *Ibid.* P. 76.

au fur et à mesure des confirmations et des extensions de privilèges octroyés par les souverains successifs, le *corpus* juridique s'est enrichi. En 1372, notamment, après avoir chassé les Anglais, les Rochelais ont obtenu du roi Charles V qu'il n'y aurait plus de forteresse dans la ville⁶. Par conséquent, il n'y aurait plus de garnison. Cette exemption de garnison donnait de fait aux Rochelais une indépendance militaire qui affirmait totalement leur liberté politique. En vertu de son titre de «clé de France», La Rochelle, en qualité que port de mer et «ville frontière», avait également le droit d'entretenir toute l'année une milice pour se défendre⁷. D'autres privilèges dispensaient les Rochelais du service militaire du roi et les autorisaient à recevoir des soldats étrangers dans leur cité.

La constitution municipale de la ville a donc été élaborée très progressivement. La charte qui valide officiellement l'organisation politique des Rochelais date de 1199⁸ et s'inspire très probablement du modèle rouennais⁹. Au xvie siècle, le corps de ville est ainsi composé de soixante-quinze pairs élus à vie, de vingt-quatre échevins, également désignés à vie, et d'un maire choisi pour un an au terme d'un processus électif. Seuls les bourgeois, véritables citoyens de la ville, peuvent devenir pairs ou échevins¹⁰. La Rochelle bénéficie aussi de très nombreuses franchises fiscales. Il s'agit d'exemptions accordées dès le xie siècle afin de stimuler la croissance de l'économie rochelaise destinée à renforcer le pouvoir municipal naissant censé affaiblir la puissance des seigneurs locaux¹¹. Les Rochelais sont ainsi affranchis de presque toutes les tailles, de la réquisition des chevaux par l'armée royale, des péages dans tout le royaume, de l'impôt militaire, de corvée royale, des impôts royaux du dixième, du treizième et de la gabelle.

Tous ces avantages, couchés sur parchemin, constituent un arsenal juridique jalousement conservé et enfermé au premier étage de la tour de Moureilles¹². Tout au long de la seconde moitié du xvie siècle, et jusqu'en 1628, les Rochelais n'ont cessé de se référer à ces textes. Les échevins et pairs ont ainsi tenu le discours de la monarchie contractuelle médiévale à une époque où le pouvoir royal tenait déjà celui de la monarchie absolue¹³. Ce contrat n'a en effet été scrupuleusement respecté que jusqu'au début du xvie siècle, puis qu'à partir du règne de François Ier, l'État royal a commencé à grignoter les privilèges de la ville. En juillet 1535, profitant d'un conflit interne à la cité, né entre le corps de ville et les bourgeois pour des raisons fiscales, le roi a ainsi supprimé la constitution municipale, l'«antique commune» rochelaise¹⁴. Le gouverneur nommé par le roi afin de résoudre ce conflit, Charles Chabot de Jarnac, est alors devenu maire perpétuel et, en 1542, une garnison a été placée dans la ville¹⁵. Le système a fonctionné treize ans, jusqu'en juillet 1548, lorsque Henri II a rétabli la constitution municipale en échange de la neutralité des Rochelais pendant la révolte contre la gabelle¹⁶. Mais les empiètements du pouvoir royal sur les privilèges de la ville se sont poursuivis, notamment par le grignotage des prérogatives du tribunal municipal¹⁷. Sur le plan économique aussi, la fiscalité royale s'est efforcée de regagner du terrain¹⁸.

Déjà échaudés par ces atteintes portées à leur constitution municipale dans la première moitié du siècle, les Rochelais ont encore été marqués par l'entrée dans la ville du duc de Montpensier avec ses soldats, en 1562. Elle s'est concrétisée par l'interdiction du culte réformé dans l'enceinte urbaine et par la déposition du maire, jugé trop favorable aux calvinistes zélés, en contravention avec les privilèges de la ville. Le duc a laissé 1200 hommes de garnison à son départ¹⁹. La garnison de 300 hommes, installée pour deux ans après le passage de Charles IX en mars 1565 à l'occasion de son «tour de France»²⁰, s'est avérée un instrument de surveillance des protestants zélés. En 1567, le contingent a certes quitté la cité, mais le roi a presque aussitôt déclaré sa volonté de le rétablir.

Dans ce contexte, le coup de force de François Pontard, en janvier 1568, est considéré par les Rochelais comme un effort de rétablissement du contrat passé jadis entre les rois de France et la ville. Aux yeux du monarque, il est en revanche un signe de rébellion²¹. Pour Pontard et une grande partie des échevins rochelais, le refus de garnison est tout à fait légal en vertu des privilèges accordés par Charles V en 1372. Peu à peu, la fermeté manifestée par les Rochelais

¹⁴ *Amos Barbot*. Histoire de La Rochelle... Tome 17, 1889. P. 2–6.

¹⁵ *Ibid.* P. 12–13.

¹⁶ *Ibid.* P. 60–68.

¹⁷ Pour le récit détaillé des relations entre la ville et le pouvoir royal de 1535 à 1548, voir *Kevin C. Robbins*. *City on the Ocean Sea: La Rochelle, 1530–1650. Urban Society, Religion and Politics on the French Atlantic Frontier*. Leiden: Brill, 1997. P. 79–93.

¹⁸ *Pascal Rambeaud*. La Rochelle fidèle et rebelle. P. 87–88.

¹⁹ *Kevin C. Robbins*. *City on the Ocean Sea ...* P. 189; et *Amos Barbot*. Histoire de La Rochelle... Tome 17, 1889. P. 179–191; *Louis-Etienne Arcere*. Histoire de la ville de La Rochelle... Tome I. P. 339–340.

²⁰ *Amos Barbot*. Histoire de La Rochelle... Tome 17, 1889. P. 227.

²¹ *Pascal Rambeaud*. La Rochelle fidèle et rebelle. P. 78–80.

⁶ *Amos Barbot*. Histoire de La Rochelle... Tome 14, 1886. P. 207–208.

⁷ *Pascal Rambeaud*. La Rochelle fidèle et rebelle. P. 77.

⁸ *Amos Barbot*. Histoire de La Rochelle... Tome 14, 1886. P. 47–53.

⁹ *Arthur Giry*. Les établissements de Rouen. Vol. 1. Paris, 1883; reprint: Genève: Slatkine reprints, 1975. P. 67–84.

¹⁰ Pour les détails du fonctionnement du système, voir *Pascal Rambeaud*. La Rochelle fidèle et rebelle. P. 73–76.

¹¹ *Pascal Rambeaud*. La Rochelle fidèle et rebelle. P. 85.

¹² *Judith Pugh Meyer*. Reformation in La Rochelle: tradition and change in early modern Europe (1500–1568). Genève: Droz, 1996. P. 20.

¹³ *Pascal Rambeaud*. La Rochelle fidèle et rebelle. P. 124.

est récompensée par la restitution de leurs anciens privilèges. L'édit de Saint-Germain d'août 1570 accorde à la ville ce qu'elle revendique depuis 1568, c'est-à-dire l'exemption de garnison et de gouverneur, mais seulement pour deux ans. Le récit laissé par Amos Barbot²², avocat au siège présidial de La Rochelle, bailli du grand fief d'Aunis, ardent défenseur des droits de la commune et protestant zélé, sans doute rédigé vers 1613²³, témoigne sans ambiguïté du rôle essentiel joué par la défense des privilèges de la cité dans la confrontation avec l'autorité royale. C'est avant tout pour restaurer leur «liberté opprimée»²⁴ que les édiles municipaux ont osé réclamer au souverain le respect des engagements pris par ses prédécesseurs, même si, à partir de 1568, leur revendication s'est doublée d'une prise de parti politico-religieuse.

Pour emblématique et exemplaire qu'il soit, le cas rochelais n'est pas pour autant unique parmi les villes françaises dominées par les calvinistes pendant la seconde moitié du xvie siècle. Dans le Sud, au cœur des provinces les plus densément peuplées de réformés, Montauban mérite également l'attention. Le régime consulaire y a été institué par la charte de 1195, lorsque la ville a reçu du comte de Toulouse ses premiers privilèges et franchises, en récompense de l'aide qu'elle lui a apportée dans la lutte contre les Anglais. Depuis, la cité et son seigneur sont unis par un serment. Ce seigneur, qui est le roi de France depuis 1271, doit notamment jurer de respecter les franchises de la ville²⁵. Comme à La Rochelle, il existe donc dès l'origine une dimension contractuelle dans la relation que la cité entretient avec le pouvoir royal.

Au début du xvie siècle, ce sont six consuls qui dirigent la ville, élus par une assemblée de vingt-quatre habitants. Ce conseil est lui-même élu par l'assemblée des chefs de famille. Les consuls sont censés représenter la ville: le premier est un noble ou un avocat, le deuxième un officier, le troisième un marchand, le quatrième un tabellion, le cinquième un artisan et le sixième un paysan qui représente les gens des faubourgs. Les pouvoirs de ces consuls sont très étendus. Montauban, comme nombre de villes méridionales, se gouverne toute seule. Les consuls répartissent et lèvent les impôts royaux, retenant pour leurs besoins ce qui est nécessaire. Ils possèdent également un pouvoir judiciaire important

²² Amos Barbot. Histoire de La Rochelle... Le titre du manuscrit original autographe, conservé à la Bibliothèque nationale de France (Fds. fr. 18968 et 18969) est plus évocateur de son contenu que celui donné à sa publication dans les *Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis: Inventaire des titres, chartes et privilèges de La Rochelle et pais d'Aunis, depuis l'établissement du corps de ville, avec les illustres maisons qui ont tiré leur origine de la mairie de La Rochelle, jusqu'en 1574*, par Amos Barbot, *escuier, bailly du grand fief d'Aunis, advocat en Parlement et siège présidial de La Rochelle, l'un des pairs du conseil ordinaire des maires, eschevins et pairs de La Rochelle*.

²³ Arthur Giry. Les établissements de Rouen. P. 59.

²⁴ Amos Barbot. Histoire de La Rochelle... Tome 17, 1889. P. 6.

²⁵ Daniel Ligou (dir.). Histoire de Montauban. Toulouse: Privat, 1992. P. 32–33.

dans les domaines civil et criminel²⁶. Ils ont aussi une totale liberté de police, c'est-à-dire d'administration intérieure. Ils organisent enfin la milice urbaine et se chargent de mettre en armes la ville et d'entretenir ses ouvrages défensifs²⁷. Le roi est seulement représenté par une cour de justice et d'administration que l'on appelle le tribunal sénéchal, composée d'officiers qui achètent leur charge. Le lieutenant principal, un officier, entouré des officiers du tribunal sénéchal, représente le Sénéchal du Quercy, établi à Cahors et qui ne vient que rarement visiter la ville²⁸. En somme, Montauban serait presque totalement autonome sans la présence de ces officiers royaux²⁹.

Les protestants s'emparent progressivement de Montauban au cours de l'année 1561. À la fin de l'année, leur domination sur la cité est complète³⁰, mais ce n'est qu'à partir de 1567, après un bref partage du consulat avec les catholiques³¹, que leur contrôle sur la ville devient durablement absolu. Ils conserveront le monopole des magistratures municipales jusqu'en 1632. L'importance de la défense des privilèges comme élément structurant des relations du corps de ville avec le roi est évidente dans la harangue prononcée par le premier consul, Hugues de Bonencontre, devant le roi lors de son entrée dans la cité le 20 mars 1565. Non sans lui avoir réaffirmé l'obéissance de la cité, il lui demande expressément de laisser à la ville le bénéfice de ses «privilèges, franchises et prérogatives». Comme à La Rochelle, la formulation employée laisse transparaitre l'idée du contrat impliquant des obligations réciproques³².

Lorsqu'ils prennent le contrôle du consulat, les calvinistes rochelais et montalbanais ne font donc que perpétuer une tradition municipale solidement ancrée en réclamant au roi le respect des privilèges de leur cité. Mais jusqu'en 1567 pour Montauban et 1568 pour La Rochelle, la domination réformée n'est pas absolue. À la faveur de la deuxième guerre civile, les réformés prennent définitivement le contrôle de nombreuses villes. En quelques années, surtout après la Saint-Barthélemy, l'attitude de ces nouveaux bastions de la résistance huguenote se fait plus radicale. Qu'en est-il, désormais, de leurs relations avec la monarchie ?

À La Rochelle, c'est après le massacre parisien du 24 août 1572 qu'un durcissement très net se produit. Les Rochelais, très méfiants, refusent de recevoir

²⁶ Philip Conner. Huguenot Heartland. Montauban and Southern french Calvinism during the Wars of Religion. Ashgate: Aldershot, 2002. P. 25–27.

²⁷ Daniel Ligou (dir.). Histoire de Montauban. P. 100.

²⁸ Ibid. P. 100.

²⁹ Ibid. P. 101.

³⁰ Philip Conner. Huguenot Heartland... P. 22–24.

³¹ Entre 1565 et 1567, le consulat est provisoirement mi-parti entre catholiques et protestants. Ibid. P. 31.

³² Daniel Ligou (dir.). Histoire de Montauban. P. 116.

et de reconnaître le maréchal de Biron, gouverneur de l'Aunis. Pendant le siège de 1573, les pasteurs jouent un rôle éminent dans la fermeté politique manifestée par la cité. En février, leur ascendant sur les membres du corps de ville leur permet de s'opposer victorieusement à toute tentation de négociation avec le duc d'Anjou³³. Les clauses de la paix de 1573 accordent une nouvelle fois l'exemption de garnison, mais prévoient que La Rochelle aura un gouverneur. Malgré tout, Biron reste écarté de la ville, les Rochelais n'acceptant de le recevoir qu'une seule journée (10 juillet 1573) pour publier la paix³⁴. En 1576, La Rochelle remporte une nouvelle victoire. Des lettres patentes du 23 mai 1576 accordent aux Rochelais l'exemption de gouverneur, confirmée par une «déclaration particulière», en réalité un article particulier de l'Édit de Poitiers en octobre 1577. Celui-ci précise que La Rochelle sera exempte «à tousjours de guarnisons, tant en ladite ville et gouvernement et de gouverneur en icelle ville, fors et excepté nostre seneschal dudit lieu»³⁵. Ces libertés ne sont pas considérées comme acquises, mais comme restaurées, et la ville retrouve ainsi sa situation privilégiée obtenue en 1372, sous Charles V³⁶. Les années 1568–1576 sont donc décisives pour le renouveau de l'autonomie rochelaise. Jusqu'en novembre 1628, lorsqu'un intendant de police, justice et finances est imposé à la cité vaincue, le corps de ville gère la ville en toute liberté et le pouvoir royal reste sans représentant autorisé à La Rochelle.

Pourtant, plusieurs tentatives de la monarchie afin de reprendre pied dans la cité peuvent être recensées, notamment au début du xviie siècle. La mésaventure de Jean Rochelle, sieur du Coudray, un Rochelais devenu conseiller au Parlement de Paris, envoyé dans sa cité natale avec une commission d'intendant en 1612, illustre bien la nature des rapports entretenus par la ville et le roi. Une semaine après son arrivée, le 5 septembre, il doit quitter précipitamment la ville³⁷. Le témoignage de Jacques Merlin, pasteur à La Rochelle depuis 1589, est éloquent:

Tout ce que dessus estant venu à la cognoissance des bourgeois et habitans de ceste ville, ils viennent, et il y a apparence que ce fut avec la permission du magistrat, en la basse cour du corps de ville, requérir que ceux qui estoient cause du trouble et de la division sortissent de ceste ville, et entre autres M. du Coudray, et supplier ledit corps qu'il demeurast toujours bien uni avec toutes les églises, comme aussi eux l'estoient. En sortant du conseil, sur les onze heu-

³³ Pascal Rambeaud. La Rochelle fidèle et rebelle. P. 70.

³⁴ Amos Barbot. Histoire de La Rochelle... Tome 18, 1890. P. 183–184.

³⁵ Étienne Trocmé. Du gouverneur à l'intendant. L'autonomie rochelaise de Charles IX à Louis XIII // Recueil de travaux offerts à M. Clovis Brunel. Paris : Société de l'École des chartes, 1955. P. 618; Étienne Trocmé. La Rochelle de 1560 à 1628. Thèse dactylographiée présentée à la Faculté de théologie, 1950. P. 175.

³⁶ Pascal Rambeaud. La Rochelle fidèle et rebelle. P. 120.

³⁷ Étienne Trocmé. Du gouverneur à l'intendant... P. 618–619.

res, un des eschevins, ami intime de M. du Coudray, nommé M. de Buzai, lève son baston qu'il porte à cause de ses gouttes et menace les bourgeois. Cela est cause qu'on saisit les cantons après avoir crié: Aux armes! et que de là en avant on demande avec plus d'insistance que le sieur du Coudray sorte, et ne veulent lesdits bourgeois quitter leurs cantons qu'il ne soit sorti. Cependant les parens du sieur du Coudray, qui voyent et entendent toutes les choses, viennent les uns après les autres, faire instance à leur parent de sortir, de peur qu'il ne lui mésadvint et à ses amis. Ainsi donc, sur les six heures du soir, une seconde allarme ayant esté donnée exprès, afin que chascun se retirast dans son quartier, d'autant que le peuple venoit en foule dans la rue du sieur du Coudray, et qu'on craignoit qu'il ne lui mésadvint, le sieur du Coudray ayant envoyé quérir M. le maire pour lui faire escorte, ledit maire y alla et le reconduisit jusques au rateau de dehors la Porte-Neufve et ferma le rateau sur lui, et cela fort à propos: car on eust couru après luy et sans ceste conduite ledit sieur du Coudray estoit mort; car quelques uns du menu peuple, comme mariniers et autres avec des huées: *acuebat clamoribus iras*, et volontiers que par mesme moyen, quelques uns de ses parents n'eussent pas esté espargnés. [...] si ledit sieur Rochelle en ceste confusion fut blessé, je ne sçai, quoique quelques uns ayent dit qu'il receut quelques coups de pierre et quelques coups de quillierac, tant qu'il n'y eut point de sang respandu icy à l'égard de sa personne ni de ceux de sa suite, sinon qu'un valet receut quelques coups de quillierac; passé qu'il fut le rasteau estant sur le pavé, il luy fut tiré un coup d'harquebuzé de dessus le rempart, mais personne n'en fut blessé³⁸.

Tout cela parce que du Coudray, considéré comme l'homme de la reine, veut empêcher les magistrats municipaux d'engager la cité dans l'union des Églises pour leur défense et pour l'application rigoureuse de l'édit de Nantes. En mai 1623, la ville refuse encore un intendant de justice et M. de Briet, conseiller en la cour de Parlement de Bordeaux, est contraint de quitter la cité car le corps de ville estime que sa présence «préjudiciast à nos privilèges»³⁹.

Pour autant, la ville n'est pas non plus soumise à la grande noblesse réformée. Elle est davantage alliée qu'intégrée au parti huguenot. Les autorités de la cité veillent constamment à donner une base contractuelle précise à la présence dans la ville des chefs protestants. Entre 1568 et 1589 sont ainsi conclus toute une série d'accords, signés de puissance à puissance entre le maire et tel ou tel prince protestant⁴⁰. Par exemple, lors du déclenchement de la troisième guerre

³⁸ *Diaire de Jacques Merlin*, ou «Recueil des choses [les] plus mémorables qui se sont passées en ceste ville» [de La Rochelle] de 1589 à 1620 / Publié par M. Charles Dangibeaud // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Tome 5 (1878). P. 169–170.

³⁹ *Diaire de Joseph Guillaudeau, sieur de Beaupréau (1584-1643)* // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Tome 38 (1908). P. 236.

⁴⁰ Étienne Trocmé. Réflexion sur le séparatisme rochelais (1568–1628) // Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme français, 1976. P. 206.

de religion, un traité d'alliance très formel est rédigé, dans lequel Louis de Condé promet, en échange de l'engagement rochelais, «de maintenir et conserver lesdits suppliants [les Rochelais] de tout son pouvoir en leurs privilèges, franchises et aultres exercisses de leurs juridictions et estats»⁴¹. En juin 1576, Henri de Navarre n'est autorisé à séjourner dans la ville que pendant six jours et à des conditions draconiennes. En novembre 1576, Henri de Condé doit aussi faire allégeance aux privilèges municipaux avant d'être autorisé à pénétrer dans la ville⁴².

Comment analyser l'attitude des Rochelais ? Pascal Rambeaud estime qu'à la racine, en janvier 1568, il y a eu conjonction entre une motivation religieuse, la défense du calvinisme, et une préoccupation politique, le refus de la garnison royale en vertu de la défense des privilèges de la cité. Cette association de facteurs a motivé le coup de force de François Pontard. Même si les deux buts poursuivis se sont harmonieusement conjugués⁴³, il semble bien que c'est la lutte pour la liberté de conscience qui a primé⁴⁴ dans la décision de prendre les armes. Dès lors, le mariage des intérêts politiques et de la lutte pour la foi s'est parfaitement opéré et la défense des libertés rochelaises s'est accordée avec celle de la religion réformée. Refuser la garnison, c'était ainsi à la fois défendre les privilèges de la ville et se prémunir contre la présence d'une troupe susceptible de s'en prendre aux habitants calvinistes de la cité.

Dans l'esprit des Rochelais, il n'y avait pas de rébellion. Ils défendaient le respect de leur constitution municipale, qui était en quelque sorte un contrat qui faisait d'eux les partenaires de la monarchie. En 1569, dans la *Seconde déclaration et protestation de ceux de La Rochelle contenant un brief et vray discours de ce qui a passé, depuis la pacification des troubles derniers, pour répondre aux calomnies de leurs ennemis et de l'estat du Roy*, les Rochelais justifient longuement leur comportement depuis la paix de Longjumeau. Ils expliquent que leurs actions, qui sont critiquées et utilisées pour les faire passer pour des rebelles, sont en réalité seulement guidées par leur détermination à faire respecter leurs privilèges. Dans une *Lettre des Maire, Echevins, pairs, bourgeois, manans et habitants de La Rochelle au roi* datée du 15 août 1568, insérée dans ce même écrit, protestation de fidélité au souverain et demande de respect du contrat conclu avec les rois précédents se conjuguent en une formule qui fait nettement apparaître la dimension contractuelle de la relation qui unit la ville et son seigneur :

Nos Rois vos predecesseurs nous ont de leur liberalité et bonté royalle ottroyé de beaux et grands privileges, en faveur de plusieurs

⁴¹ Kevin C. Robbins. *City on the Ocean Sea*...P. 206; Amos Barbot. *Histoire de La Rochelle*... Tome 17, 1889. P. 310-311.

⁴² Kevin C. Robbins. *City on the Ocean Sea*... P. 220.

⁴³ Pascal Rambeaud. *La Rochelle fidèle et rebelle*. P. 125.

⁴⁴ Ibid. P. 93-94.

bons et recommandables services que nos peres ont fait à la Couronne de France : il vous a pleu nous faire tant d'honneur et faveur de les nous confirmer, vous asseurant de nostre fidelité et loyauté. Nous vous supplions tres humblement, Sire, de nous garder vostre parolle, de nous faire iouyr du bien que nous ont fait nos Rois vos predecesseurs, et que nous nous sommes acquis en bien faisant. Ne souffrez point que la paix publique soit rompue. Oncques homme ne la rompit que Dieu ne chastiat exemplairement. Nos privileges nous dechargent et exemptent à iamais de toutes garnisons, sans lesquelles nous avons depuis trois cens ans en ça conservé et maintenu ceste ville en la devotion et suiectiion de la Couronne de France⁴⁵.

En 1573, on retrouve cette même dimension contractuelle :

Nous offrons tres devotement à voz maiestez, ce que est deu de long temps au Roy de France que nous reconnoissons pour nostre naturel Roy, et souverain seigneur, nos cœurs pour vous estre tres-humbles, tres-obeissans, et tres-fidelles serviteurs à iamais, non de bouche ou contentement seulement, et autres semblables honneurs, mais pour vraye obeissance : qui est de garder ses loix, vrais et permutuels commandemens, comme nos ancestres l'ont bien commencé⁴⁶.

Tout au long de la seconde moitié du xvie siècle, les Rochelais n'ont ainsi cessé de rappeler que la cité demeurait fidèle au roi dont le représentant, le sénéchal d'Aunis, conservait la prérogative de choisir le maire dans la liste présentée chaque année par le corps de ville⁴⁷. Cela ne donnait certes pas au souverain une autorité réelle sur les destinées de la cité, mais cela montre qu'il n'y eut pas de rupture avec le pouvoir monarchique. Le roi restait officiellement le seul seigneur de la ville, le maire lui prêtait serment de fidélité et toute la justice y était rendue en son nom. Ainsi, La Rochelle ne s'est jamais officiellement soustraite à l'autorité royale. Elle a seulement revendiqué une autonomie qu'elle estimait inscrite dans la loi. Le pouvoir monarchique ne le voyait cependant pas du même œil. Dans un pamphlet de 1567, l'attitude des Rochelais est déjà qualifiée de «malheureuse conspiration et rebellion»⁴⁸ et en 1585 l'ambassadeur du duc de

⁴⁵ *Seconde déclaration et protestation de ceux de La Rochelle contenant un brief et vray discours de ce qui a passé, depuis la pacification des troubles derniers, pour répondre aux calomnies de leurs ennemis et de l'estat du Roy*. Imprimé nouvellement. S.l., 1569. Non paginé.

⁴⁶ La harangue de ceux de La Rochelle au Roy de Pologne. Imprimé par Jean le Fort en la ville de La Rochelle, 1573. Non paginé.

⁴⁷ Étienne Trocmé. *Du gouverneur à l'intendant*... P. 618.

⁴⁸ *Discours sur la rebellion de La Rochelle commis par les pretendus reformez depuis l'an mil cinq cens soixante sept iusques à present : avec ung petit sommaire de ce qui est advenu tant à Lusignan qu'aultres lieux de ce pays de Poictou. A Poictiers, par Bertrand Noscereau Imprimeur ordinaire, et libraire iure de l'Université de ladite ville, 1569. Non paginé.*

Savoie, Pierre de Lucinge, donne une vision assez frappante de la manière dont l'attitude de la cité aunisienne était perçue du côté catholique. Fin 1585, il écrit ainsi qu'on «a remontré au Roy que cuydant éviter le danger des surprises des places fortes, il estoyt voisin d'un plus grand, qu'est la rebellion des villes, qui gouteront aysément, si elles sont puissantes, la liberté de ne recongnaistre plus ny roy, ni autre. A quoy la Rochelle leur sert de lumière, qui se gouverne à son plaisir et par la voix d'un magistrat qu'ilz s'élisent, sans qu'ils reçoivent aucun commandement ou du Roy ou de ses ministres»⁴⁹.

L'attitude adoptée par les Montalbanais présente bien des similitudes avec celle de leurs coreligionnaires aunisiers. Dès 1567, toute trace de catholicisme est effacée de la cité et les papistes qui refusent de se convertir doivent s'exiler. Le consulat est totalement calviniste et exerce sur la ville, en collaboration avec le consistoire, une domination politico-religieuse absolue⁵⁰. Comme à La Rochelle, l'autonomie n'est pas seulement revendiquée à l'égard du pouvoir royal, mais aussi à l'égard des chefs du parti protestant avec qui les consuls prétendent négocier d'égal à égal⁵¹. Avec la reprise de la guerre après la Saint-Barthélemy, les consuls imposent au gouverneur protestant nommé par les grands du parti le respect d'une sorte de contrat. Ce document, intitulé *Articles accordez arretez et iurez entre Monsieur le gouverneur de Montauban et les magistrats consuls et conseil ordinaire de cette ville*, prévoit que le gouverneur ne devra pas se mêler des affaires de la cité. Toute décision militaire devra être prise en concertation avec les consuls et il ne pourra lever aucune taxe sans l'autorisation du conseil de ville. Il devra prêter serment de respecter ces articles sous peine d'être démis de ses fonctions⁵². Son pouvoir est donc particulièrement encadré. À partir de 1572–1573, de nombreuses assemblées politiques se réunissent dans la cité qui vit dans la fièvre la conscience de sa totale autonomie, même s'il n'est pas question pour les Montalbanais de se reconnaître rebelles au pouvoir royal. De 1573 à 1595, on ne cesse de perfectionner les fortifications de la ville. En 1598, au moment de la signature de l'édit de Nantes, Montauban est une ville entièrement huguenote de 12 à 15 000 habitants. Ce n'est que la paix d'Alès, en 1629, qui met fin à sa situation particulière.

En dehors de ces deux cités principales, il faut encore évoquer Nîmes, qui connaît certes une évolution moins radicale que La Rochelle et Montauban, mais dont le cas ne manque pas d'intérêt. La mainmise réformée sur le consulat s'y affirme dès 1561, mais ce n'est qu'à partir de 1572 qu'elle devient exclusive.

⁴⁹ René de Lucinge. *Lettres sur les débuts de la Ligue (1585)* / Texte établi et annoté par Alain Dufour. Genève : Droz, 1964. P. 19.

⁵⁰ Daniel Ligou (dir.). *Histoire de Montauban*. P. 118.

⁵¹ Ibid. P. 119.

⁵² Philip Conner. *Huguenot Heartland...* P. 169.

Le dialogue avec le pouvoir royal s'articule le plus souvent autour de la défense des privilèges de la ville et notamment de la transaction de 1476 sur le consulat, plusieurs fois mise à mal à cause des troubles et dont les magistrats municipaux ne cessent de réclamer l'application pleine et entière⁵³. Comme à Montauban, les consuls et le conseil de ville de Nîmes rédigent en janvier 1573 des articles réglementant le pouvoir du gouverneur que l'on veut de toute évidence contrôler⁵⁴. À partir de 1572, les consuls traitent quasiment de puissance à puissance avec Montmorency-Damville, gouverneur de Languedoc, et avec Jean de Saint-Romain, nommé en 1573 par l'assemblée politique de Montauban gouverneur du Bas-Languedoc pour le compte des réformés. En 1575, ils obtiennent de ce dernier que soit remise en vigueur la transaction de 1476. Les privilèges de la ville se trouvent ainsi revivifiés. Désormais, ce sont à nouveau seulement les consuls et le conseil de ville ordinaire qui procéderont à l'élection des nouveaux consuls, suivant la forme et teneur des statuts et coutumes de la ville⁵⁵. En mars 1580, le dialogue avec le pouvoir royal n'est toujours pas rompu, puisque Henri III, à la demande des magistrats municipaux, confirme les privilèges de la ville⁵⁶.

Il est bien d'autres cités qui mériteraient d'être étudiées dans le cadre d'une enquête plus vaste. Castres, par exemple, qui pendant plus d'une vingtaine d'années, entre la reprise de la ville par les troupes de Jean de Bouffard-Lagrange, en août 1574⁵⁷, jusqu'à l'édit de Nantes, en 1598, a vécu hors de l'emprise royale. L'administration municipale fut alors entièrement dominée par les réformés et la ville devint un bastion militaire inexpugnable du parti huguenot⁵⁸. Millau, où se sont réunies de très nombreuses assemblées politiques réformées à partir de 1573, semble également avoir connu une assez longue période d'autonomie relative. Et il faudrait se pencher de plus près sur de nombreuses autres villes de ce Midi huguenot.

Ces cités calvinistes, jalouses de leurs privilèges et très attachées à leur autonomie, méritent-elles le nom de «républiques»? La question rappelle un célèbre débat qui a opposé les historiens sur une question connexe et dont l'évocation peut s'avérer éclairante. Ces communautés urbaines puissantes, pour-

⁵³ Xavier Guthertz, Michel Py, Jean-Luc Fiches (dir.). *Histoire de Nîmes*. Aix-en-Provence : Edisud, 1982. P. 152–158. Sur les institutions municipales nîmoises, voir également Ann H. Guggenheim. *Calvinism and the Political Elite of Sixteenth-Century Nîmes*. Ph.D., New York University, 1968. P. 88–116; et Armand Angelras. *Le consulat nîmois, histoire de son organisation*. Nîmes, 1912.

⁵⁴ Léon Ménard. *Histoire civile, ecclésiastique et littéraire de la ville de Nîmes*. Tome 5. Nîmes, 1873. P. 71–72.

⁵⁵ Ibid. P. 122–123.

⁵⁶ Ibid. P. 160.

⁵⁷ Rémy Cazals (dir.). *Histoire de Castres, Mazamet, La Montagne*. Toulouse: Privat, 1992. P. 124.

⁵⁸ Ibid. P. 136.

vues d'une forte autonomie, doivent être replacées dans le contexte plus vaste de l'organisation politique progressivement élaborée par les réformés afin de garantir leur défense. Dès les premières guerres, et surtout à partir de 1567, les chefs militaires huguenots se sont appuyés sur ces îlots de puissance calviniste afin de soutenir leur effort militaire. La structure confédérale, établie par plusieurs règlements successifs à partir de 1572, a été qualifiée à tort de «république» par plusieurs historiens oublieux de la véritable intention affichée par les rédacteurs de ces textes⁵⁹. Même si la tentation de la sécession a peut-être existé sous le choc de la Saint-Barthélemy, à l'automne 1572⁶⁰, elle s'est rapidement évanouie au profit d'un système moins «révolutionnaire». Le règlement dressé par les députés de l'assemblée politique réformée de Millau, en décembre 1573, situe ainsi expressément le système politique huguenot à l'intérieur du royaume, et non comme une entité indépendante et souveraine. Quant aux membres de l'assemblée de Millau de juillet 1574, ils protestent avec conviction leur fidélité au roi, affirmant qu'ils n'ont jamais envisagé de se soustraire à son autorité⁶¹. Il n'y a donc pas eu d'«État» huguenot, les réformés n'ont pas voulu faire sécession ni se constituer en une «république» qui aurait pu s'apparenter aux Provinces-Unies néerlandaises.

Pour en revenir aux cités calvinistes en elles-mêmes, il semblerait tout à fait envisageable de les baptiser «républiques» si l'on ne considérait que leur fonctionnement institutionnel interne car, au xvie siècle, la réalité républicaine apparaît inséparable du phénomène urbain⁶². La souveraineté n'y appartient ni à tous les habitants ni à un seul détenteur, mais à un collège réduit en nombre issu d'une fraction plus ou moins importante de la population. Les organes des régimes républicains sont constitués essentiellement de conseils et de magistratures qui se partagent le pouvoir⁶³. À La Rochelle, où quelques familles se disputent la direction des affaires publiques, on a un régime collégial de type

⁵⁹ Parmi ces historiens figure notamment *Janine Garrisson* pour son ouvrage *Protestants du Midi* (Toulouse: Privat, 1980) et sa contribution à l'*Histoire de Montauban*, dirigée par *Daniel Ligou*, déjà citée ci-dessus.

⁶⁰ Le fameux *Règlement des religionnaires*, ou *Arrêt de Daniel*, rédigé à l'automne 1572 mais finalement jamais appliqué, semblait requérir la mise en place, dans toutes les cités tenues par les calvinistes, d'une organisation politique commune permettant aux dites villes de s'auto-administrer. La revendication d'indépendance à l'égard du roi, à la domination duquel il devenait licite de se soustraire s'il ne respectait pas les privilèges des villes, y était clairement affirmée. Une constitution municipale commune devait être établie dans toutes les villes contrôlées par les huguenots. Calquée de toute évidence sur celle de La Rochelle, elle prévoyait un système comprenant un maire placé à la tête de la cité, choisi au sein d'un conseil de vingt-cinq, et soixante-quinze autres habitants élus, reflet des pairs rochelais.

⁶¹ *Arlette Jouanna et alii*. *Histoire et dictionnaire des guerres de religion*. Paris: Robert Laffont, 1998. P. 225.

⁶² *Éric Gojossa*. *Le concept de république en France (xvie-xviiie siècle)*. Aix-en-Provence: Presses universitaires d'Aix-Marseille, 1998. P. 218.

⁶³ *Yves Durand*. *Les républiques urbaines en France...* P. 9.

oligarchique⁶⁴. Bien plus qu'à Montauban, où l'assemblée des chefs de familles joue un rôle plus important dans le gouvernement de la cité, ce qui ne permet toutefois pas de parler de régime démocratique. Mais on ne peut s'en tenir à ces considérations. Il faut également prendre en compte la nature des relations entretenues par ces villes avec le roi, leur prince souverain et, dans cette optique, les objections évoquées à propos de l'opportunité de nommer «république» le système politique huguenot dans son entier restent valides. Les libertés et franchises dont les Rochelais ou les Montalbanais réclament la mise en application ne définissent en aucun cas un régime d'indépendance, mais une situation d'autonomie, ce qui ne revient pas au même⁶⁵. Elles n'excluent pas le seigneur ou le prince de la vie de la communauté qui lui reste en théorie largement subordonnée⁶⁶. Elles se bornent à définir, de manière précise et contractuelle, les devoirs et les privilèges de chacun. La revendication de la liberté de conscience n'implique pas davantage la soustraction à l'autorité du roi. Plus les privilèges sont étendus, plus le degré d'autonomie de la ville est important, mais il n'y a jamais réellement indépendance, du moins sur le plan théorique. Les villes réformées françaises n'ont jamais voulu se constituer en États indépendants, comme l'étaient par exemple des villes libres d'Empire qui ne reconnaissaient que la suzeraineté de l'empereur et non sa souveraineté, ou comme l'étaient les cités-États italiennes.

Ainsi, et même si Claude Malingre, continuateur de *La naissance progrez et decadence de l'hérésie de ce siècle* de Florimond de Raemond, accuse les Rochelais d'être rebelles au roi et de vouloir «bastir une République dans les entrailles de son État»⁶⁷ et si de nombreux pamphlets n'ont pas manqué de fustiger la «rébellion» des cités calvinistes⁶⁸, il semble nécessaire d'user de beaucoup de précaution en employant le terme de «république». Finalement, c'est peut-être davantage

⁶⁴ *Étienne Trocmé*. *Du gouverneur à l'intendant...* P. 622.

⁶⁵ Il n'est pas inutile de rappeler que l'autonomie est la situation d'une collectivité dotée, dans le cadre d'un État, de pouvoirs et d'institutions lui permettant de gérer des affaires qui lui sont propres sans interférence du pouvoir central, alors que l'indépendance suppose l'exercice de la souveraineté et donc la soustraction de l'entité indépendante à toute autre autorité étatique.

⁶⁶ *Étienne Trocmé*. *La Rochelle de 1560 à 1628*. P. 176-177.

⁶⁷ Voir *Florimond de Raemond*. *La naissance progrez et decadence de l'hérésie de ce siècle*. Édition de 1624. Tome II, livre X.

⁶⁸ Par exemple, le *Bref discours sur le tresheureux advenement de nostre tres-chrestien Roy Henry III de ce nom aujourdhuy regnant. Ensemble des heureux succes des guerres civiles advenues en France: avec les remonstrances à messieurs de la Rochelle, Nymes, Montauban et autres villes rebelles, sur la reduction de leurs villes*. Par *Claude Montioral, seigneur de Cyndre et Trezettes*, gentilhomme Borbonnois, commandant pour le service du Roy en la ville de Charliu, en l'absence de monseigneur de Mandelot. A Lyon: par Michel Iove, 1574. Ou encore le *Discours sur la Remonstrance faite à Messieurs de La Rochelle, Nymes et Montauban, et autres villes rebelles au Roy, sur la reduction d'icelles à sa Majesté*. Par *C. de Montioral Seigneur de Cyndre*. Chez Gilles Blaise au clos Bruneau à l'image Saincte Catherine, 1587.

dans le camp ligueur qu'il faut rechercher, dans les vingt dernières années du xvie siècle, l'existence de véritables et éphémères «républiques urbaines», car bien des villes se sont ouvertement soustraites à l'obéissance d'Henri III puis d'Henri IV, jugés complice des hérétiques pour le premier et hérétique pour le second. Il y eut alors véritablement rébellion, même si celle-ci fut provisoire.

Dans un volume presque tout entier consacré aux «Républiques calvinistes» dans les Pays-Bas, il ne semble pas inutile de conclure par quelques réflexions comparatistes sur les situations respectives des cités françaises et néerlandaises dominées par les réformés. Il est d'abord un point commun qui apparaît comme une évidence: dans tous les cas, l'invocation de la défense des privilèges urbains a joué un rôle fondamental dans la justification apportée par les élites municipales à leur conduite à l'égard de la monarchie. Mais il s'agit de la seule véritable ressemblance. Dans les villes calvinistes du royaume de France, la mise en place de l'autonomie n'a en effet pas été brutale, mais graduelle; elle n'a pas été éphémère, mais le plus souvent durable, au contraire de ce qui s'est passé aux Pays-Bas, où aucun des régimes mis en place à partir de 1577 n'a vécu dix ans. Enfin, et il s'agit peut-être du point de divergence essentiel, les villes réformées françaises n'ont jamais voulu admettre le moindre caractère insurrectionnel, puisqu'elles se sont toujours proclamées fidèles au roi.

Информация о статье:

Автор: Юг Досси, профессор Новой истории Университета Мэна (Франция), эл. адрес: Brigitte.Bellanger@univ-lemans.fr.

Заголовок: Европейский феномен? Можно ли говорить о «Кальвинистских республиках» во Франции второй половины XVI века?

Резюме: Во второй половине XVI века, пользуясь ослаблением монархической власти во Франции во время гражданских войн (1559–1598), значительное число французских городов стремилось добиться от короны большей или меньшей автономии. В подавляющем большинстве случаев, это достижение автономии воспринималось скорее как восстановление некогда утраченного порядка, поскольку многие городские привилегии, вольности и свободы, приобретенные в средневековье, затем частично были потеряны во времена правления Франциска I и Генриха II. В число муниципалитетов, стремящихся к такой цели, входили многие города, где преобладали католики, главным образом поддерживающие Лигу: можно привести примеры Морле, Сен-Мало или же Марселя. Городские общины, контролируемые кальвинистами, также активно принимали участие в этом движении. Конечно, прежде всего речь идет о Ла Рошели, но также о многих других городах юга королевства — Монтобана, Ниме и Кастре, которые попытались вынудить корону соблюдать их привилегии. В любом случае, будь то сообщество католическое или же протестантское, утверждение своей муниципальной идентичности, как правило, сопровождалось ярким проявлением идентичности

религиозной. Но правильно ли называть «республиками» эти городские общины, которые в течение ряда чрезвычайно беспокойных лет, существовали практически самостоятельно? Вопрос становится еще более открытым, поскольку значение слова «Республика» во Франции XVI века не было постоянным. Для того чтобы охарактеризовать политику, проводимую муниципалитетами кальвинистских городов, нужно заметить, что она вписывается в традиции защиты городских привилегий, приобретенных еще в эпоху Средневековья, независимо от религиозного контекста. Это объяснение позволяет дать оценку их отношениям с королевской властью после того, как эти города полностью и надолго попали под власть протестантов и стали открыто служить делу гугенотского движения.

Итак, являлись ли «республиками» кальвинистские города, с ревностью относящиеся к своим правам и очень привязанные к своей автономии? Эти спаянные городские общины, с сильной местной властью, нужно рассматривать в контексте более широкой политической организации, постепенно усовершенствованной протестантами с тем, чтобы гарантировать свою безопасность. Со времени первых войн — и, особенно, с 1567 г. — военачальники гугенотов опирались на эти островки кальвинистской силы, в целях поддержки своих военных предприятий. Конфедеративная структура управления, созданная введением нескольких последовательных регламентов, начиная с 1572 г., позволила некоторым историкам, которые не заметили истинных намерений авторов этих документов, ошибочно определять ее как «Республику». Даже если искушение раскола, быть может, и существовало осенью 1572 г., после шока Варфоломеевской ночи, оно быстро исчезло в пользу организации менее «революционной» системы. Регламент, составленный депутатами политической ассамблеи протестантов в Мийо в декабре 1573 г., демонстрирует существование политического объединения гугенотов внутри королевства: речь не идет о независимой, суверенной системе. Так, члены Ассамблеи в Мийо в июле 1574 г. протестуют, но с уверенением их лояльности к королю, заявляя, что никогда не думали подвергать сомнениям королевские полномочия. Следовательно, не существовало собственно «государства» гугенотов. Протестанты не хотели ни отделяться от единого королевства, ни соединиться в «Республику», которая напоминала бы Нидерланды.

Возвращаясь собственно к кальвинистским городам, о которых, как кажется, совершенно невозможно говорить как о «республиках», мы должны принять во внимание, что их внутреннее институциональное функционирование в XVI веке в действительности — республиканское, неотделимое от городского феномена. Суверенитет не принадлежит ни городским жителям, ни какому-то одному человеку, только — коллегиальному органу, ограниченному числом представителей группы, более или менее значимой для населения. Органы управления республиканских образований состояли в основном из советов и магистратур, разделявших между собой все властные полномочия. В Ла Рошели, где несколько семей боролись за контроль над общественными делами, существовала коллегиальная форма управления, напоминающая олигархическую. Более того, в Монтобана Ассамблея глав фамильных кланов играла более важную роль в городском управлении, характер которого не позволяет, тем не менее, говорить о каком-либо демократическом

режиме. Следует также учитывать характер отношений, сохранившийся между этими городами и королем, их суверенным государем, и, в связи с этим, возражения по поводу возможности названия «республиканской» политической системы гугенотов в целом остаются приемлемыми. Свободы и вольности, которые отстаивали жители Ла Рошели и Монтобана, говорят не о желании независимости, а об автономии, что не одно и то же. Горожане не исключали государя из жизни своего сообщества, которое теоретически оставалось в его власти в значительной мере. Желание городских жителей заключалось в определении, посредством точных и договорных обязательств, обязанностей и привилегий каждой из сторон. При этом требование свободы совести, не подразумевало умаление власти короля. Чем большими привилегиями располагает город, тем больше возрастает степень его автономии, но без признаков настоящей независимости — по крайней мере, в теоретическом плане. Города французских протестантов никогда не хотели соединяться в союз независимых государств, каковыми были, например, свободные города Империи, которые признавали только формальный сюзеренитет, но не суверенитет императора, или же города-государства Италии.

Ключевые слова: Религиозные войны, Франция XVI века, конфедерация кальвинистских городов, гугеноты и католики.

References:

- Angelras, Armand.* Le consulat nîmois, histoire de son organisation. Nîmes, 1912. 260 p.
- Arcere, Louis-Etienne.* Histoire de la ville de La Rochelle et du pays d'Aunis. Tome I. La Rochelle: Durand, 1756. 670 p.
- Barbot, Amos.* Histoire de La Rochelle depuis l'an 1199 jusques en 1575 / Publiée par *Denys d'Aussy* en trois parties dans les tomes 14 (1886), 17 (1889) et 18 (1890) // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis; tome 17, 1889. P. 257–261.
- Conner, Philip.* Huguenot Heartland. Montauban and Southern french Calvinism during the Wars of Religion. Ashgate: Aldershot, 2002. 458 p.
- Des villes en révolte. Les républiques urbaines aux Pays-Bas et en France pendant la deuxième moitié du xvie siècle / Études réunies par *Monique Weis* // Studies in European Urban History. N 23, Turnhout: Brepols, 2010. P. 65–76.
- Diaire de Jacques Merlin*, ou «Recueil des choses [les] plus mémorables qui se sont passées en ceste ville» [de La Rochelle] de 1589 à 1620 / Publié par M. Charles Dangibeaud // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Tome 5 (1878). P. 169–204.
- Diaire de Joseph Guillaudeau, sieur de Beaupréau (1584-1643)* // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Tome 38 (1908). P. 236-268.
- Discours sur la rebellion de La Rochelle commis par les pretendus reformez depuis l'an mil cinq cens soixante sept iusques à present: avec ung petit sommaire de ce qui est advenu tant à Lusignan qu'à d'autres lieux de ce pays de Poictou. A Poictiers, par Bertrand Noscereau Imprimeur ordinaire, et libraire iure de l'Université de ladite ville, 1569. Non paginé.*

Durand, Yves. Les républiques urbaines en France à la fin du xvie siècle // Annales de la Société d'histoire et d'archéologie de l'arrondissement de Saint-Malo, 1990. P. 205–244.

Durand, Yves. Les républiques au temps des monarchies. Paris: P.U.F., 1973. 361 p.

Giry, Arthur. Les établissements de Rouen. Vol. 1. Paris, 1883; reprint: Genève: Slatkine reprints, 1975. 348 p.

Gojoso Éric. Le concept de république en France (xvie–xviiie siècle). Aix-en-Provence: Presses universitaires d'Aix-Marseille, 1998. 289 p.

Guggenheim, Ann H. Calvinism and the Political Elite of Sixteenth-Century Nîmes. Ph.D., New York University, 1968. 550 p.

Gutherz, Xavier, Py, Michel, Fiches, Jean-Luc (dir.). Histoire de Nîmes. Aix-en-Provence: Edisud, 1982. 580 p.

Inventaire des titres, chartes et privilèges de La Rochelle et pais d'Aulnis, depuis l'establisement du corps de ville, avec les illustres maisons qui ont tiré leur origine de la mairie de La Rochelle, jusqu'en 1574, par Amos Barbot, escuier, baily du grand fief d'Aulnis, advocat en Parlement et siège présidial de La Rochelle, l'un des pairs du conseil ordinaire des maires, eschevins et pairs de La Rochelle // Bibliothèque nationale de France (Fds. fr. 18968 et 18969)

Jouanna Arlette et alii. Histoire et dictionnaire des guerres de religion. Paris: Robert Laffont, 1998. 1526 p.

La harangue de ceux de La Rochelle au Roy de Pologne. Imprimé par Jean le Fort en la ville de La Rochelle, 1573. Non paginé.

Ligou, Daniel (dir.). Histoire de Montauban. Toulouse: Privat, 1992. P. 324 p.

Lucinge, René de. Lettres sur les débuts de la Ligue (1585) / Texte établi et annoté par Alain Dufour. Genève: Droz, 1964. 670 p.

Ménard, Léon. Histoire civile, ecclésiastique et littéraire de la ville de Nîmes. Tome 5. Nîmes, 1873. 560 p.

Montiornal, Claude, seigneur de Cyndre et Trezettes, gentilhomme Borbonnois, commandant pour le service du Roy en la ville de Charliou, en l'absence de monseigneur de Mandelot. Bref discours sur le tresheureux advenement de nostre tres-chrestien Roy Henry III de ce nom aujourdhuy regnant. Ensemble des heureux succes des guerres civiles advenues en France: avec les remonstrances à messieurs de la Rochelle, Nymes, Montauban et autres villes rebelles, sur la reduction de leurs villes. Par A Lyon: par Michel Iove, 1574. Non paginé.

Montiornal, Claude, Seigneur de Cyndre. Discours sur la Remonstrance faite à Messieurs de La Rochelle, Nymes et Montauban, et autres villes rebelles au Roy, sur la reduction d'icelles à sa Majesté. Chez Gilles Blaise au clos Bruneau à l'image Sainte Catherine, 1587. Non paginé.

Raemond, Florimond de. La naissance progrez et decadence de l'hérésie de ce siècle. Édition de 1624. Tome II, livre X. S.l., s.d.

Rambeaud, Pascal. La Rochelle fidèle et rebelle. Paris: Le Croît vif, 1999. 470 p.

Robbins, Kevin C. City on the Ocean Sea: La Rochelle, 1530–1650. Urban Society, Religion and Politics on the French Atlantic Frontier. Leiden: Brill, 1997. 520 p.

Seconde declaration et protestation de ceux de La Rochelle contenant un brief et vray discours de ce qui a passé, depuis la pacification des troubles derniers, pour respondre aux calomnies de leurs ennemis et de l'estat du Roy. Imprimé nouvellement. S.l., 1569. Non paginé.

Trocme, Étienne. Du gouverneur à l'intendant. L'autonomie rochelaise de Charles IX à Louis XIII // Recueil de travaux offerts à M. Clovis Brunel. Paris: Société de l'École des chartes, 1955. P. 618–628.

Trocme, Étienne. La Rochelle de 1560 à 1628. Thèse dactylographiée présentée à la Faculté de théologie, 1950. 480 p.

Trocme, Étienne. Réflexion sur le séparatisme rochelais (1568–1628) // Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme français, 1976. P. 205–224.

Information about the article:

Author: Hugues Daussy, PhD, Prof. of Modern History at Université du Maine (France)

Title: A European phenomenon? Can we speak about the «Calvinist Republics» in France in the second half of the Sixteenth century?

Summary: During the second half of the sixteenth century, the weakening of the monarchic authority prompted numerous towns of the French kingdom to gain their independence to the prejudice of the royal power. Among the cities ruled by the Huguenots, La Rochelle, Montauban, Nîmes and Castres tried to enforce the respect of their privileges on the monarchy. This assertion of a local civic identity would usually go hand in hand with the exaltation of a religious identity. However, those calvinists cities, jealous of their privileges and deeply attached to their self-government, could only be named “republics” in the limited area of their private institutional functioning. In the sixteenth century, the republican reality and the urban phenomenon were deeply linked to each other. But a close study of the connections existing between those towns and the king, their sovereign prince, proves the use of the word “republic” hardly justifiable. The liberties and franchises claimed by the inhabitants of La Rochelle and Montauban, in no way established any form of independence towards the royal power. The urban communities remained dependant of the monarchy within the framework of a contractual relation, stating precisely the duties and privileges of each party. The french reformed cities never claimed to be independent States, as some free cities of the Holy Empire did.

Key words: Wors of Religion, France in XVth c., Calvinist Cities Confederation, Huguenots and Catholics.

Пер. и подг. В. В. Шишкин

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лебедева Г. Е., Якубский В. А.</i> Первый университетский учебник по истории Средних веков и кафедры медиевистики Ленинградского университета.....	5
<i>Банников А. В., Шмидт Г. А.</i> Spatha или gladius? Принципы отражения военных реалий собственного времени Аммианом Марцеллином.....	14
<i>Мехмадиев Е. А.</i> Надпись Флавия Мемория и легион Lanciarum seniores: некоторые аспекты формирования подразделений seniores–iuniores в позднеримской армии.	26
<i>Паламарчук А. А., Федоров С. Е., Сергеева Л. П.</i> Парадоксы и технологии антикварного дискурса в яковитской Англии.....	47
<i>Бакалдина Е. В.</i> Медицинский персонал в хаусхолде короля Англии Эдуарда IV (1461–1483).	75
<i>Старостин Д. Н.</i> Каролингская Аквитания в изображении Адемара Шабаннского (ок. 989–1034).	93
<i>Кравцова Е. С.</i> Erunt signa in sole et luna et stellis: место францисканского ордена во второй половине XIII в. в средневековом обществе по проповедям Бонавентуры.	110
<i>Hugues Daussy.</i> Un phénomène européen? Peut-on parler de «Républiques calvinistes» en France dans la seconde moitié du xvi ^e siècle?	130

Данное издание вышло при финансовой поддержке Фонда научных исследований истории и культуры стран Европы «Европейское наследие»

Фонд научных исследований истории и культуры стран Европы «Европейское наследие» создан в 2011 г. по инициативе группы петербургских историков. Целью Фонда является разработка и поддержка научно-исследовательских проектов самого широкого профиля по изучению истории и культуры стран европейского региона.

Широта диапазона позволяет формировать программы разнообразных, как индивидуальных, так и коллективных исследований. В число задач Фонда входят в этой связи разработка и финансирование научно-исследовательских проектов, призванных координировать усилия ученых как в области отдельных направлений, так и междисциплинарных исследований, связанных с историей.

Фонд поддерживает не только научную работу отдельных специалистов, но и различные формы международного сотрудничества. Особое внимание уделяется организации и проведению как международных, так и отечественных семинаров, коллоквиумов, круглых столов, конференций, презентаций. Кроме того, Фонд финансирует различного рода издательские проекты, включая публикации монографий, коллективных трудов, материалов круглых столов и конференций. Особое значение придается переводу и изданию документального материала, а также наиболее важных трудов зарубежных авторов.

Среди крупных мероприятий, поддержанных и проведенных Фондом в 2012 г.: международная российско-немецкая научная конференция «Война в зеркале историко-культурной традиции: от античности до нового времени» (март 2012 г.) и международная научная конференция,

приуроченная к 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 г. «1812 г. в истории России и Европы» (декабрь 2012 г.). В декабре 2013 г. в Санкт-Петербурге по инициативе Фонда состоялась международная конференция, посвященная юбилею начала правления Дома Романовых: «К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России». В ней приняли участие историки Санкт-Петербурга, специалисты из ведущих исследовательских учреждений нашей страны, ученые из Германии, Чехии, Польши, Южной Кореи. В числе ближайших планов: подготовка и проведение цикла научных встреч и конференций, связанных со столетием начала Первой Мировой войны.

Фонд открыт для сотрудничества не только с отечественными, но и с зарубежными учебными и научно-исследовательскими учреждениями. Лишь в единстве усилий Фонд полагает возможным успешное достижение поставленных целей. В рамках его деятельности смогут найти коллегиальный приют специалисты, на первый взгляд, совершенно разных эпох и направлений. Учредители Фонда уверены: координирование работы и систематическая поддержка отдельных ученых и исследовательских групп способна поставить отечественную историческую науку на качественно новый уровень своего развития.

Фонд готов рассматривать и поддерживать проекты как отдельных исследователей, так и научных коллективов и организаций, направленных на решение актуальных научных проблем.

Подробная информация о деятельности Фонда содержится на сайте: www.diskmaster.ru/.../fond-evropejskoe-nasledie.html

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНИХ ВЕКОВ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Выпуск 10

Межвузовский сборник

Под редакцией *Г. Е. Лебедевой*

Корректор *Л. В. Орлова*

Верстка *Л. А. Шитовой*

Обложка *С. В. Яник*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 17.10.2013

Формат 60×90/16. 9,5 п. л.

Тираж 300 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного историческим факультетом СПбГУ,
в типографии Издательства Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел./факс: (812) 552-75-26.